

Russian Academy of Sciences
Department of Historical and Philological Studies
Scientific Council for the Problems
of Agrarian History of Eastern Europe
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
Bryansk State Academician I.G.Petrovsky University

The Agrarian History
of Eastern Europe
Yearbook
2017

Forms of Landowning and Systems of Land Use,
Rural Authorities and Communes
in the Agricultural History of Russia, X–XXI Centuries

Moscow – Bryansk
2018

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук
Научный совет по проблемам аграрной истории
Восточной Европы
Институт славяноведения Российской академии наук
Брянский государственный университет
им. академика И.Г. Петровского

Ежегодник
по аграрной истории
Восточной Европы
2017 год

Формы землевладения и системы
землепользования, сельское управление
и самоуправление
в аграрной истории России X–XXI вв.

Москва – Брянск
2018

ББК 63.3
Е-36

«Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы» –
издание Научного совета по проблемам аграрной истории
Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН

Издание основано в 1959 г. и восстановлено под прежним названием в 2012 г.

Редакционная коллегия

Е.Н. Швейковская (ответственный редактор), В.А. Ильиных,
М.Д. Карпачев, А.И. Комиссаренко, В.В. Кондрашин, В.Н. Никулин,
В.Д. Назаров, Н.В. Соколова (ответственный секретарь), Д.А. Хитров
Ответственный за выпуск С.И. Михальченко

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 18-09-20036*

Е-36 Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.
2017 год : Формы землевладения и системы землепользова-
ния, сельское управление и самоуправление в аграрной исто-
рии России X–XXI вв. / Научный совет по проблемам аграр-
ной истории Восточной Европы при ОИФН РАН; Отв. ред.
Е.Н. Швейковская. – М.; Брянск: Новый проект, 2018. – 264 с.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-6041705-6-4

В очередном томе «Ежегодника по аграрной истории Восточной Евро-
пы» представлена часть материалов XXXVI сессии Симпозиума по аграрной
истории Восточной Европы за значительный хронологический период с X по
XXI в. Статьи сочетают конкретные тематические разработки широкого диа-
пазона с историографическим и источниковедческим анализом.

ISSN: 2305-5057

ISBN 978-5-6041705-6-4

© Коллектив авторов, 2018

Предисловие

В предлагаемый том «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» входит часть материалов XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы за значительный хронологический период с X по XXI в. Статьи сочетают конкретные тематические разработки широкого диапазона с историографическим и источниковедческим анализом.

Период X – первой половины XIX в. представлен в томе статьями о социальных организациях и сельских сообществах, их вертикальных взаимоотношениях, о землевладении и землепользовании крестьян и сельского духовенства, об оценке качества и плодородия облагаемых налогами земель. В рассмотренных авторами сюжетах, как правило, присутствует источниковедческий ракурс изучения, сочетающий данные разновременных и разнородных документов, как письменных, так и зафиксированных устных.

В статьях по второй половине XIX в. подняты разносторонние вопросы об экономических, социальных и духовных сторонах жизни крестьянства после отмены крепостного права. В них оценены: отражение экономической эффективности частновладельческих хозяйств в общественной мысли начала XX в., деятельность губернской администрации по организации на местах нововведений, предусмотренных столыпинской аграрной политикой, сельскохозяйственная помощь семьям крестьян центральных губерний, мобилизованных в действующую армию. Заслуживает внимания критический источниковедческий подход к исследованию опыта анализа урожайной статистики в дореволюционной России.

В разделе «1917 г. – современность» выделяется блок, посвященный сельскому самоуправлению и крестьянскому движению в 1917 г. Из статей явствует достижение крестьянским самоуправлением к осени 1917 г. столь высокого уровня, что оно уже переставало нуждаться в центральной власти. Политика и действия Временного правительства только усиливали крестьянскую власть в деревне. Волна «черного передела» смела помещичье землевладение, а общинная революция покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. В материалах по советскому и постсоветскому времени основное внимание уделяется вопросам трансформации форм и видов землепользования. Также исследовано влияние аграрных преобразований на динамику сельского хозяйства. В ряде работ уделено внимание источниковедческим и историографическим вопросам аграрной проблематики этого сложного периода.

Редколлегия

Соседская сельская община на Руси IX–XII вв.: земельная собственность, платежи и повинности

В статье анализируются факторы, которые имели следствием формирование на Руси IX–X вв. соседской общины, а также свидетельства о ее земельном владении, юридических правах, государственных податях и обязанностях в XI–XII вв.

Ключевые слова: индоевропейский период; общеславянский период; сельская община; юридические права; государственные подати; повинности.

В изучении сельской общины на Руси накоплен значительный исследовательский опыт. В течение почти двухсотлетнего анализа, начиная с ее «открытия» славянофилами, интерпретации ее конкретного содержания в значительной мере изменялись под воздействием общественно-политических, философских и исторических теорий. Особую сложность представляет ее начальная история – характеристики основных типов сельской общины, определение времени их появления, содержание трансформационных процессов. Коллективный опыт исследователей в XX в. показал, что изучение сельской общины на Руси IX–XII вв. возможно только при комплексном анализе археологических, нарративных и юридических письменных источников. Этот опыт следует дополнить методами системно-структурного и генетического анализа.

История общины неразрывно связана с историей семьи. Уже в индоевропейский период III–I тыс. в эпоху позднего бронзового и раннего железного века – генетического начала истории в частности славянских народов – существовали патриархальная экзогамная большая семья и малые нуклеарные семьи как ее составные части. Она объединяла экономические потенциалы малых семей в составе рода и племени, обладая правами коллективного владения и кровной мести. Обязательная экзогамия в эпоху патриархата стала основой формирования развитой терминологии семейных отношений, кровного и свойственного родства: ‘жена’, ‘муж’ со значениями хозяин, повелитель, ‘отец’, ‘мать’, ‘сын’, ‘дочь’, ‘брат’,

¹ Свердлов Михаил Борисович, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, sverdlovmb@mail.ru, Россия, г. Санкт-Петербург.

‘сестра’, ‘деверь’ – брат мужа, ‘золовка’ – сестра мужа, ‘ятровь’ – жена деверя, ‘свекровь’ – мать мужа, ‘свекор’ – отец мужа, ‘сноха, невестка’² [1, с. 758–766]. Эта терминология указывала также на запреты брачных связей в патриархальной большой семье.

Развитая индоевропейская традиция терминологии кровного и свойственного родства была продолжена в железный век в общеславянский (праславянский) период V – начала VII вв. [см.: 11, с. 35–84, 118–121, 125–141]. Близкие семейные, хозяйственные и социальные связи соотносили отцовскую семью с дядей по отцу – **stryjь* и по матери – **ujь*. Для обобщающего названия племянника в славянском языке существовало слово **netijь*. Семантика этого слова раскрывает его смысл – ‘принадлежащий не-отцу, не-старейшине’. Появились также слова, которые конкретно указывали место племянника в системе кровного родства: **bratučędo* ‘племянник’, ‘двоюродные братья (по отцу)’, **bratana*, **bratanica* ‘племянница, дочь брата’, **brataniťь*, **bratanь* ‘сын брата’. Сына сестры называли **sestrěньсь*.

В свойственной системе родства назывались родители мужа по отношению к его жене – **svekrь* ‘свекор, отец мужа’ **svekry* ‘мать мужа’. В славянском языковом сознании они воспринимались как указание ‘своя кровь’. Продолжая это наблюдение, можно сделать вывод, в соответствии с которым снохи, невестки включались в число кровных родственников и тем самым устанавливались брачные запреты на их отношения с родственниками мужа.

Терминами родства по браку являлись также **tьstь* ‘тесть’ и **tьstjā* ‘тёща’, **zęťь* ‘зять’. По мнению О.Н. Трубачева, они приравнивали свойственное родство к кровному. Свойственная система родства точно указывала место в ней каждого члена семьи: **snьxa* ‘жена сына’, **děverь* ‘деверь, брат мужа’, **zъly* ‘золовка, сестра мужа’, **jętry* ‘ятровь, жена брата мужа’, **šurь* ‘шурин, брат жены’. Описательное название имеют славянские термины **svьstь* ‘свояченица, сестра жены’ и ‘свояк, муж сестры жены’.

Таким образом, общеславянская (праславянская) терминология кровного и свойственного родства продолжала в общеславянский период указывать на автономное значение малой семьи в еще существующих структурах рода и племени, а также на продолже-

² Здесь и далее указание индоевропейских и общеславянских (праславянских) терминов родства, а также научной литературы по необходимости сокращено.

ние в патриархальной большой семье брачных запретов и обязательной экзогамии.

Как доказал И.И. Ляпушкин еще в 1950-1960-х гг. на основании системных археологических исследований сельских поселений, у восточных славян к концу IX в. определяющим типом семейной организации стала малая семья, что предопределило формирование в это время соседской общины как основного вида [4; 5]. Об этом свидетельствуют комплексы небольших по площади домов на Новотроицком городище (12–20 кв. м.) и прилегающих к ним хозяйственных сооружений (погребя, зерновые ямы, кладовки и т. п.), а также находящийся в этих комплексах хозяйственный и бытовой инвентарь. В соответствии с каталогом восточнославянских поселений VIII – первой половины X в. в лесостепной и лесной зонах наиболее распространенная площадь жилищ – 10–20 кв. м. [7, с. 27–49].

Основные виды хозяйствования таких восточнославянских соседских общин – пашенное земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, бортничество. Дома женщины занимались также прядением, ткачеством, мужчины – изготовлением изделий из дерева и кости, земледельческих орудий, транспортных средств (телеги, лодки). Коллективное производство, хранение и потребление продуктов земледелия не прослеживается. Обращает внимание различие состава зерновых культур на Новотроицком городище на р. Псел, которое погибло в результате неожиданного нападения печенегов в конце IX в. Вследствие такой особенности его гибели, это городище, хотя и разграбленное нападавшими, полностью раскопанное, изученное Ляпушкиным, является ценнейшим историческим источником.

За время существования Новотроицкого городища в IX в. на нем было построено 50 жилищ-полуземлянок. В его обособленных четырех жилищах найдена из зерновых хлебных культур только пшеница, тогда как в одном жилище и двух хозяйственных сооружениях – только озимая рожь. Ячмень найден как примесь среди пшеницы. Такие различия в составе зерновых могут указывать на разные хозяйственные предпочтения владельцев этих жилищ. находка зерен озимой ржи предполагает чередование яровых и озимых посевов.

На некоторых сельских поселениях этого времени существовали ремесленные мастерские по производству изделий из железа

и цветных металлов, бронзы и серебра (ювелирное производство). Восточные дирхемы в таких мастерских переплавлялись в серебряные украшения или дирхемы становились составной частью женских украшений. Гончарная керамика была восточнославянского и иноземного производства. На сельских поселениях IX–X вв. найдены также предметы неместного производства, восточнославянского и импортного. На основании материалов Новотроицкого городища Ляпушкин пришел к выводу, в соответствии с которым большая часть его жителей занималась сельским хозяйством, меньшая – ремеслами (кузнечное, ювелирное дело). Автор допускал отделение таких ремесленников от системы сельскохозяйственного производства, но предполагал их сельскохозяйственные занятия для домашних нужд.

Формирование к X в. восточнославянской малой семьи и соседской общины как основных видов социальной организации в лесостепной и лесной зонах Восточной Европы в больших и малодворных селениях подразумевает индивидуальную и малосемейную юридическую ответственность за правонарушение. Виды семейных и общинных правоотношений регулировались Правдой Русской. Как источник права она существовала в X в. Ее нормы в обратном переводе с греческого языка под названием «Закона Русского» учтены при составлении русско-византийских договоров 911 и 944 гг.³ Восточнославянские малая семья и соседская община существовали в конце IX – середине X в. в потестарном Русском государстве, в котором, кроме княжеского закона Правды Русской, существовали другие государственные институты – публичная власть династии Рюриковичей, податная система от дыма-дома, хозяйства малой семьи, а также войско [8, 9; см. здесь литературу с близкими и противоположными по содержанию выводами].

Древнейшим сводом норм писаного права является Краткая Правда Русская (далее – КПр, ее текст цитируется по более исправному Академическому списку). Время ее создания датируется первой половиной – серединой XI в. [9, с. 19–144]. В КПр указана в качестве основной индивидуальная ответственность перед законом и княжеским судом. Ст. 1 КПр учитывает еще существующую традицию права кровной мести, но только в двух поколениях –

³ Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комм. Д.С. Лихачева. СПб., 1996. С. 18, 25.

отцов и детей. Такое ограничение числа возможных мстителей при существующей вире – княжеского судебного штрафа за убийство – свидетельствует о пережиточном существовании кровной мести. Вскоре после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) ее запретили (ст. 2 Пространной Правды Русской, далее ППР; она датируется 1110-ми – 1120-ми гг. [9, с. 145–231]⁴).

В ст. 19 КПР особо подчеркнута индивидуальная ответственность за убийство княжих служилых людей: «Аще убьютъ огнищанина *въ обиду*, то платити за нь 80 гривенъ *убищи*, а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ» (здесь и далее курсив мой – М.С.). В ст. 20 КПР сельская соседская община *вервь* указана перед княжеской властью и ее судом как коллективное юридическое лицо со своей определенной территорией, на которой в случае убийства она обязана искать убийцу, обладая на это юридическим правом и обязанностью. Если при разбойном нападении *вервь* убийцу княжих служилых людей не ищет и, возможно, укрывает, то она должна выплатить виру коллективно («дикая вира»): «А убьютъ огнищанина *въ разбои*, или *убища* не ищуть, то вирное платити, в неже вири голова начнетъ лежати».

О значимости княжеского судебного штрафа убийце, а также следственных действий *верви* и ее ответственности в случае укрывательства или безрезультатных поисков ею убийцы свидетельствует конкретное денежное содержание виры. Если верны новейшие подсчеты нумизматов, то до XI в. включительно гривна весила ок. 51 г серебра. В XII в. киевская гривна стала весить ок. 164 г, новгородская – ок. 204 г. [2, с. 211–212]. Таким образом, до XI в. убийца или *вервь* должны были выплатить княжим служилым людям *вирникам*, которые являлись судебными исполнителями, виру в 80 гривен весом ок. 4 кг серебра. В XII в. этот судебный штраф составлял ок. 13 кг серебра киевскими гривнами или более 16 кг серебра новгородскими гривнами.

Как следует из «Покона вирного», изданного Ярославом Мудрым (ст. 42 КПР), пребывание *вирника* в *верви* во время взимания виры являлось значительным отягощением для общины в целом. При въезде («а передѣ») *вирник* получал гривну. Он и его

⁴ Здесь и далее номера статей КПР и ППР указаны в соответствии с академическим изданием: Правда Русская. Т. II. Комментарии / Сост. Б.В. Александров, В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Н.Ф. Лавров, Б.А. Романов / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1947.

помощник («отрок») должен был находиться на территории верви не более недели. За это время ему следовало получить семь ведер солода для варения пива, барана или полтуши говядины, или вместо них две ногаты (ок. 5 г серебра), а также две куры. В среду и пятницу (постные для христианина дни) вирнику давали резану (ок. 1 г серебра) [4, с. 212] или сыры, а хлеба во все дни – без ограничений. Четырех коней (вирника и отрока) также в корме не ограничивали.

В КПР указаны денежные отчисления вирнику за исполнение его обязанностей. Но в двух ее сохранившихся списках, восходивших к одному протографу, это указание ошибочно – 60 гривен, 10 резан и 12 вевериц при взимании виры в 60 гривен. Точное указание такого отчисления сохранилось в ППР.

В ППР нормы, относившиеся к правовому статусу сельской общины, разработаны более обстоятельно. Дополнения относятся к выплате ею виры за убийство простого свободного человека, «людина», к бессрочной выплате этой виры в случае отсутствия преступника и указано конкретное участие преступника в ее коллективной выплате. Оговорено право члена верви не участвовать в коллективной выплате виры. В этом случае община не помогает ему (ст. 3–6, 8 ППР). Верьвь должна выдать убийцу, совершившего преступление без причины, вместе с его семьей. Это – малая семья и ее хозяйство: «выдають й всего съ женою и с дѣтми на потокъ и на разграбление» (ст. 7 ППР).

В «Поконе вирном» в составе ППР конкретизировано предоставление общиной вирнику хлебов и пшена, добавлено указание соли (7 голважень). Информативно название гривны, которую вервь давала вирнику за его приезд – «съсадная гривна». Такое название подразумевало церемониальность прибытия вирника с помощником, ссаживания вирника с коня и поднесения ему серебряной денежной гривны членами общины, вероятно, ее старейшинами. Церемония ссаживания вирника в качестве судебного исполнителя с коня утверждала верховенство княжеской власти и ее суда над сельской общиной, т. е. она имела социально-политическую и правовую функцию.

«Покон вирный» в составе ППР сохранил точное указание отчисления вирнику от собранной виры в 40 гривен за убийство простого свободного человека – 8 гривен, а также 10 кун – «пере-

кладная» подать. Общий вес в серебре этого отчисления составлял ок. 500 г. Помощнику «метельнику» полагалось 12 векш (эквивалентом векши являлось 0,33 г. серебра) [10, с. 110]. За сбор виры в 80 гривен (за убийство княжих знатных людей) вирник получал 16 гривен (ст. 9, 10 ППР), т. е. ок. 1 кг. Такое значительное денежное поступление вирнику являлось средством его материального обеспечения за службу князю. Оно представляло собой один из видов содержания служилых князю (королю, императору) людей. Этот вид материального обеспечения за службу сюзерену назывался в странах Западной Европы феодалом–должностью [6, с. 71–72]. Таким образом, на Руси община-вервь была органично включена в систему государственных не только правовых и социально-политических, но также в один из видов сложных феодальных социально-экономических отношений.

Вервь-община состояла из свободного сельского населения – смердов. Смерд являлся владельцем малого семейного хозяйства, что следует из изложения в ПВЛ речи Владимира Мономаха на Долобском княжеском съезде в 1103 г.: «Дивно ми <...>, оже лошадей жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнет орати смердь, и приѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлюю, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?»⁵. На Долобском съезде обсуждался вопрос, следовало ли мобилизовать лошадей смердов, а, возможно, и самих смердов, для похода на половцев весной. Из этого текста следует, что обязанностью смердов являлось участие в ополчениях. Такая воинская повинность была свойственна европейскому раннему средневековью.

Смерды находились под юрисдикцией князя. Их выморочное имущество переходило князю (ст. 90 ППР). Князь обеспечивал смерда правовой защитой. В качестве свободного человека смерд на суде платил штраф – «продажу» (ст. 78 ППР). Смерды уплачивали князю регулярные фиксированные подати, а также осуществляли «повоз» – обязанность перевозок по суше и воде [8, с. 557–558]. Смерды, вероятно, со своим хозяйством попадали в зависимость от господина, поэтому за их убийство платилась не вира, как

⁵ Повесть временных лет. С. 118.

за свободного человека, а судебный штраф в пять гривен (ст. 26 КПР; ст. 16 ППР).

После Ордынского нашествия слово «смерды» как обобщающее название сельского населения было заменено в Северо-Восточной Руси понятием «хрестьяне», производным от «христиане», что стало следствием народной самоидентификации в условиях территориальной близости Золотой Орды и ее попыток включить русские земли в свой состав. В Северо-Западной Руси XIV–XV вв. понятие «смерды» продолжало использоваться в его традиционном содержании.

Видимо, со второй половины XI в. в экономическую зависимость от господина, сопровождавшуюся внеэкономическим принуждением, попадали закупы. У них было свое земельное владение («отарица»), кони, сельскохозяйственный инвентарь. Когда закупы получали подмогу (прежде всего денежную «купу»), они ее отрабатывали с процентами в хозяйстве господина на пахоте и обслуживали его скот. При этом княжеский суд защищал права закупа как лично свободного человека [8, с. 562–563].

Свобода участия в коллективной «дикой» вире общины-верви свидетельствует о соседском характере сельской общины. На такое ее свойство указывает возможность попадания в зависимость от господина смерда и закупа, которые владели своим хозяйством, но нуждались для его поддержки в «купе» (деньги или натуральная подмога). Они, попав в зависимость от господина, сохраняли свое земельное владение, скот и сельскохозяйственный инвентарь.

Автономное в составе соседской общины ведение хозяйства малой семьи, вероятные различия таких семей в структуре их хозяйствования, их свобода участия в «дикой» вире, собственное хозяйство у смерда и закупа, с которым они попадали в состав господского хозяйства, позволяют характеризовать древнерусскую общину X–XII вв. как непередельную.

Подобные свойства сельской соседской общины объясняют, почему в Начальном своде (1093–1095 гг.), сохранившемся в составе Новгородской Первой летописи, а годы его написания дискутируются, в качестве единицы фиксированного ежегодного податного обложения со второй половины IX – начала X в. указан

«дым»-дом – хозяйство малой семьи, а ко времени княжения Святослава отнесен также «плуг» – земля, распаханная одним плугом⁶. В ПВЛ (1113 г.) взимание от дыма и от плуга-рала со славянских племен отнесено к хазарам. В дальнейшем оно подразумевается как институт формирующейся и развивающейся древнерусской государственности⁷. Государственные подати свободного сельского населения в виде «подымного» от хозяйства малой семьи были распространены во многих европейских странах, включая Византию. Широко было распространено и «поплужное» (в русской традиции также «посошное») – подать от единицы пахотной земли.

Другим видом государственной повинности свободного сельского населения, формой социально-экономической и правовой организации которого являлась соседская община, было, как ранее отмечено, исполнение воинской обязанности – участие в ополчении и/или мобилизация лошадей смердов. Особой повинностью являлся «повоз» – обязанность перевозок княжих людей по сухопутным и речным путям. Он указан в упомянутом выше Начальном своде в повествовании о подчинении Владимиром Святославичем радимичей и о включении их в состав Русского государства: «повозь везуть и до сего дни»⁸. Всеобщность распространения повоза по сухопутным дорогам в качестве государственной повинности имела следствием появление термина «повозник» и его перенесение на перевозчиков на ладьях по внутренним речным путям, как следует из повествования о Яне Вышатиче о подавлении им восстания смердов во главе с волхвами в Ростово-Суздальской земле и на Белоозерье по летописной хронологии в 6579/1071 г.: «И рече Янь повозником <...>»⁹.

Таким образом, генетический метод, системно - структурный анализ с определением его составляющих и функций позволяют установить закономерности формирования и существования соседской общины на Руси IX–XII вв. Все это вкупе дает возможность определить основные факторы этого процесса в эволюции семейных и общинных структур, воздействие на него развивающихся материальных сил общества, а также конкретные виды включения общин-

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 109, 130.

⁷ Повесть временных лет. С. 12, 14, 31.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 131.

⁹ Повесть временных лет. С. 77.

ников в функционирование правовых, податных, воинских государственных институтов и социальных отношений.

Литература

1. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 2. Тбилиси, 1984.
2. *Котляр Н.Ф.* Гривна весовая // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
3. *Котляр Н.Ф.* Гривна денежная (счетная) // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общей редакцией Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
4. *Ляпушкин И.И.* Городище Новотроицкое: О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. М.; Л. 1958 (Материалы и исследования по археологии СССР (далее – МИА), № 74)
5. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. Л., 1968 (МИА, № 152).
6. [Павлов]-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.
7. *Раппопорт П.А.* Древнерусское жилище Л., 1975. (Археология СССР. Свод археологических источников. Е 1–32).
8. *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
9. *Свердлов М.Б.* Правда Русская. История текста. Великий Новгород, 2015.
10. *Седых В.Н.* Веверица, векша // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина. М., 2014.
11. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 2009.

Сведения первых земельных кадастров и полевых исследований о плодородии земли и расселении крестьян: полнота, репрезентативность и возможности использования²

В статье на основе полевых исследований первых русских почвоведов анализируется полнота и репрезентативность сведений о качестве земли в приправочных писцовых книгах середины XVI в. и Экономических примечаниях к Генеральному межеванию конца XVIII в. Выявляются поселения с земельными угодьями, существовавшие на протяжении ряда столетий.

Ключевые слова: Земельные кадастры; качество земли; плодородие почвы; писцовые книги; Генеральное межевание; почвенные исследования; Новгород.

Писцовые книги и материалы Генерального межевания представляют собой уникальные источники, позволяющие оценить количество и качество земли, являвшейся одним из важнейших источников государственных доходов. Первые достоверные сведения о географии и разнообразии почв в различных регионах страны содержатся в писцовых книгах [6, с. 21–22]. Однако термины, которые используются в писцовых книгах XVI в. для описания плодородия земли, вызывают определенную трудность для понимания, поскольку земля характеризуется как «добрая», «средняя» и «худая» [2, с. 498]. Вопрос о том, что скрывает за собой эта размытая формулировка, волновал как дореволюционных [3, с. 398], так и советских историков [5, с. 135]. Но до нынешнего времени он остается еще не решенным [7, с. 18], вызывая интерес специалистов, использующих уже компьютерные методы исследования [12, с. 111].

Однако еще в первых российских кадастрах были заложены основы сравнительной оценки земли, облагавшейся налогами. Именно с таким явлением мы сталкиваемся в новгородских писцовых книгах конца XV – начала XVI в., в которых в неявном виде

¹ Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», liliya_stepanova@list.ru, Россия, г. Краснодар.

² Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Экологические аспекты крестьянского землепользования и освоения окружающей среды по материалам русских земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени», № 16-01-00283-ОГН.

проявляется использование при налогообложении принципа «одабривания» земли [8, с. 22]. В конце XIX в. в земельном кадастре стал активно применяться принцип бонитировки почв, позволяющий дать сравнительную оценку плодородия и сгруппировать их по природным свойствам, влиявшим на урожайность сельскохозяйственных культур при сопоставимых уровнях агротехники и интенсивности земледелия [3, с. 5].

Тем не менее в течение веков изменялись параметры оценки плодородия земли [11, с. 362]. В то же время от плодородия земли зависело и освоение территории, и расселение крестьян. В этом отношении значительный интерес представляют сравнительные характеристики почв, описания которых содержатся в первых земельных кадастрах Российского государства – писцовых книгах и материалах Генерального межевания [10, с. 264]. На основании этих материалов была предпринята попытка выявить поселения, существовавшие на протяжении ряда веков, и сопоставить сведения о качестве и плодородии их земельных угодий. Для решения поставленной задачи данные о качестве земли отдельно описанных поселений середины XVI в. и составе грунта земельных угодий поселений конца XVIII в. были включены в электронные базы данных, составленные по различным уездам Новгородской губернии, территории которых ранее входили в новгородские пятины [9, с. 27-28]. Впоследствии базы данных были дополнены сведениями, извлеченными из материалов почвенных исследований первых русских почвоведов, описывающих почву поселений в конце XIX в. на сопоставимых территориях.

Таблица 1

Количество отдельно описанных поселений на сопоставимых территориях в уездах Новгородской губернии с указанием качества и плодородия земли

№	уезд	поселения		
		XVI в.	XVIII в.	XIX в.
1	Крестецкий	89	50	19
2	Боровичский	180	101	3
3	Валдайский	428	253	33
	Итого	697	404	55

Благодаря созданным базам данным в Крестецком уезде Новгородской губернии удалось выявить 19 поселений, по которым сохранились сведения в источниках о качестве и плодородии

земли на протяжении столетий, в Боровичком уезде – 3 поселения и в Валдайском уезде – 33 поселений.

Наиболее полные сведения имеются по Крестецкому уезду. Из 89 поселений Язвицкого, Оксоцкого и Локоцкого погостов середины XVI в.³ в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Крестецкого уезда⁴ были обнаружены 50 поселений. К этому времени 20 из них стали пустошами. В «Почвенно-геологическом очерке Крестецкого уезда»⁵, составленном В.Е. Рудницким при участии профессора В.К. Глинки, удалось найти данные об оценке почв земельных угодий 19 селений, известных с XVI в.

Доброй признавалась земля только в двух поселениях – сельце Лисове и деревне в Островеце. В XVIII в. грунт земельных угодий поселений определялся одинаково как иловатый, дающий хорошие урожаи. Как выяснилось, несмотря на то что рельеф местности был разным, почвы на полях этих поселений были похожи. Деревня Островец со своими земельными угодьями находилась на ровной местности, сельцо Лисово располагалось на плоском высоком бугре. В сельце Лисове преобладающим типом почвы была буровато-серая хрящеватая супесь, подчиненным – подзолистая суглиняная супесь. В деревне Овстровеце к преобладающему типу почвы была отнесена буровато-серая супесь, к подчиненным – хрящеватая супесь. В обоих случаях в качестве подпочвы выступал желтый песок, только в сельце Лисове он был хрящеватым.

Земли десяти поселений были отнесены в XVI в. к средним по своему качеству. По данным материалов XVIII в. семь из них располагались на иловатом грунте, одно – на иловатом, местами песчаном, одно – на глинистом, местами песчаном, и еще у одного поселения грунт земли указан не был. При сопоставлении полученных данных с полевыми исследованиями первых русских почвоведов было установлено, что земельные угодья шести из этих поселений располагались на различных видах супеси и суглино-супесях, четырех – на легких и средних суглинках. В половине

³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина. 479 л.; № 17143. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Б.М. Ансимова. 192 л.

⁴ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Крестецкий уезд. Д. 868. Экономические примечания на 1099 дач и алфавит дач и владельцев. 101 л.

⁵ Рудницкий В.Е., Глинка К.Д. Почвенно-геологический очерк Крестецкого уезда. Новгород: тип. М.О. Селиванова, 1908. 54, 79 с.

случаев подпочвой земельных угодий выступала красная или красно-бурая песчаная глина.

Так, на высоком бугре располагались поля д. Гористницы, где преобладал буровато-серый легкий суглинок. Подчиненным типом почвы здесь выступал легкий и грубый суглинок, подпочвой – красная глина. В XVIII в. грунт земли деревни был признан иловатым, дававшим хорошие урожаи с внесением удобрений. У находящегося на ровном высоком плато сельца Болошково преобладающим типом почвы выступала буровато-серая супесь, подчиненным типом – суглинок и буровато-серая хрящеватая супесь, подпочвой – желтый хрящеватый песок. Грунт угодий деревни в XVIII в. признавался иловатым со средней урожайностью. В деревне Кленово землемеры XVIII в. грунт причислили к иловатому, местами песчаному, дающим средние урожаи. Первые почвенные исследования показали, что преобладающей почвой здесь была буро-серая хрящеватая супесь, которая сочеталась с супесью и суглино-супесью. Подпочвой выступал красно-бурый хрящеватый песок.

Земли семи поселений по данным XVI в. были отнесены к худым. В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию имеются сведения о грунте шести из них: четыре поселения располагались на иловатом грунте, одно – на иловатом с песком, еще одно – на глинистом с песком. Иловатый грунт по оценкам землемеров на этих землях давал разные урожаи: в одном случае – хороший, в другом – средственный, в третьем случае признавалась способность земли давать урожаи, в четвертом – данные об урожайности отсутствовали. В целом на грунтах иловатом с песком и глинистом с песком фиксировались хорошие урожаи.

При сопоставлении с почвенными исследованиями XIX в. выяснилось, что у четырех поселений преобладающими типами почв были различные суглинки, в том числе в одном случае – тяжелый суглинок, у трех поселений – супеси, в том числе в двух случаях – хрящеватые. Среди подчиненных типов почв у четырех поселений были легкие и средние суглинки, у остальных – различные виды супеси. Подпочвой в четырех случаях выступали красные или бурые глины. Особенно неплодородной оказалась земля деревни Поводное. Полевые исследования показали, что ее земельные угодья находились на длинном склоне, на котором отсутствовали валуны, но преобладали тяжелые суглинки, сочетавшиеся

со средними и легкими суглинками. Подпочвой их служила бурая глина. По наблюдениям почвоведов, тяжелые суглинки Крестецкого уезда располагались на очень вязкой, плотной глине, которая растрескивалась и распадалась на мелкие чешуйки в сухом виде⁶.

Два поселения с худой землей по меркам XVI в. располагались на легких суглинках, которые позже были отнесены к наиболее распространенным группам почв в Крестецком уезде⁷. Подчиненными почвами у них выступали различные супеси, подпочвой служила красная и красно-бурая песчаная глина. Три поселения с худой землей располагались на супесчаных почвах с преобладанием буровато-серой супеси, в том числе в двух случаях – хрящеватой. Подчиненными видами почв значились песок, супесь и суглино-супесь, а также пятна легкого суглинка.

В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию по Боровичскому уезду⁸ было выявлено 101 поселение из 180 сел и деревень XVI в., находившихся в Шегринском, Боровицком, Великопорожском и Бельском погостах Деревской пятины Новгородской земли⁹. В силу особенностей полевых исследований, проведенных в Боровичском уезде русским почвоведом П.А. Земятченским¹⁰, закладываящем почвенные разрезы в наиболее показательных местах, мы располагаем сведениями о почве в конце XIX в. в окрестностях только 19 деревень, судьба которых прослеживается в материалах Генерального межевания. В свою очередь из этих поселений всего три деревни с конкретным указанием качества их земли упоминаются в Приправочных писцовых книгах середины XVI в.

Как выяснилось, земля двух деревень считалась средней и одной деревни – доброй. К доброй земле писцы отнесли земельные угодья усадища Подол. В XIX в. почва д. Подол описывалась почвоведом как серая по цвету и мучнистая по своему строению, представляла собой иловатый песок, подпочвой ее выступала

⁶ Рудницкий В.Е., Глинка К.Д. Почвенно-геологический очерк Крестецкого уезда. Новгород: тип. М. О. Селиванова, 1908. С. 19.

⁷ Там же. С. 21.

⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Боровичский уезд. Д. 857. Экономические примечания на 3223 дачи и алфавит дач и владельцев. Л. 1–409; Д. 858. Экономические примечания на 206 дач. Л. 1–69.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17143. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Б.М. Ансимова. 192 л.

¹⁰ Земятченский П.А. Отчет о геологических и почвенных исследованиях, произведенных в Боровичском уезде Новгородской губернии в 1895 году. СПб.: тип.М.Стасюлевича, 1899. 101 с.

красно-бурая песчанистая глина. Глинистость была средней¹¹. Средними по качеству в XVI в. считались земли д. Власихи и д. Раменье. В XVIII в. урожаи хлеба на полях д. Власихи считались против других лучше, а в д. Раменье – средними. Грунт земли д. Власихи определялся как иловатый, д. Раменье как иловатый с песком и камнем. На основании почвенных исследований XIX в. выяснилось, что поля д. Власихи располагались на склоне холма, почва представляла собой иловатый песок, подпочва – красноватый суглинок. По своему цвету она была серой, по строению – мучнистой с весьма мелкими частицами, по глинистости – средней. Почва д. Раменьи характеризовалась почвоведом как супесчаная, подпочвой ее выступал охряно-желтый мелкий песок. По своему цвету она была серой, строение имела рыхлое с включением мелких кварцевых и полевошпатовых зерен¹².

Из 428 отдельно описанных поселений XVI в. с указанием качества земли (Жабенский, Вельевской, Городенский, Сеглинской, Яжелбицкий, Ситенский, Ужинский, Туренской, Рютинский, Еглинской в Юрьевичах, Нерецкой, Березайский и Бологовский погосты)¹³, в Экономических примечаниях к материалам Генерального межевания по Валдайскому уезду удалось выявить 253 поселения¹⁴. В свою очередь в «Почвенно-геологическом очерке Валдайского уезда»¹⁵, составленном почвоведом С. Федоровским при участии профессора К. Глинки, были найдены 33 поселения, описанных в Приправочных писцовых книгах.

В XVI в. земли 15 поселений признавались добрыми, 14 поселений – средними и 4 поселений – худыми. По данным Генерального межевания треть этих поселений (11 деревень) располагались на грунте иловатом с песком каменистом, пятая часть (6 деревень) – на грунте иловатом с песком. На серопесчаном грунте

¹¹ Там же. С.63.

¹² Там же. С. 62.

¹³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Новгород. Д. 4-г. Писцовая книга Деревской пятины Новгородского уезда, писцов Шемяки Благово и Михаила Лаврентьева. 169 л.; Ф. 1209. Оп.3. № 17141. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Василия Иванова сына Калитина. 479 л.; № 17143. Приправочная писцовая книга четверти Деревской пятины письма Б.М. Ансимова. 192 л.

¹⁴ Там же. Ф. 1355. Оп. 1. Новгородская губерния. Валдайский уезд. Д. 861. Экономические примечания на 1591 дачу и алфавит дач и владельцев. Л. 1–174; Д. 862. Экономические примечания на 621 дачу. Л. 1–190.

¹⁵ Почвенно-геологический очерк Валдайского уезда / Сост. С. Федоровским при участии проф. К. Глинки. Новгород: Паровая тип. Н.И. Богдановского, 1901. 86 с.

с камнем находились 5 деревень, на иловатом каменистом – 3 деревни. Две деревни располагались на серопесчаном грунте, одна деревня – на иловатом. О грунте 5 поселений сведений в Экономических примечаниях не было.

При сопоставлении с данными первых полевых почвенных исследований выяснилось, что 13 поселений были расположены на разного рода легких суглинках, 1 поселение – на среднем суглинке, 5 поселений – на различных видах суглино-супеси, 3 поселения – на гравельной супеси и еще 3 поселения – на супеси. У 4 деревень на полях преобладал гравельно-глинистый песок, у одной деревни – песок и еще у 3 деревень отмечалась большая пестрота почв.

Как выяснилось, при оценке почв в Валдайском уезде важное значение имел рельеф местности и сопутствующие почвы и подпочвы, которые либо улучшали, либо ухудшали оценку качества земли. В частности, значительно ухудшали характеристику земли валуны, заболоченность местности, наличие большого количества глины, утяжеляющей обработку почвы. Так, признанная в XVI в. худой земля д. Ермаковой в XVIII в. описывалась землемерами как иловатая с песком каменистая, дающая средние урожаи только с удобрением. По результатам полевых исследований д. Еремина Гора располагалась на высоких и крутых склонах р. Поломети. На местности находилась большая масса валунов. В почве преобладал легкий суглинок, но встречались также гравельная супесь, средний суглинок и красная грубая глина.

В XVI в. доброй признавалась земля с. Великий двор, д. Петровское, Бор, Ковезино, Подберезьи. В XVIII в. в четырех из этих поселений грунт описывался как иловатый с песком и каменистый, лишь у д. Селилово (бывшей Бор) как серопесчаный каменистый. Благодаря почвенным исследованиям удалось установить, что рельеф земельных угодий д. Селилово и Подберезье был умеренно-волнистым, почвы характеризовались как подзолисто-сероватый суглинок. Почвы д. Великий двор представляли собой суглино-супесь, в которой присутствовало много глинистого песка и супеси. Пашня д. Кувизино располагалась на некрытых склонах к реке, по низу присутствовала подзолистая суглино-супесь, по склонам располагался красноватый легкий суглинок. Почва д. Петрово относилась к супеси, в которой иногда находился легкий суглинок.

Таким образом, благодаря сопоставлению сведений приправочных писцовых книг, Экономических примечаний к Генеральному межеванию и данных полевых исследований первых русских почвоведов в трех уездах Новгородской земли удалось выявить 55 поселения с указанием качества земли или состава ее грунта в различные века. Выяснилось, что расселение крестьян и оценка качества земли в XVI в. зависели от региональных особенностей местности. К факторам, влиявшим на худшую оценку почв в погостах Крестецкого уезда можно отнести выход на поверхность различных видов глин. Почвы со значительным выходом глин были тяжелы и неудобны в обработке, не пропускали воду и воздух, быстро промерзали и долго нагревались, поэтому давали плохие урожаи. В Боровичском уезде к худшим землям были отнесены более тяжелые в обработке почвы, где присутствовали камни. В Валдайском уезде ухудшали характеристику земли валуны и выходявшие на поверхность глины. Лучшими по качеству землями в большинстве случаев признавались суглинистые почвы, хорошо пропускающие воду и богатые питательными веществами, представлявшие в своем составе оптимальное сочетание глины и песка.

В связи с плохой сохранностью приправочных писцовых книг мы не располагаем в полной мере сведениями о качестве земли во всех погостах. Кроме этого, в некоторых погостах не выделяется качество земли в отдельных деревнях, что не позволяет выявить особенности плодородия почвы на конкретной территории. В то же время, несмотря на плохую сохранность Камеральных и Полных экономических примечаний, Краткие экономические примечания к Генеральному межеванию земель содержат сведения о поселениях и об особенностях грунта на конкретных дачах, что открывает возможности для исследования. Материалы полевых исследований первых русских почвоведов расширяют возможности изучения этого вопроса. Однако наиболее ранние материалы являются описаниями почв лишь в окрестностях отдельных деревень. Значительный интерес предоставляют более поздние материалы, которые являются результатом совместной работы первых русских почвоведов с земскими статистиками, поэтому представляют собой массовые данные. Несмотря на разную информативность, материалы земских кадастров на микроуровне отдельных поселений позволяют выявить определенные закономерности в оценке земли, проявляющиеся в объективных признаках.

Литература

1. *Алябина И.О., Голубинский А.А., Кириллова В.А., Хитров Д.А.* Почвенные ресурсы и сельское хозяйство центра Европейской России в конце XVIII века // Почвоведение. 2015. № 11. С. 1302.
2. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2.
3. *Востокова Л.Б., Якушевская И.В.* Бонитировка почв. М., 1979.
4. *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII в. М., 1937.
5. *Дегтярев А.Я.* Показатели качества земли в писцовых книгах XVI в. (достоверность и методика применения) // Проблемы истории феодальной России. Сб. статей к 80-летию проф. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 135–137.
6. *Добровольский Г.В.* Лекции по истории и методологии почвоведения. М., 2010.
7. Историческая география России IX – начало XX века. Территория. Население. Экономика: Очерки. / *Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан, А.В. Демкин, О.И. Елисеева, Э.Г. Истомина, О.А. Шватченко.* М., 2013.
8. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
9. *Степанова Л.Г.* Качество земли как фактор аграрного освоения территории в XVI и XVIII вв. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год. М., Уфа, 2016. С. 19–29.
10. *Степанова Л.Г.* Материалы Генерального межевания XVIII в. как источник по истории крестьянского землепользования в России предыдущих столетий // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2011. № 2. С. 264–268.
11. *Федоренко К.А., Елисеева Н.В.* Роль почвы в жизни человека // Роль почв в биосфере и жизни человека / Международная научная конференция: К 100-летию со дня рождения академика Г.В. Добровольского, Международному году почв. 2015. С. 361–362.
12. *Черненко Д.А.* Характеристика почв в книгах валового письма первой трети XVII в. (на примере Суздальского уезда) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 111–117.

Сельское духовенство на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVI–XVII вв.

В статье рассмотрено положение сельских священно- и церковнослужителей, параметры их земельного обеспечения и налоговых обязательств, взаимоотношения с должностными лицами епархий и крестьянской общины. Анализируются актовые и кадастровые источники по ряду северных уездов. Выявлены некоторые архаические черты в организации управления и налогообложения.

Ключевые слова: община; приход; духовенство; епархия; земля; налоги.

Вынесенная в заголовок тема, насколько нам известно, специально не рассматривалась в работе аграрных Симпозиумов, хотя его участники разных поколений глубоко разработали проблемы крестьянской общины на землях различных форм собственности, вопросы организации мирского самоуправления, разверстки и взимания налогов. Мы же попытаемся вычлнить *церковно-приходский* аспект общинной проблематики, аграрные и социальные характеристики сельских священно- и церковнослужителей, их взаимодействие с крестьянской общиной и архиерейской вертикалью власти.

Историографический контекст данной проблематики отсылает нас к выдвинутой еще в дореволюционной литературе по русскому северу идее триединства *волости-общины-прихода* [1; 11; 22], возвращение к которой обозначилось лишь в 1990–2000-е годы [4; 5, с. 127–135]. Тогда же наметились и другие подходы к изучению приходского духовенства на Руси эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Один, который мы бы назвали институционально-правовым, реализован в новаторской монографии П.С. Стефановича преимущественно на материале центральной России [13]. Другой подход поставил в центр внимания процесс формирования наследственного статуса приходского духовенства в XVI – первой четверти XVIII в. Он осуществляется Исследовательской лабораторией локальной и микроистории в Петрозавод-

¹ Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, Вологодский государственный университет, mscherkasova@mail.ru, Россия, г. Вологда.

ском университете под руководством И.А. Черняковой, представлен серией статей и источников в электронном журнале «CARELi-CA»². В трудах карельских коллег на основе сплошного изучения писцовых и переписных книг с 1560-х годов и до первой ревизии показана наследственная преемственность сельского духовенства до 6–8 поколений, историко-генеалогические и просопографические разработки вопроса [14, 15, 16, с. 56–74]. При отсутствии в тогдашней России системы духовного образования потомственное закрепление духовного состояния способствовало накоплению и передаче профессиональных навыков у будущих сельских пастырей чтения, письма, церковного служения, а также ценностей семьи, коллективизма, тесной включенности в повседневную жизнь общины [4; 5, с. 127–135].

В писцовых книгах середины XVI в. показательны две «формулы»: 1) волость такая-то в Спасском/ Никольском/ Дмитриевском и пр. *приходе*» и 2) волостка такая-то, что была в старых боярщинах, в Спасском/ Никольском/Дмитриевском и пр. *погосте*»³. Соотнесение волости-прихода и волостки-погоста в подобных формулах позволяет предполагать отражение спонтанных волн ростовской (низовой) и новгородской промыслово-земледельческой колонизации севера в XII–XV вв.

Сельские церковники, с одной стороны, органично принадлежали к традиционным крестьянским сообществам, с другой, являлись низовым звеном епархиальной организации и прослойкой белого духовенства. В челобитных к миру-общине попы и причетники называли себя «сиротами, мирскими убогими скормленниками», а к правящим архиереям – «святительскими богомольцами». Нередко еще добавлялось, что попы и дьяконы «нищие царские богомольцы», что вписывало их в сословную структуру Московской Руси. В соборном определении по избранию Б.Ф. Годунова на царство 1598 г. в широком перечне сословно-чиновных групп последним указан «весь причт церковный» [17, с. 136]. В Соборном уложении 1649 г. его можно предполагать в термине «священнический чин» (гл. 1, ст. 2). Возмещение за бесчестье уездного и безместного попа определялось в 5 руб., «попадье вдвое»; дьячка – 2–3 руб., просвирницы – 3 руб., пономаря 2 руб. (гл. X, ст. 89, 98),

² URL: <http://carelica.petsru.ru>

³ Северный археографический сборник (САС). Вып. 2. Вологда, 1972. С. 331–376 (публ. Ю.С. Васильева).

тогда как за бесчестье крестьянина по Судебнику 1550 г (ст. 26), Сводному судебнику 1606/07 г. (ст. 26) и Соборному уложению (гл. X, ст. 94) – 1 руб., а по севернорусскому Судебнику 1589 г. 1–3 руб., в зависимости от состоятельности (ст. 50, 52)⁴.

Аграрные и социальные характеристики «нищих богомольцев» (мирских-святительских-царских) можно почерпнуть из трех групп актовых и кадастровых источников: соответственно общинного, архиерейского, государственного происхождения. К последним следует отнести писцовые и переписные книги, законодательные памятники. Но наиболее продуктивными для целей нашего исследования являются актовые источники: 1) жалованные⁵, переходные, ставленные, епитрахильные/орарные, наказные грамоты/памяти от архиерейской власти, и 2) мирские заручные приговоры по выбору-излюб-поряду попов, дьяконов и низших клириков от общины. Им нередко предшествовали челобитные самих попов и причетников, обращенные к архиереям или церковным старостам (в их лице – к мирянам), исполненные живых человеческих переживаний, намерений, потребностей. Названные акты относятся к Вологодско-Белозерской епархии и Устюжской десятина Ростовской митрополии, а затем пришедшей ей на смену в 1682 г. Великоустюжско-Тотемской епархии, они в массе своей еще не опубликованы и хранятся в Коллекции столбцов Госархива Вологодской обл. (ф. 1260).

Низовым звеном епархиального управления, связывавшим сельского батюшку с правящим архиереем были *поповские старосты* (они же заказные попы, заказщики). Институтом же, соединявшим сельское духовенство с общиной, были выборные от нее *церковные старосты*. Принципы выборности от общины и последующей назначаемости (через процедуру «отпуска-перехода-благословения-слушания-поставления») в архиерейском казенном приказе взаимно переплетались и чаще всего гармонично взаимодействовали. В этом, вероятно, воплощался феномен севернорусского сельского прихода, сложившийся на севере земско-церковный строй с ощутимо выраженными демократическими чертами. И как тут не вспомнить про *традиционализм* как тип развития на русском севере? [21, с. 109–113].

⁴ Памятники русского права (ПРП). Вып. 4. М., 1956. С. 238–239, 258, 420, 449–452, 500; Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарий. Л., 1989. С. 19, 37.

⁵ Их предварительный анализ по разным епархиям см.: [8, с. 165–170].

О церковных переходах говорится в ст. 88 Судебника 1550 г. и ст. 87 Сводного судебного .1606/07 г. «А попу пожилого нет и ходити ему вон безсрочно воля»⁶. Это дает основания для сопоставления социально-правового статуса крестьян и сельского духовенства. Н.А. Горская относила крестьянские переходы к «ближним миграциям», обеспечившим процесс внутренней колонизации [3, с. 41]. Думаем, данное наблюдение приложимо и к переходам священников от одной церкви к другой. Правда, в севернорусском Судебнике 1589 г. в статьях о христианском отказе (ст. 178–179) клаузула о переходах церковников отсутствует.

В 1625 г. поп Иван Антонов в своей челобитной к старосте Дмитриевской церкви Устьянской волости просил «порядить его к этому храму и хлебом накормить»⁷. Сам же И. Антонов был из Вершининской волости, что и отражает церковные переходы. В 1630 г. один священник писал в челобитной архиепископу Варламу, что прежде служил в Вологодском уезде, затем, «вышедши из него», в Тотемском, а теперь порянулся у Г.И. Морозова в пригородное с. Фрязиново к ц. Андрея Первозванного. Просил архиерея дать ему переходную грамоту, чтобы «служить безпенно»⁸. Переходные грамоты (памяти) были близки по сути к благословенным и отпусковым грамотам, выдаваемым архиереями. [19, с. 119]. Священникам запрещался переход от храма к храму (за нарушение штраф 5 руб.), а мирянам – «отказ» попов без архиерейского благословения⁹.

Упомянутые в переходных грамотах «отказы» попов и причетников совершались: 1) «по своей воле»; 2) «по указу» архиерея; 3) по требованию общины («за его к нам непослушание/озорничество/непокорство», «он нам не люб»). В устюжских переходных была стандартная фраза «А церковным доходом, хлебным и денежным, и пашенною землею, и санными покосы владеть ему, чем прежней поп/дьякон владел»¹⁰.

В сентябре 1554 г. вологодско-пермский епископ Киприан выдал жалованную льготную грамоту группе крестьян Глотовой слободки (13 дворов) на р. Мезени, поставивших новую церковь

⁶ ПРП. Вып. 4. С. 333–334, 533.

⁷ Романов М.И. История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925. Приложение. С. 9.

⁸ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 158. Л. 1 об.

⁹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 2361, 2362; Суворов И. Сборник актов Северного края XVII–XVIII вв. Вологда, 1925. С. 187–190.

¹⁰ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 3. № 282. Стб. 11.

св. пророка Ильи, на освобождение «попа, кого себе приговорят пети», от архиерейских платежей на год. По истечении льготного срока поп обязан был платить оброк на Рождество Христово в размере 5 алт., усть-вымскому приказчику 7 ден. и архиерейскому заказчику «заезда» 3 ден.¹¹ Установление оброка, а не более привычной дани объяснялось ограниченностью земледелия («место безхлебное»).

На обширном пространстве между Мезенью и Печорой в 1540–1560-е гг. действовал слободчик Иван Ластка Новгородцев. В слободке Усть-Цыльма на правом берегу Печоры он поставил Никольскую церковь и «попа устроил, как ему мочно прожить»¹². В Пустозерске в низовьях Печоры церковные причетники трех ружных храмов по жалованным грамотам Ивана IV безоброчно владели морскими тонями, где вели промысел красной рыбы. Три прихода в 1564 г. соответствовали тогдашнему населению Пустозерска – 144 двора и в них 289 чел. «русаков и пермяков», плативших 80 руб. в приказ Большого прихода¹³.

Сельское духовенство восточных десятин Вологодской епархии было обязано обеспечивать сухопутным и речным транспортом передвижение архиерейских агентов, их проезд «за церковной данью, венечными пошлинами и всеми доходами». В декабре 1606 г. усть-вымский наместник вологодского архиепископа Иоасафа кн. Ф.А. Дябринский выдал наказную память двум архиерейским слугам на поездку в Удору и Глотову слободку. Для их передвижения от Турьи до Выми, затем до Усть-Выми и Мезени священники, дьячки и пономари предоставляли по две подводы «с санми с хомуты и с проводники от попа и до попа» в обе стороны¹⁴. Описывались и водные пути: Коряжма – р. Вычегда – Усть-Сысола – верховья Сысолы – Койгорт – Луза – Вилядь. Данный маршрут проходил через отдельные этнические группы коми: «лузскую пермцу» и «вилегодскую пермцу», что наводит на предположение о миссионерских функциях архиерейских агентов и расширение бюджета епархии. Приходские попы и причетники должны были давать им лодку с кормщиком и гребцами¹⁵.

¹¹ Вологодские губернские ведомости. 1850. № 52. Часть неофиц. С. 590.

¹² Дневник В.Н. Латкина во время путешествия в Печору с 1840 и 1843 гг. СПб, 1853. Ч.2. С.141

¹³ Садиков П.П. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Приложение. С. 463–466.

¹⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 2. СПб., 1864. № 230. IV.

¹⁵ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 3316.

Судебная пошлина за «езд» составляла 10 ден. с прихода, а с попов-«огурщиков» – по 1 ден. на версту. С судебными функциями по ним посылали в объезд недельщиков, которые доставляли виновных в архиерейский приказ на многих подводах, взимая с них «прогоны втрое»¹⁶. Основной виной считалась утайка церковной дани, вечных пошлин, отправление богослужения без святительских перехожих, ставленных и благословенных грамот. Иногда к наказной памяти недельщику прилагалась «роспись попов-огурщиков» в уплате ими тиунских доходов¹⁷.

В расположенной к западу от Вологды Белозерской десятинае порядок был другой. Посланным в нее в декабре 1674 г. для сбора дани, вечных пошлин, полоняничных денег и всяких окладных и неокладных сборов двум владычным дьякам были предоставлены домовые подводы, а казначей должен был выдать им «мяс свиных и масла коровья на нынешней на 183 год по сколку пуд наперед сего с крестьян дьяком бывало, и дача велеть записать в книги имянно»¹⁸. Отсюда можно заключить, что кормовое обеспечение архиерейских слуг, посылаемых в восточные пределы обширной епархии, ложилось на тяглое приходское духовенство.

Предоставление сельским духовенством транспорта предусматривалось и для обеспечения переписных работ архиерейскими агентами, если они были посланы для учета у попов, дьяконов и прочих причетников их сыновей «от двюю лет до полного совершенного возраста», с фиксацией грамотности, «обученности» отцами своих детей страху и слову Божию¹⁹. Тем самым профессиональная и межпоколенная преемственность священно- и церковнослужителей поддерживалась и одобрялась правящими архиереями.

Тяглый статус сельского приходского духовенства был обусловлен обязанностью платить не только церковные налоги с пошлинами, но и государственные. Тяжелым налогом первых послемутных лет стала «пятина», введенная в 1616 г. По присланному в апреле 1616 г. в Устьянские волости указу Михаила Федоровича за приписью дьяка Петра Третьякова «пятинные деньги» в размере 700 руб. следовало в спешном порядке («с опалой») собрать со всякого чина людей, больших и меньших и средних, включая ду-

¹⁶ Суворов И. Сборник актов...С. 214–217.

¹⁷ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 4782. Стб. 3. (1677 г.).

¹⁸ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 4081.

¹⁹ Суворов И. Сборник актов...С. 161–162.

ховенство – попов, дьячков, пономарей, проскурниц с их «животов», кто чем владеет, «богатого не пощадить, а голого не поклепать»²⁰. Для более позднего времени известно о взимании прямых государственных налогов — ямских и полоняничных денег с двора каждого причетника – по 8 ден. «да на провоз и на отдачу»²¹.

В рентных взиманиях в архиерейскую казну в Устюжской епархии заметно корпоративное начало: «дань (по данным окладным книгам), казначейские деньги, протопопу²² с братьею, певчим дьяком и подьяком, и истопником, и подвойским». При сравнении окладных книг 1620-х и начала 1680-х годов видим, что, помимо казначейских, взимались подъездные и кормовые деньги, в чем смутно угадываются очертания «полюдной» и кормленной системы, коммутация архиерейской ренты к концу XVII в. в рамках общей эволюции системы налогообложения в России, характерной для позднефеодальной стадии, переплетение в ней тяглой (даннической) и оброчной тенденций. Если в центре страны денежно-оброчный «тренд» был обусловлен глубинными изменениями аграрного строя (на уровне владельческих и крестьянских хозяйств), то в отдаленных северо-восточных десятинах он объяснялся ресурсным, присваивающим характером промысловой экономики.

Денежное обложение приходского духовенства в Устюжской десятине Ростовской митрополии усилилось после выведения из ее состава в 1658 г. Белозерья. Тогда Ионой Сысоевичем был введен новый взнос – «за убылую белозерскую десятину» (в ней насчитывалось около 125–130 городских и сельских приходов). Кроме того, со священников стали взиматься «десятильничьи почестные деньги» с каждого рентного платежа в размере 4 гривен. «Почесть» в денежной форме выплачивалась и значимым лицам митрополичьей администрации в самом Ростове – казначею, дьяку, приказному, первому и второму подьячим, а размер ее соответствовал занимаемому им рангу [18, с. 309].

За неуплату десятины-дани священника могли поставить в судном приказе архиерея на правеж. Один такой страдалец объяснял архиепископу Гавриилу, что ему пить и есть нечего, из 15 дворов его прихода половина кормится в мире от голода, рожь посея-

²⁰ Романов М.И. История одного северного захолустья. С. 6–7.

²¹ Колычев А.А. Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. Вологда, 1925. С. 92–94.

²² Имеется в виду протопоп Успенской соборной церкви в Ростове, выдававший антимины на освящение всех новопостроенных церквей в обширной митрополии.

на только на доле дьячковой вдовы, в связи с чем просил дать отсрочку в уплате дани «до хлебной нови, как рожь родит» (1685 г.)²³. Налоговые и хозяйственные характеристики в положении сельского батюшки были тесно переплетены. Это показывают уже ранние писцовые описания, но в них не всегда удается четко вычленить приходскую церковь, церковный причт и отдельных его индивидов как субъектов собственности. В сотных 1543/44 г. по Белозерскому и Вологодскому уездам поповские двory учитывались отдельно от крестьянских, но сведения о церковной и крестьянской пашне в долях сохи приводились суммарно²⁴. Церковные деревни черная Архангельская и Ильи Святого отмечены в сотной на вотчину двинского Михайло-Архангельского монастыря 1552 г.²⁵ Имелись церковные деревни и во владениях двинского Антоньево-Сийского монастыря (согласно сотным 1578 и 1593 гг.)²⁶ В сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда 1556 г. указаны деревни погостских церквей, тяглую пашню в которых, учтенную в обжах, пахали попы²⁷. В платежной книге Каргопольского уезда 1560 г., составленной на основе писцовой книги 1555/56 г., наряду с черными и монастырскими, выделены церковные погосты-волости, включающие по несколько церковных деревень²⁸. В сотных по Каргопольскому уезду с книг Н.Г. Яхонтова 1561/62 г. указаны конкретные размеры церковных участков и качество пашни, относящиеся ко всей совокупности дворов попа, дьячка, пономаря, проскурницы²⁹. Отмечены долевые владения храма и общины: четверть деревни церковная, три четверти – волостные, хотя количество земли и сенокосов приведены суммарно, как и «оброк за наместнич откуп и пошшины»³⁰. Он вносился в Четвертную избу царскому дьяку Б.В. Колзакову.

Вознесенская и Георгиевская церкви на Лодомском погосте в нижнем Подвинье как субъекты земельной собственности обрисованы в выписи из писцовых книг кн. В.А. Звенигородского

²³ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 6972.

²⁴ САС. С. 188–203; Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 90–94 (обе публ. Л.С. Прокофьевой).

²⁵ САС. С. 206.

²⁶ Там же. С. 223, 234.

²⁷ Социально-правовое положение северного крестьянства С.111, 123, 126 (публ. Ю.С.Васильева)

²⁸ САС. С. 258, 262, 266, 271–272, 277, 281, 284.

²⁹ Там же. С. 301, 313, 375, 388, 392, 414, 452, 458, 468.

³⁰ Там же. С. 325, 376, 385, 398, 405

1587/88 г. Выпись была дана церковному старосте Ив. Боранову и вознесенским попам как основание для выплат государевой дани, оброков и «волостных розметов». Церкви владели несколькими крестьянскими и бобыльскими дворами, населению которых было предписано «к церквям платити всякие доходы по старине»³¹. В сотной на дворцовое с. Турунтаево под Вологдой 1588/89 г. у церкви Рождества Христова имелось 10 четв. поповской пашни доброго качества в поле, с крестьянской пашней она соотносилась как 1:8, а податной статус той и другой был тяглым³². Полный состав земельных угодий приходских церквей (пашня, перелог, лесная поросль, лес пашенный и непашенный), включая межевые границы, отражен в дозорной книге дворовых волостей Вологодского уезда 1589/90 г.³³

В писцовой книге Тотемского уезда 1623–1625 гг. указаны факты передачи крестьянской общиной участков земли своей церкви, а в челобитных к писцам прихожане просили снять тягло с этой земли и поповского двора³⁴. Происхождение церковной земли не всегда удается точно установить, поскольку в писцовых книгах говорится, что данной землей «попы владеют исстари на церковном обиходе»³⁵. Приведены даты строительства церквей и их побудительные мотивы: в 1620/21 г. община выделила священнику место под церковь и пашню, потому что у них многие годы был хлебный недород, скотский и лошадиный падеж»³⁶.

Вместе с тем в Тотемском уезде в конце XV – XVII вв. существовал «анклав» по р. Толшма (правому притоку Сухоны, на ее «дикой стороне»), где церковные настоятели и их потомство на протяжении нескольких поколений владели землями по великокняжеским и царским земельно-иммунитетным пожалованиям. Последние использовались Иваном Ш, Василием Ш, Иваном IV как эффективный инструмент для заселения и закрепления окраинных земель на Устюжско³⁷-Галицко-Костромском рубеже, нередко подвергавшихся набегам казанских татар. В ходе этого процесса

³¹ Там же. С. 242–243

³² Там же. С. 179

³³ Там же. С. 6–177 (публ. Н.И. Федышина).

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 623.

³⁵ Там же. Л. 440, 484 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 367 об.

³⁷ До 1620-х годов, когда был образован Тотемский уезд, данная территория входила в состав Устюжской земли, Устюжского уезда.

формировались церковные приходы – сначала три, потом их стало пять, а к концу XVII в. – семь. В актах Ивана III встречается отмеченный В.Д. Назаровым [9, с.50-58] по грамотам XV в. ряда уездов редкий оборот «*пожаловал-ослободил*»; аналогично в тотемском случае – «*пожаловал ослободил (имярек-попу) у тое церкви служить и дворы ставити и пашня распахивати, а дано в вотчину*»³⁸.

Однако за пределами такой закрепленной в жалованных грамотах «микро-вотчинной модели» в челобитных попов к архиереям нередко говорилось, что церковной землей «истари владели прадед и дед и отец наш без розделу вместо руги». При наличии в семье нескольких братьев один мог служить у церкви попом, второй – дьячком, третий – пономарем. Жили они со своими семьями отдельными дворами и соответственно церковная земля была разделена на три неравных клина: две трети попу, а остальные участки у дьячка и пономаря³⁹. Между дьячком и пономарем иногда случались конфликты по поводу полагающихся им долей пашни. Рассматривать их поручалось поповским заказчиком⁴⁰. На раздельное владение землей попом и дьяконом указывает их обязанность платить «поземельно за кем сколько земли по расчету». Когда в сентябре 1668 г. один дьякон в вотчине Дионисиево-Глушицкого монастыря отказался служить, претендуя на урожай со своего участка и сенокосов, не желая вносить святительскую дань и тиунские доходы, это вызвало протест глушицких властей. Об уплате причетниками приходских церквей в данной вотчине святительской дани и полоняничных денег свидетельствуют отписи архиерейских казначеев с печатями⁴¹.

Умиравший поп мог благословить прихожан избрать на свое место собственного сына и сохранить за ним отцовскую землю⁴². В 1693 г. поп Спасо-Преображенской церкви в селе Шухтове Игнатий просил вологодского архиепископа Гавриила посвятить его на место после умершего брата Ивана. Тот оставил много долгов, приход у них скуден, у снохи пятеро малых детей, «а питаемся

³⁸ Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. / Сост. И.В. Пугач. М., 2012. № 153–155. См. также: [20, с. 5–20].

³⁹ *Суворов И.* К истории церквей Вологодской епархии // Вологодские епархиальные ведомости (ВЕВ). 1915. Прибавления к № 13. С. 355.

⁴⁰ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 6965.

⁴¹ *Башнин Н.В.* Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв. Исследование и тексты. М., СПб., 2016. Приложение. С. 763–764.

⁴² ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 2506.

вместе». В этой связи челобитчик просил архиерея уменьшить размер церковной дани с храма с 4-х до 3-х руб.⁴³

Помимо полученной от общины «на кормлю» церковной/казенной деревни, попы и причетники имели от крестьян ругу «хто сколко дать, и перепечи, и хлеб» плюс плата за требоисправление (прежде всего сорокоуст). Упоминание перепечи (пасхального праздничного пирога-кулича) снова отсылает нас к древнерусским временам. Земельные, натуральные и денежные компоненты в материальном обеспечении миром сельского духовенства переплетались, постоянны ссылки на старину.

В поместьях Белозерского и Вологодского уездов при описании церковей говорилось, что «дали им тое землю на препитание такие-то помещики по вере своей»⁴⁴. В духовных вотчинах землю сельским попам предоставляли монастырские власти. Попы в селах Дионисиево-Глушицкого монастыря в 1667 г. говорили, что с церковной земли они платят софийскую дань, государевы подати и тиунские доходы⁴⁵. По аналогии с наместничьим кормом «тиунское праздничное жалованье» собиралось архиерейским агентом в объездной форме три раза в году – на Рождество Христово, Великий день и Петров день. Величина взноса, судя по сохранившимся за разные годы наказным памятям, варьировала: с дьячка по 3–10 коп., с пономаря и просвирни по 2–6 коп., с трапезника по 1–6 коп.⁴⁶ Суммарно тиунский сбор шел в качестве денежного жалованья архиерейскимстряпчим в Москве [18, с. 222], десятильникам Первой/Заозерской половин Вологодского уезда, а еще усть-вымским наместникам, работавшим иногда в паре.

З.А. Огризко отметила среди неразобранных материалов в Великоустюжском архиве копия книги Михайло - Архангельской церкви Пачеозерской волости Сольвычегодского уезда. Ныне этот ценный документальный памятник, содержащий до полусотни поземельных актов конца XVI–XVII вв., подготовлен к печати [12, с. 12–15]. З.А. Огризко указала также на несколько копийных книг в госархиве Архангельской области, поступивших из церковей Ухтостровской волости Двинского уезда – Никольской, Богояв-

⁴³ ВЕВ. 1915. Прибавления к № 13. С. 354.

⁴⁴ Приходные и расходные денежные книги Вологодского дома св. Софии и окладные книги церковей Вологодской епархии XVII - начала XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С.591

⁴⁵ Башнин Н.В. Дионисиево-Глушицкий монастырь. С. 723.

⁴⁶ Описание свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вып. 11. Вологда, 1910. С. 49–50. См. также: [18, с. 215].

ленской, Варварской [10, с. 71–80] Обращался к актам из копийных книг приходских церквей Двинского уезда А.И. Копанев, считавший церковные земли одной из форм общинного владения черносозных крестьян в XVI–XVII вв. [6, с. 114–116; 7, с. 32–37]. Тем самым он полемизировал с З.А. Огризко, видевшей в землях северных волостных церквей феодальную природу и сближавшей их с монастырским землевладением. Близкое к точке зрения Огризко мнение высказал и Ю.С. Васильев, рассмотревший поземельные акты из архивов приходских церквей Важского уезда XVII в. Правда, в другой части своей работы исследователь указывал на промежуточный характер землевладения приходских церквей, находящегося между монастырским и крестьянским [2, с. 59–63, 88–89].

Видовое разнообразие актов копийной книги Пачеозерской волостной церкви отражает интенсивную мобилизацию земельно-промысловых объектов в хозяйственной деятельности церковно-приходской общины, направляемую выборными церковными старостами. В крестьянских актах сборника отразились нормы вотчинного права. Земли передавались церкви «в вотчину, впрок без вывета и без выкупа». До этих участков не было дела, как писали дарители и продавцы, «детем моим и всему моему роду-племени». Церковные старосты и прихожане могли их «вольно из казны продать или заложить», но только тяглым крестьянам, что оттеняет их налогово-повинностный статус. В структуре церковного землевладения различимы два уровня: 1) общинный – «церковных старост с прихожан» и 2) индивидуальный – в лице попа, дьякона, мелких причетников.

Сведения о землевладении приходских священников, дьяконов, причетников содержатся в переписной книге Устюжской епархии 1696/97г. По каждому приходу указано, сколько земли и сенокосов дано «церковником на кормлю», отмечены не только размеры посевов ржи, овса и ячменя, но и урожайность этих культур («коего году хлеб от морозу не прозябает») ⁴⁷. Величина сенокосных угодий фиксируется индивидуально для каждого причетника. В большинстве случаев все эти угодья обрабатывались самими церковниками, но иногда церковь, кроме половников (наемных работников) имела еще своих крестьян и бобылей.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 1085 об., 1087.

Замещение должностей церковных старост, как и духовенства, осуществлялось по «выбору и излюбю» общины. В этих документах оговаривался размер взиманий старосты с общинников – по 2 денги с человека, с каковой суммы крылошане получали денежную ругу от мира. В Устьянских волостях этот сбор назывался «смет». Если же крылошане не стали бы слушать церковного старосту, учинились «не добры», то он, известив мирских людей, мог осуществлять суд над церковниками⁴⁸. Соискатели поповской должности уверяли мирских людей, что они «рады будут у них в церкви служить, во всем слушать, за царя и за них Бога молить и их родителей поминать»⁴⁹. Церковные старосты осуществляли свой суд в трапезных. Здесь принимались явочные и изветные челобитные, их следовало «к делу вложить», «прочитывались всему миру, дабы всем крестьяном было явно и ведомо». Челобитные записывались в дни церковных праздников после обедни «во всем миру пред крестьяны»⁵⁰. С учреждением в 1682 г. на севере новых епархий последуют запреты архиереев на судебные прерогативы церковных старост в трапезных⁵¹, пиры и братчины в них, совмещение должностей земских и церковных дьячков.

В конце XVII в. в формулярах мирских выборов-излюбов на 1) попов и 2) церковных старост появляются новые клаузулы: 1) в первых об их обязанности «быть неотступно для святительского и церковного дела, радеть о нем по архиерейскому указу и мирскому выбору»; 2) во вторых «быть ему по указу преосвященного архиепископа и сему мирскому выбору заручному у тое церкви в церковных старостах» с одновременной выдачей наказной памяти⁵². Их приходо-расходная, земельная, имущественно-переписная документация должна была поступать и проверяться в казенном приказе архиерея. В этом выразилось стремление владык усилить свой контроль над церковно-приходским сообществом (будь то в городе или деревне), ослабить черты церковно-земского строя на русском севере [21, с. 112]. Вот только «капитализация» от подобных мероприятий с наступлением Петровских реформ была, по сути, утилизирована государством, существенно понизившим правосубъектность самой Церкви.

⁴⁸ Романов М.И. История одного северного захолустья. Приложение. С. 8–9.

⁴⁹ Там же. С. 9.

⁵⁰ Там же. С. 9–10, 11, 12, 16

⁵¹ О судах в трапезных говорится в ст.94 судебника 1589 г. (ПРП. Вып. 4. С. 453–454).

⁵² ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 88.

Литература

1. *Богословский М.М.* Земское управление на русском севере в XVII в. Т. 1. М., 1909; Т. 2. М., 1912.
2. *Васильев Ю.С.* Аграрные отношения в Поморье XVI–XVII вв. Сыктывкар, 1979.
3. *Горская Н.А.* Русская феодальная деревня в историографии XX в. М., 2006.
4. *Камкин А.В.* Православная церковь на севере России. Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992.
5. *Камкин А.С.* Сельское приходское духовенство Европейского Севера России в XVIII в. // *Российская история.* 2009. № 3.
6. *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
7. *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
8. *Назаров В.Д.* Полюдь и система кормлений. Первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной земельной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм). Чтения, посвященные памяти академика Л.В. Черепнина. Тез. докл. и сообщ. Вып. 1. М., 1988.
9. *Назаров В.Д.* Из истории вотчины Северо-Восточной Руси в XV в.: «Грамоты ослобожонные» // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: источники и методы исследования. Рязань, 2012.
10. *Огризко З.А.* Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. (К вопросу о первичных формах феодальной собственности на землю) // *История СССР.* 1961. № 3.
11. *Островская М.А.* Земельный быт населения русского севера в XVI–XVII вв. СПб., 1913.
12. *Пишеницын Д.А., Черкасова М.С.* Новонайденный источник по аграрной и социальной истории севера России конца XVI–XVII в. // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия Гуманитарные и педагогические науки.* 2018. № 3.
13. *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России XVI–XVII вв. М., 2012.
14. *Суслова Е.Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV – начале XVIII в. Автореф. канд. дисс. СПб., 2012.
15. *Суслова Е.Д.* Сельское духовенство и крестьянское сообщество в Карелии в контексте социально-экономических отношений (конец XVI – начало XVIII в.). Петрозаводск, 2014.
16. *Суслова Е.Д.* Опыт реконструкции генеалогии священнослужителей Карелии в раннее Новое время: источники, методика, результаты и перспективы // *Российская генеалогия.* Вып. 1. М., 2016.
17. *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 2015.

18. *Черкасова М.С.* К изучению церковно-административных и территориальных структур на русском севере в XVI-начале XVIII в. // Государство и общество в России XV-начала XX в. Сб. статей памяти Н.Е. Носова СПб., 2007.
19. *Черкасова М.С.* Корпус актовых источников по севернорусским епархиям XVI–XVII вв. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актов археографии. Материалы XXIV международной научной конференции. М., 2012.
20. *Черкасова М.С.* Землевладение и иммунитет севернорусских церквей в конце XV –XVII в. (на примере Тотемского уезда) // Северо-Запад в аграрной истории России. Межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 2016.
21. *Черкасова М.С.* Община и церковь на севере России накануне Петровских реформ // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. Вып. 48.
22. *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере в XV–XVII вв. СПб., 1913.

Брачность крестьянства на севере России в первой половине XVIII в.

В статье на основании большого комплекса записных книг венечных пошлин из Великоустюжского центрального архива исследуется брачность черносошного крестьянства в 1-й половине XVIII в.

Ключевые слова: историческая демография; брачность; венечная память; Великоустюжская епархия; черносошное крестьянство.

Проблемы исторической демографии неоднократно обсуждались на сессиях аграрного Симпозиума (Ю.Ю. Кахк, Я.Е. Водарский, Н.А. Горская, Х.Э. Палли, В.В. Канищев, Е.Н. Швейковская и др.), а Таллинская 1984 г. (по социально-демографическим аспектам развития производительных сил деревни) и Уфимская 2016 г. (по демографическим процессам в связи с аграрным освоением России) сессии были специально посвящены этой проблематике.

Брачность является одним из основных факторов демографического развития, наряду с рождаемостью и смертностью. До введения метрических книг в начале XVIII в., приход являлся основной ячейкой ведения церковного учета. При регистрации брака, после взимания положенной венечной пошлины в архиерейский казенный приказ, выдавалась венечная память, о чем делалась запись в сборной записной книге. За сбор этих пошлин еще в XVII в. отвечали поповские заказчики (поповские старосты или заказные попы) – низшее звено архиерейского управления в епархиях) [9, с. 102].

Венечные памяти изучались еще в XIX в. [2; 4, с.112-119], однако записные книги венечных пошлин остаются недостаточно исследованными. В настоящее время накоплен интересный опыт изучения метрических записей Эстонии XVII-XVIII вв. (проект SAAGA с бесплатным доступом в интернете к отсканированной базе записей) и метрических книг России XVIII - начала XX вв. [1; 5, с. 55-84]. Но все больше внимание исследователей привлекает учетная документация церковного происхождения [6, с. 1-52; 7, с. 63-79; 8, с. 66-110; 9, с. 75-86; 10, с. 46-60; 11, с. 98-105]. Следует специально назвать работу Х.Э. Палли об истории приходского учета в

¹ Пиеницын Дмитрий Александрович, НП «Научно-исследовательский центр «Древности», dimaximus72@yandex.ru, Россия, г. Вологда.

Эстонии, где подобная система существовала с начала XVII века. [5, 153-154].

Подчеркнем, что, несмотря на введение метрических книг в России в 1720-е гг., еще длительное время, почти полвека (до 1760–1770-х гг.) именно записные книги венечных пошлин оставались, по крайней мере в Вологодской и Великоустюжской епархиях, основными учетными документами по брачности.

В фонде «Духовная консистория» Великоустюжского центрального архива (Ф. 363) автором был выявлен массив из более чем 400 записных (сборных) книг венечных пошлин. Они относятся ко всем уездам и приходам обширной Великоустюжской епархии (Устюжский, Тотемский, Сольвычегодский, Яренский уезды и Лальский посад), в которых преобладало черносошное крестьянство, и охватывают период с 1703 по 1765 г. Объем дел различен и колеблется от 2 до 128 листов. Чаще всего книги писались на голландской бумаге, с водяным знаком герба г. Амстердама, но встречаются и другие водяные знаки. Территориальное и хронологическое распределение книг по городам и уездам представлено в Приложении к данной статье (табл. 1). Из него видно, что за первую треть XVIII в. имеется 8 дел (1 за 1703 г., 1 за 1707 г., 2 за 1709 г., 1 за 1710 г., 1 за 1721 г. и 2 за 1728 г.)². В следующие десятилетия их количество резко возрастает: 400 книг за период с 1731 по 1765 г.³, причем около половины из них – 196 (48 %) приходится на самый отдаленный Яренский уезд. За ним следует Великоустюжский уезд – 105 книг (26%), Сольвычегодский – 54 (13%), Тотемский – 33 (8%), и сам город Великий Устюг – 20 (5%). Почти половина книг – 177 (43%) приходится на 1731-1740 гг., то есть на время правления Анны Иоанновны. Столь большое количество книг по Яренскому уезду (196 дел) объясняется дробностью его административного деления (он состоял из 62 административных единиц) и заказные попы создавали по 2–3 идентичных экземпляра книги.

По грамоте патриарха Иоакима 1677 г. и инструкции патриарха Адриана 1697 г., размеры венечных пошлин с первого брака составляли 12 коп., *полторного* (когда вдовец женился на девице) – 18 коп., второго (когда оба брачующихся были вдовцы) – 25 коп.,

² Великоустюжский центральный архив (ВУЦА). Ф. 363. Оп.1. Д. 9, 21, 24-25, 28, 50, 93-94.

³ Там же. Ф.363. Оп.1. Д.119–148, 173-178, 246-292, 322-356, 369, 374-401, 412-426, 435-449, 460, 494-514, 528-546, 558-559, 573-575, 604-610, 626–653, 689–704, 731–732, 746–748, 777–799, 850–852, 863–883, 909-924, 949, 980–992, 1005-1007, 1024-1025, 1077, 1103, 1131-1152, 1182-1202.

третьего – 30 коп⁴. Термин «полуторный брак», как показывает интересное исследование З.А. Тимошенко по монастырским вотчинам, был известен с конца XVII в. [8, с.68], что важно для более точного определения динамики брачности и ее пошлинного обложения. Нормы венечных пошлин, определенные в патриарших грамотах 1677 и 1697 гг. долгое время оставались неизменными, повторяясь в законодательстве первой трети XVIII в. В частности, мы находим их в записной книге Вологодской епархии 1702 г.⁵ и в Великоустюжской епархии в начале 1720-х гг.⁶

Петровским указом 3 июня 1714 г. требовалось взимать с выдачи венечных памятей «вдвое» на содержание лазаретов (для больных, раненых и престарелых), то есть брать лазаретных денег столько же, сколько и венечных. При этом размеры последних не определялись, говорилось лишь – «против прежнего положения» [3, с. 64; 12, с. 71]. Из указа 1730 г.⁷ видно, что законодатель исходил из показателей патриарших грамот 1677, 1687 и 1697 г. [6, с. 20] Сбором лазаретных денег должны были заниматься архиерейские приказные, «люди добрые и верные», то есть те же поповские старосты (заказчики). При этом, если венечные деньги по-прежнему шли в казенные приказы архиереев, то лазаретные должны были направляться в Сенатскую канцелярию, Коллегию экономии, Монастырский приказ или провинциальные канцелярии по третям года (в апреле, августе и октябре) [2, с. 240].

10 июня 1730 г. императрицей Анной Иоанновной был издан указ «О сборе с венечных памятей противу прежнего положения вдвое и об употреблении сего дохода на содержание лазаретов для пропитания и лечения больных и раненых солдат»⁸, который затем был развит в указе от 14 апреля 1731 г.⁹ В указе 1730 г. упоминался петровский указ от 3 июня 1714 г. «О сборе с венечных памятей на пропитание и лечение больных и раненых солдат»¹⁰ и давалось объяснение, почему потребовалось вторичное обращение правительства к вопросу о венечных сборах – с мест поступало много жалоб на чрезмерные поборы сверх указа, «от чего народу, а паче маломоч-

⁴ПСЗ. Т. 3. № 1612. С. 413–425.

⁵Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Кн. 27, 120.

⁶Там же. Кн. 241.

⁷ПСЗ. Т. 8. № 5575.

⁸ ПСЗ.Т. 8. № 5575.

⁹ Там же. № 5746.

¹⁰ Там же. Т. 5. № 2821.

ным людям и крестьянам чинится немалая тягость».

Указ 1731 г. определил новый формуляр венечной памяти, который содержал 5 вертикальных граф: заголовок первой графы – сплошной порядковый номер венечной памяти; во второй графе – число месяца; в третьей – сама форма венечной памяти с указанием года и того, в какой период года (Рождественское, Великоденское, Петропавловское или Успенское мясоястие) произведена запись, причем в конце каждого периода подводились итоги; в четвертой – показывалось, сколько было взято венечных и лазаретных денег; и, наконец, в последней, пятой графе, указывалось, о первом, полуторном, втором или третьем браке шла речь. Главное отличие нового формуляра – это введение расписки получателя (или того, кто за него расписался) венечной памяти, что было прямо предписано указом: «для сущей верности, кто венечную память возьмет, под каждую статью велеть расписаться». Таким образом, записи стали разделяться на отдельные блоки, чего не было ранее, когда, по сути, венечные памяти шли одна за другой сплошным текстом. Пошлинные деньги стали записывать как прописью, так и в отдельной графе цифрами, чего не было ранее.

Подчеркнем, что все выявленные и проанализированные нами сборные венечные книги, начиная с этого времени, выполнены в предписанной табличной форме. Нормы пошлин в них вернулись к допетровскому уровню: с первобрачных по 4 алт. (12 коп.), с полуторабрачных по 6 алт. (18 коп.), с двоебрачных по 8 алт. 2 дн. (25 коп.), с троебрачных по 10 алт. (30 коп.). Разделение записей по «мясоястиям», которое соблюдается вплоть до отмены самих памятей в 1765 г., позволяет поставить вопрос о сезонной динамике браков.

Данные о сезонных колебаниях брачности обобщены в табл. 2. Прежде всего, заметны многочисленные зимние свадьбы, по преимуществу после Рождества Христова; в среднем на Рождественское мясоястие выпадает от 40 до 70 % браков, в то время как на Великоденское мясоястие приходилось 10–30 %, Петропавловское – 3–20 % и Успенское – 6–20 %. Высокий удельный вес зимних свадеб наблюдается в разных территориях епархии: за 1709 г. нами проанализирован Усольский уезд; за 1728, 1731, 1738, 1762 и 1764 гг. – книги по всей епархии; за 1743–1745, 1747–1749, 1752 и 1756 гг. (за которые общепархиальных книг нет) – по Тотьме и Тотемскому уезду; за 1751 г. – по «заказу» (то есть по группе при-

ходов) Спасской церкви Кичменгской волости; за 1744 и 1751 г. – по Лальскому посаду.

Наши подсчеты показали, что в структуре брачности черносошных крестьян севернорусских уездов по-прежнему, будь то епархия в целом, отдельно взятый город, посад, уезд, «заказ», преобладали первые браки – в разные годы они составляли от 62 до 80 %; доля полуторных доходила до 15-20%, вторых – 7-9%, но иногда 27–32 % (только за 1709 и 1721 гг., где не всегда четко указана последовательность); доля третьих - 3-5-9% (табл. 3, 4). Неполнота имеющихся данных не позволяет проследить изменения в динамике.

Подведем итоги. Внушительный корпус из более, чем 400 сборных записных венечных книг Великоустюжской епархии, сохранившийся в районном Великоустюжском архиве, представляет значительный интерес с точки зрения изучения истории демографических процессов. Само его существование показывает, что утверждение новых форм учета населения в Великоустюжской епархии растянулось на несколько десятилетий. Повсеместное введение метрических книг в этом регионе происходит только к 1770-м гг.

Литература

1. Антонов Д.Н, Антонова И.А. Метрические книги России XVIII –начала XX в. М., 2006.
2. Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868.
3. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные и убогие в Москве XVIII в. М., 2010.
4. Крыжановский П.С. Венечные памяти и пошлины // Известия Императорского Археологического общества. СПб., 1859. Т. 2. Вып. 2.
5. Палли Х.Э. Церковно-приходское делопроизводство в Эстонии в XVII–XVIII вв. // Актовое источниковедение. М., 1979.
6. Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. Венечные памяти, пошлины и записные книги XVI–XVIII вв. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3.
7. Пшеницын Д.А., Черкасова М.С. Новые источники по исторической демографии XVII – первой половины XVIII вв. (Устюжская десятина Ростовской митрополии и Великоустюжская епархия) // История и культура Ростовской земли. 2017. Ростов, 2018.
8. Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII вв. Псков, 1999.
9. Черкасова М.С. Записные книги поповских заказчиков Ростовской митрополии XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2012. Ростов, 2013.

10. *Черкасова М.С.* Брак и семья в Московской Руси XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 2017. № 11.
11. *Черкасова М.С.* Вопросы демографии и расселения на севере России по источникам церковного учета XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016 год: Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI в. М., Уфа, 2016.
12. *Щербинин П.П.* Особенности призрения увечных воинов в России в XVIII – начале XX в. // Армия и общество : Мат-лы междунар. научн. конф. Тамбов, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Хронологическое и территориальное распределение вечных сборных книг
Великоустюжской епархии 1703–1765 гг.

город, треть, уезд	1701–	1731–	1736–	1741–	1746–	1751–	1756–	1761–	Итого
	1730	1735	1740	1745	1750	1755	1760	1765	
г. Великий Устюг	-	5	8	-	3	-	-	4	20
Великоустюжский уезд:									
Двинская треть	-	9	6	6	6	4	-	4	35
Сухонская треть	1	2	2	-	-	-	-	-	5
Южская треть	1	14	17	4	13	11	2	3	65
Другие города и уезды епархии:									
г. Тотма и Тотемский уезд	1	8	9	4	5	2	1	3	33
г. Сольвычегодск и Усольский уезд	3	10	18	4	5	9	-	5	54
г. Яренск и Яренский уезд	2	36	33	23	24	38	16	24	196
Итого:	8	84	93	41	56	64	19	43	408

Составлено по: ВУПА. Ф. 363. Оп. 1.

Таблица 2

Влияние православного календаря на брачность в Великоустюжской епархии 1709–1764 гг.

год	кол-во браков	названия месяцев по церковному календарю						Петропавловское (29 июня – 30 июля)		Успенское (15 августа – 11 ноября)	
		Рождественское (7 января – 6 февраля)		Ведикоденское (15 апреля – 11 июня)		%		абс.	%	абс.	%
		абс.	%	абс.	%	абс.	%				
1709	51	-	-	32	62,75	14	27,45	5	9,8	-	-
1728	644	604	93,79	40	6,21	-	-	-	-	-	-
1731	217	-	-	44	20,28	86	39,63	87	40,09	-	-
1738	457	177	38,73	112	24,51	120	26,26	48	10,5	-	-
1743	195	88	45,13	63	32,31	11	5,64	33	16,92	-	-
1744	155	56	36,13	26	16,77	58	37,42	15	9,68	-	-
1745	383	251	65,54	86	22,45	11	2,87	35	9,14	-	-
1747	360	277	76,94	42	11,67	10	2,78	31	8,61	-	-
1748	252	167	66,27	41	16,27	13	5,16	31	12,3	-	-
1749	253	79	31,23	95	37,55	19	7,51	60	23,72	-	-
1750	249	105	42,17	64	25,7	47	18,88	33	13,25	-	-
1751	193	50	25,91	59	30,57	54	27,98	30	15,54	-	-
1751	158	72	45,57	31	19,62	44	27,85	11	6,96	-	-
1752	270	155	57,41	70	25,93	8	2,96	37	13,7	-	-
1756	341	251	73,61	61	17,89	7	2,05	22	6,45	-	-
1762	631	271	42,95	129	20,44	108	17,12	123	19,49	-	-
1764	703	373	53,06	134	19,06	99	14,08	97	13,8	-	-

Составлено по: ВУДА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 24, 93, 119, 267, 412, 501, 532, 559, 634, 698, 731, 746, 747, 787, 949, 1077, 1131.

Таблица 3
Структура брачности по Великоустюжской епархии 1709–1764 гг.

год	кол-во браков	первых		полвторых		вторых		третьих	
		абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1709	51	32	62,75	-	-	14	27,45	5	9,8
1721	202	127	62,87	-	-	65	32,18	10	4,95
1728	644	551	85,56	-	-	84	13,04	9	1,4
1731	217	146	67,28	37	17,05	25	11,52	9	4,15
1735	160	124	77,5	27	16,88	5	3,13	4	2,5
1736	226	180	79,65	27	11,95	11	4,87	8	3,54
1738	457	361	78,99	69	15,1	17	3,72	10	2,19
1743	195	138	70,77	37	18,97	16	8,21	4	2,05
1752	270	216	80	44	16,3	8	2,96	2	0,74
1753	196	141	71,94	40	20,41	10	5,1	5	2,55
1762	631	463	73,38	105	16,64	49	7,7	14	2,22
1764	703	528	75,11	116	16,5	44	6,26	15	2,13

Составлено по: ВУЩА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 24, 50, 93, 119, 199, 267, 412, 501, 787, 851, 1077, 1131.

Таблица 4

Структура брачности и сумма венечных сборов по заказу Спасской Кичменгской церкви Великоустюжского уезда 1721–1753 гг.

год	кол-во браков	общий сбор	первых		полвторых		вторых		третьих	
			абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1721	10	4 руб. 80 коп.	8	80	-	-	2	20	-	-
1728	13	6 руб. 40 коп.	10	76,9	-	-	3	23,1	-	-
1731	21	2 руб. 96 коп.	18	85,7	2	9,5	-	-	1	4,8
1738	45	6 руб. 41 коп.	38	84,4	5	11,2	-	-	2	4,4
1743	59	9 руб. 3 коп.	36	61	17	28,8	3	5,1	3	5,1
1748	134	18 руб. 79 коп.	109	81,4	12	8,9	7	5,2	6	4,5
1749	162	26 руб. 21 коп.	112	69	29	18	15	9,3	6	3,7
1750	249	35 руб. 25 коп.	196	78,7	31	12,5	9	3,6	13	5,2
1751	193	26 руб. 86 коп.	151	78,2	28	14,5	10	5,2	4	2,1
1752	208	29 руб. 37 коп.	161	77,4	30	14,4	9	4,3	8	3,9
1753	230	32 руб. 48 коп.	180	78,2	31	13,5	8	3,5	11	4,8
	1334	198 р. 83 коп.		77,3		14,6		8,8		4,3

Составлено по: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 50, 93, 122, 413, 498, 631, 731, 746, 780, 781, 850.

Ужинно-умолотная книга 1720 г. Старорусского уезда (к вопросу о характере землепользования)

На основе изучения ужино-умолотной книги старорусской вотчины Иверского монастыря 1720 г., актового материала определен порядок учета посевов и сборов пятинного хлеба, его состав и объем, а также виды документации, сопровождавших этот процесс. Распределение посевов не свидетельствует о строгом функционировании трехполя, но позволяет эффективно с учетом спроса на озимые, яровые хлеба и технические культуры использовать поля, пустоши и новые расчистки. В вотчине использовалась гибкая система льгот с учетом локальных стихийных бедствий, неурожая, экономической слабости крестьянского хозяйства.

Ключевые слова: XVIII век; ужино-умолотные книги; формуляр книги; выдел; льготы.

Ужинно-умолотные книги XVI–XVIII вв. прочно вошли в отечественную историографию [1, 3, 4]. Они являются важнейшим источником по истории не только монастырского, но и крестьянского хозяйства. В XVII в. крестьяне старорусской вотчины Иверского монастыря платили договорные оброки, а пятинный хлеб взимался только с оброчных пустошей. В 1712 г. они были переведены на пятинный хлеб. В архиве СПбИИ РАН сохранились несколько ужино-умолотных книг. Наиболее информативна книга 1720 г.², содержащая сведения о том «сколко в котором погосте и у кого имяны земляного тягла и в посеве всякого хлеба, и с того посевного хлеба с монастырских домовых запасшек и со всех 11 погостов ужину выдел и умолот, а сколко с которого погоста какого хлеба и у кого имяны в нынешнем 1720 г. явилось. И то писано ниже сего порознь и по статьям».

Для сбора хлеба погосты делились на «целовальничества» из 12–16 селений. Так в Петровском погосте, «в целовальничестве Федула Васильева, Фадея Козмина» было 30 селений, у Степана Никитина – 12 деревень, в Богородицкой трети у Венедихта Лари-

¹ Тимошенкова Зоя Александровна, кандидат исторических наук, Псковский государственный университет, zoyatim67@mail.ru, Россия, г. Псков.

² Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Кн.1106 (ноябрь 1720 г.). Данная ужинно-умолотная книга представляет собой копию с записных пятинных книг, «каковы остались в Старорусской монастырской Александро-Невской канцелярии». С подлинником ее сверил подьячий Иван Еремеев.

онова – 16 селений. В самом документе нет сведений о порядке выдела, но, видимо, он не отличался от описанного в 1731 г. сбора окладного хлеба в с. Валдае и «прочих местах». «Наперед сего» в села и деревни были отправлены монастырские подьячие для выбора хлебных целовальников, «людей добрых», в обязанности которых входил сбор с каждой деревни всякого окладного хлеба и доставка его в монастырские житницы «в удобное время». Подьячие должны были также собрать «скаска с подкреплением» о размерах тягла и о количестве посеянного хлеба «в полях и по заповокам и на монастырских пустошах». Затем «по тем их скаскам тот всякий хлеб осмотрет и описат». Если после взятия сказок «уведаете где утаенный хлеб», и тот хлеб осмотрет с сторонними людьми и описат, и велет тот хлеб жат и молотит, и обмолотя по тому ж привести вес в Иверский монастырь и записные книги за рукою подать к нашему рассмотрению»³. В 1720 г., в отличие от 1732 г., основным лицом, контролировавшим сбор хлеба в Старорусском у., был комиссар Василий Панкратович Литвинов.

Для выдела пятинного хлеба посылались пятинщики, которые имели при себе книги «за шнуром и за монастырской печатью»⁴, и должны были вместе с целовальниками выделять пятый сноп «без всякой понаровки». В подмонастырской вотчине крестьяне, мещане и прочие должны были выдельный хлеб «с пол и з заповоков и с пустошей» вести сами на Большой Конюшенный монастырский двор, класть в монастырском гумне и, высушив, «по тому ж класть не соединя мещанской с крестьянским, но особливо в другие скирды». Молотить хлеб велеть при себе с целовальником, затем засыпать в монастырские житницы, которые «замыкает» целовальник, которому было предписано «для верности содержат... у себя печать». Одновременно составлялись книги со сведениями о выделе и умолоте из копны и суслона. Хлеб должен быть доставлен в монастырь на подводах землепашцев по первому зимнему пути. «А будучи у выдела и умолота того хлеба, никаких взятков не брать и для своей бездельной корысти никому ничего не упушать. И в том выделе ... никакие понаровки также и обид не

³ СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Карт. 168. Д. 7. Л. 12–15. Указ Иверского архимандрита монаху Гавриилу и подьячему Козме Кирилову. 14 августа 1731 г.

⁴ В этом качестве выступали монастырские служители. Так в д. Нефедьево Должинского погоста у крестьянина Федотки Наумова «сверх сказки по наезду» пятинщиком Козмой Дретенским было выделено «исповолно» 90 снопов ржи (умолот 6,5 четверика (Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Кн. 1106. Л. 257).

чинить и хмельного питья удаляться». В случае, если целовальники при сборе хлеба проявят «нерадение», администрация угрожала: «будете какие взятки брать и для своей корысти учините кому какую уступку, и про то нам известно учинится и за тем учинено вам будет жестокое наказание, а утаенный хлеб доправлен будет на вас вдвое».

Формуляр книги содержит название погоста, селения, имена крестьян, данные о размере тягла каждого двора, посевах в четях и четвериках по отдельным культурам, данные о расположении посевов, совместном использовании крестьянами земельных угодий. Так, у Устина Никитина из д. Звоз Петровского погоста (тягло 0,75 восьмерика) было посеяно 1 четь 7 четвериков ржи «вопче с бобылем Тимофеем Ивановым в поле и на участке вдовы Дарьи Тимофеевой». Ее посевов не отмечено, но нет указаний и на льготу. Возможно, она полевую пашню не обрабатывала, или тягло с нее было снято. У его односельчанина овес был посеян в ржаном и яровом поле. У Мирона Ермолина из д. Внучково (тягло 4,5 осьминки) рожь высевалась в поле и в д. Устье на пометном участке, а овес – «в поле и в деревнях Устье, Подтополье, Жилино». У крестьянина из д. Симановщина Семена Иванова овес был посеян в ржаном, яровом полях и на паренине. Рожь и овес высевались не только в озимом и яровом поле деревни, но в других деревнях на пометных участках, «в поле и на пустоши, на новоросчистных суках», «в поле и в запольных трех нивушках старых годов и на новоросчистой ниве и в деревне Медникове на пустых участках». Посевы овса у Аниты Леонтьева из д. Липовицы Петровского погоста (8 четвертей с четвериком) размещались «в поле и в монастырских двух пасаках, новой расчистки в двух нивушках и в новоросчистных двух нивушках, которые под пус. Гостежем». Крестьяне д. Чернец ячмень сеяли в поле и на росчистных суках. Конопля, в отличие от западного региона [2], в большинстве случаев выращивалась на огороде. Такое расположение посевов, хотя и не позволяет вычислить площадь деревенских крестьянских полей, однако дает возможность учесть все посевы крестьянского двора, определить степень удаленности обрабатываемых земель от местожительства, активность крестьян в приращении посевных площадей. В 1678 г. в старорусской вотчине Иверского монастыря было более 1660 дворов. В 1714 г. в Старорусском у., как писали в своем челобитье старосты и выборные монастырские крестьяне,

число крестьянских дворов сократилось вдвое – крестьян, бобылей и захребетников осталось 730 дворов, «разорение и непомерная скудость увеличиваются с каждым годом», так что они уже не в силах обработать землю и сдают посадским людям исполу⁵. В 1717 г. был полный неурожай: озимый и яровой хлеб вымокли. Осенью поля не были засеяны, многие подбираются, а оставшиеся должны платить за отсутствующих, что увеличивает их платежи в 3-4 раза против нормы. Крестьяне просили перевести их на 10-й сноп или денежный оброк. Согласно же ужинно - умолотной книге 1720 г., в уезде 1475 дворов крестьянских, бобыльских и вдовьих⁶, все пустующие участки обрабатывались.

Нормой при выделе хлеба была пятаина, в отдельных случаях взимался шестой или седьмой сноп пшеницы, шестой сноп ячменя⁷. Допускалась замена культур: «взято гороху за тот боб за плохостию» (Славитинский погост), «за ячмень за плохостью овсом». В книге отмечены случаи утайки хлеба при его выделе на монастырь и наказания за это. Так, Фадей Козмин «за утайку его, что сверх выделу явилось по розыску и по учиненной выписке», кроме пятаины в размере 2 четей и 0,25 четверика с утаенного сбора овса, уплатил «штрафу столько же». Следует при этом заметить, что этот крестьянин сам был выбран в целовальники и, следовательно, должен был следить, чтобы утайки не было. В утайке хлеба были уличены все крестьяне д. Кобылкино Рамышевского погоста. У них «с обводных полевых полос после воловой сметы сыскано 4 копны 1 суслон 2 снопа, которые снопы помянутые крестьяне желали утайт без выделу. А из оног снопового числа в умолоте 4 четверти 6,5 четверика»⁸. Однако не все посеы «сверх сказки» рассматривались как «утайка». Так, посеы Григория Игнатьева из д. Свиногово Воскресенского погоста не были определены ранее «для того, что при подаче сказок был он в отлучении»⁹.

Указания на льготу в пятинном хлебе зачастую не содержат обоснований, а в случае их наличия основным является пожар (Снежский погост). С крестьянина д. Теробыни Коломенского погоста Сидора Петрова размер платежа ржи уменьшен на 2 четвери-

⁵ В 1714 г. с крестьян Старорусского уезда хлеба брать не велено. АНЛ. Т. 1. С. 758.

⁶ Наряду с вдовами названа девушка Настасья Григорьева.

⁷ Славитинский погост.

⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Кн. 1106. Л. 660.

⁹ Там же. Л. 435.

ка «против зговору за недород з запольных суков по указу снято»¹⁰. В Дретенском погосте в деревне Бородино отмечено 4 двора родных братьев Лукиных. При этом размеры тягла указаны только для двух, а остальные «тяглом и посевом написаны с вышеписанными братьями». Но пятина с них взята только с посевов овса, ячменя и гороха в поле, пустоши Гнилки и других деревнях. Кроме того, общее тягло могло быть с племянником и зятем, с отцом, а также с крестьянином, на родство с которым указаний нет. В д. Онуфриево Воскресенского погоста у Захара «тягло и посев всякому хлебу писан вместе с родственником его Никифором Евдокимовым для того, что при подании сказок оные крестьяне жили в одном дворе вместе, а по подании сказок меж собою оне разделились пожитками своими и посеянным хлебом, и по разделении каждой из них живут своим домом порознь». На крестьянина из д. Кобылкино Рамышевского погоста тягло не было положено «для того, что отдан сын его в солдаты»¹¹. Крестьянин Иван Панкратов из д. Селезнево Ефремовского погоста «по засеве овес здал Выставки Поддорья Аверкию Кирилову», вероятно, с удовлетворением его просьбы о снятии тягла. Перечисление крестьян позволяет судить и об изменениях в административно-судебной сфере петровского времени. В д. Уницы Славитинского погоста упомянут крестьянин земский Авраам Герасимов.

Всего на монастырь в 1720 г. было выделено в качестве пятины более 7038 четвертей хлеба (3624 четверти 2 четверика ржи, 4 четверти 6 четвериков ярицы, 686 четвертей 5 четвериков ячменя, 28 четвертей 1 четверик пшеницы), а также более 99,5 четвертей бобов и гороха, 25,5 четвертей льна, 3,5 чети конопляного семени, 202 пуда льна и 13 пудов 37 фунтов мятой пеньки. По данным Л.Н. Семеновой, в 1716–1727 гг. в среднем крестьяне давали монастырю по 5445 четвертей хлеба. Таким образом, урожай 1720 г. был неплохим. При этом следует учесть, что с ряда крестьянских дворов хлеб был полностью или частично не взят в связи с пожаром. Так, у Архипа Ильина из 312 снопов пятины взято 200 снопов ржи (умолот 2 четверти с осьминою), «а с 112 снопов одной четверти трех четвериков для пожарного случая по указу брать не велено». В этой же деревне у двух крестьян сгорел весь

¹⁰ Там же. Л. 600 об.

¹¹ Там же. Л. 655.

яровой хлеб («сноповое число»). При освобождении от платежа скрупулезно подсчитано, каков был урон в четвертях и четвериках. Так, у целовальника Якова Герасимова пятина была снижена на 1 четверть 5 четвериков ржи и 4,75 четверика овса «за пожарный случай и за иверскую его службу и пред прошлыми годами в пятинном хлебе прибыль по указу, по розыску и по учетной выписке». У крестьянина из д. Чернец Чертицкого погоста Игнашки Юрьева «с вышеозначенного всякого хлеба по указу из Невской канцелярии и по предложенной выписке за пометою комиссара Василья Панкратовича Литвинова для его многих убытков за отбывательством от ямщиков ... пятинного хлеба на нынешний год спрашивать кроме гороху и семян льна не велено»¹². Причиной льготы могло быть сочетание факторов. Так, у крестьянина д. Малое Учно Чертицкого погоста Максимки Леонтьева и бобыля из выставки села Пенкова рожь не была взята «по разметке рукою комиссара Василия Панкратовича за скудостоию и за плохостоию».

Наряду с посевами крестьян и бобылей в Старорусском у. ужинно-умолотная книга зафиксировала посевы монастырских служителей и представителей причта местных церквей. Большинство посевов монастырских служителей приходится на Петровский погост, ближайший к Старой Руссе. Это Сава Фролов (д. Подпополье), Карп Красильников (д. Кондратово), Иван Евсеев (Юрьевщина), рассыльщики Фома Евсеев, Василий Еывдокимов, Кирилла Исаков, подьячие Михаил и Тимофей Ивановы, конюх Козма Иванов, сторож Иван Васильев (слобода Кукуевская), рассыльщики Иван Рамышевский, Федор Дмитриев, Сергей Ефтифеев и конюх Васка Шуровский (д. Рогачево), подьячие Антип Тимофеев и Яким Михеев (д. Глушицы), подьячий Иван Коверев (д. Могильницы Снежского погоста)¹³, сторож воротной избы монастырского старорусского вкладного двора Мишка Андронов. Посадских людей старушан насчитывается всего 32 человека. Вероятно, не все они сами обрабатывали посевы. Так, с участка, который был взят старорушанином Дмитрием Житким, овес, ячмень и льняное семя выделены «у казака его Ивана». Старорушанин

¹² Там же. Л. 102.

¹³ В 1725 г. он стал на сторону крестьян в толковании указа о подушной подати, считая, что платежи крестьян должны ограничиться 40 коп. государству, монастырские же платежи платить не следует. В наказание «за возмущение народа» его предписано было бить нещадно батогами на сходах во всех одиннадцати погостах Старорусского у., зачитывая при этом указ о подушной подати [5, с. 366].

Иван Васильев пахал пашню в деревне, что была пустошь Сопки, и жил на сопоцкой мельнице. Пятеро старорушан, в том числе вдова Авдотья Миронова, выращивали хлеб, горох и лен в д. Гушино. Посадский человек Филат Алфимов засеял рожью восемь крестьянских участков в четырех деревнях Снежского погоста. У него было выделено 630 снопов, из которых вымолочено 7 четвертей 6 четвериков зерна¹⁴. Кроме аренды пустых участков в деревнях, пустошей и запольных нив, они обрабатывали купленные крестьянские полосы (Фрол мясник, д. Медниково). Следует отметить еще один случай, когда указан род занятий посадского человека: Григорий калачник сеял ячмень и пшеницу в д. Жилино. Любопытно, что среди старорушан упомянут и старорусский солдат.

Интерес старорушан к земле, возможно, связан с тем, что с 1710 по 1719 г. в Старой Руссе было запрещено солеварение. Среди «посторонних пашильцев» названы также причетники сельских и городских церквей.

Литература

1. *Астахина Л. Ю.* Русские посевные, ужинные, умолотные книги XVI–XVII вв. как источник по истории сельского хозяйства // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1978. С. 133–148.
2. *Беспаленок Е. Д.* Крестьянское хозяйство и рынок в Западнорусских уездах во второй половине XVII в. первой четверти XVIII в. Брянск, 1997. С. 16.
3. Вотчинные хозяйственные книги XVI века: Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70 – 80-х гг. Вып. 1–2 / Под ред. А. Г. Манькова М.; Л.: 1980.
4. Описание архива Александро-Невского монастыря. Т. 1. СПб., 1903.
5. *Семенова Л. Н.* Борьба старорусских крестьян за изменение форм феодальной ренты в первой половине XVIII в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 356–359.

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Кн. 1106. С. 266.

Вятский край в условиях Крестьянской войны 1773-1774 гг.: политика администрации по предотвращению участия населения в пугачевском движении

В статье рассматриваются меры по предотвращению участия вятских крестьян и горожан в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева. Среди них попытки перекрытия дорог, связывающих Вятскую провинцию с территориями, охваченными повстанческим движением, посылка военных команд и боевого снаряжения в поселения в волости и уезды, которые могут оказаться в зонах действия отрядов восставших.

Ключевые слова: Россия; Вятская провинция; пугачевское движение; опасения местной администрации; военные команды; проникновение пугачевцев на территорию Вятского края.

В 1773–1775 гг. в России прокатилась Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. Яицкое казачество, крестьяне, работные люди уральских заводов и народы Поволжья, Приуралья и Западной Сибири выступили против феодального гнета. Вихрь антикрепостнического движения пронесся по районам Башкирии, Урала, Поволжья. Усилились и выступления крестьян в районах, лежавших в стороне от территорий, охваченных восстанием. Его успехи послужили сигналом «к бунту» крестьянства в различных губерниях страны [5; 3]. Участие в Крестьянской войне на стороне повстанцев приняли и крестьяне ряда волостей и станов южных и юго-восточных уездов Вятки [6]. Так, в конце 1773 г. произошли волнения крестьян во главе с Григорием Артемьевым в смежном с Вятской территорией Елабужском уезде, к которым примкнули вятские крестьяне бассейна р. Вали, притока р. Калмези [1, 4].

В декабре того же года начались волнения работных людей и крестьян Ижевского завода, поддержанные подошедшим пугачевским отрядом Кудашева. Ободренные успехом, работные люди Ижевского завода вместе с крестьянами окрестных волостей направились к Воткинскому заводу и в январе 1774 г. заняли его. Другой

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, arkadiy109@rambler.ru, Россия, г. Москва.

отряд, которым руководил крестьянин Савинской волости Андрей Носков, занял село Дебессы в Слободском уезде Вятской провинции. Однако распыление сил повстанцев позволило управляющему Воткинским заводом Клепакову в феврале 1774 г. отбить завод.

Между тем, в декабре 1773 - январе 1774 г. крупные силы башкирского вождя Салавата Юлаева окружил Сарапул и рассеяли незначительные по численности военные команды. После отхода башкирской конницы С. Юлаева к Красноуфимску на смену им в Сарапульском уезде появились значительные силы пугачевцев, руководимые крестьянином И.В. Белодворовым. Однако поражение основной пугачевской армии под Татищевой и Сакмарой, а также снятие правительственными войсками осады Оренбурга имели отрицательные последствия для повстанцев в Удмуртии и на Вятке. Направленные из Казани пехотные полки полковника Юрия Бибикова и капитана Карташевского вытеснили повстанцев из Елабуги, другие военные части, продвигавшиеся из Башкирии, вернули под власть правительства Сарапул. К концу марта 1774 г. повстанческие отряды А. Носова потерпели поражение под Ижевском.

Однако отступившие из Башкирии на Урал Е.И. Пугачев и его сподвижники смогли собрать вновь большое войско из казаков, крестьян и работных людей. К июню 1774 г. восставшие опять вступили в пределы Удмуртии, а затем и подошли к восточной территории Вятского края. 24 июня 1774 г. правительственные военные команды под напором восставших были изгнаны из Воткинского завода, а еще через несколько дней, 27 июня, пугачевцы вновь заняли Ижевск. Главные силы повстанцев направились после этого в сторону Казани, попутно заняв Мензелинск и Елабугу. Вскоре из-за неудачного для восставших штурма Казани военные действия развернулись на волжском правобережье.

Использованные нами архивные источники показывают, что появление пугачевских отрядов на окраинных волостях и уездах Вятской провинции вызвало панику среди местной администрации. Она опасалась крестьянских волнений, которые, кстати, не затухали в крае с 40-х гг. XVIII в. среди церковных крестьян и продолжались даже после секуляризации 1764 г. из-за притеснений экономическими казначеями и чиновниками Коллегии экономии [2, с. 375–381]. Опасения усилились из-за то, что на Вятке не было значительных военных сил. 31 декабря 1773 г. распоряжением Вятской провинциальной канцелярии вводился надзор за важней-

шими дорогами – Казанским, Московским и Сибирским трактами. Первый поручался отставному корнету Русихину, второй – губернскому секретарю Финицкому, третий – подпоручику Анисимову. На трактах были устроены караулы и заставы. Выборных волостных крестьян обязали дать подписки о «послушании» провинциальной администрации². 29 января 1774 г. сенатским указом в Вятскую провинциальную канцелярию приказывалось: «... в городе всем обывателям, а в уезде от каждого жительства, выбрав ото 100 по 15 человек крупных, здоровых и снабдив их оружием, какое в котором месте сыскать может во всякой скорости, и быть оным на всякое время в жилищах... во всей готовности». Так, из жителей хлыновской Заоградной слободки было выбрано 50 человек, в Бобинской волости – 136 человек³. На дорогах, ведущих в вятские города Хлынов, Котельнич, Слободской, Орлов, Шестаков, Кайгородок устраивались «завалы», на которых находились вооруженные «пикеты». В мае 1774 г. после поражения пугачевцев под Татищевой крепостью пикеты были распущены, но в связи с подходом восставших с территории южного Урала к Воткинскому и Ижевскому заводам они были восстановлены. Вятский провинциальный воевода Щербачев в это время потребовал от уездных и волостных властей угнать скот в глухие лесные места из-за опасения его захвата пугачевцами. В РГАДА сохранились еженедельные рапорты старост о «безотлучной» службе «караульщиков» на дорожных заставах⁴. Состояние военной тревоги сохранялось до 28 ноября 1774 г., когда стало ясно, что основные силы «бунтовщиков» действительно перешли на правый берег Волги.

Фонд Казанской секретной комиссии содержит немало сведений, детализирующих картину участия вятских крестьян в повстанческом движении. Из них видно, что слухи о Е.И. Пугачеве и его сподвижниках дошли до самых глухих уголков лесной Вятки. Например, в январе 1774 г. Вятский экономический казначей Денисьев сообщал об обсуждении крестьянами Кырчанской вотчины вести о переходе на сторону восставших жителей соседней Рождественской волости. Более того, только впервые от крестьян Денисьев узнал, что «... смежно к ним... приписные к казенному Ижев-

² РГАДА. Госархив Российской империи. VI разряд. Отд. 1 Д. 631. Л. 1–208, Д. 631, Л. 91, 205–240.

³ Там же. Д. 631, Л. 45–57.

⁴ Там же. Л. 160–175.

скому заводу Рождественской волости крестьяне склонились к стороне самозванца Пугачева⁵. Экономическим крестьянам были известны и пугачевские «указы» и «манифесты», называемые вятскими жителями «билетами». 14 января 1774 г. в город Хлынов пришло сообщение соликамского соляного промышленника Максима Суровцева о взятии пугачевцами в ночь на 21 декабря 1773 г. города Осы и о намерении «толпы» идти к Соликамску и Чердыни. Угроза северо-восточной окраине Вятского края заставила хлыновскую администрацию отправить в город Кайгородок военную команду⁶.

В январе 1774 г. отряды восставших начали активно действовать на вятской территории – в Чутырском и Рубежском «концах» Слободского уезда. 25 января 1774 г. татарско-башкирский отряд пугачевского войска численностью 850 человек начал рейд по селам и деревням Слободского уезда, тогда же к нему присоединилось свыше 200 удмуртских крестьян. Что это число представляло угрозу для слободской уездной администрации видно из того, что в уездном центре – городе Слободском военная команда состояла из 8 человек, у которых не было пушек, пороху, ядер и даже ружей. Из Хлынова, правда, спешно доставили 10 пудов пороха, но не имея ядер и пушек, использовать его было невозможно⁷. Между тем, к концу января 1774 г. восставшие численностью в 300 человек заняли село Дебессы в Слободском уезде. Они, как было известно в Хлынове, «... разъезжая... партиями, забирают старост, сотских и мирских людей, ... принуждают делать ис кос сабли да еще ожидают прибавок казаков 300 человек». Среди населения распространялись пугачевские «манифесты Петра III», а в храмах восставшие заставляли священнослужителей отвечать на вопрос «чего де вы ... не поминаете третьего императора Петра Федоровича о здравии?»⁸. В Хлынове власти лихорадочно готовились к отпору, но пугачевские отряды, присоединив к себе крестьян-удмуртов, ушли из Слободского уезда в деревню Дурымаковскую Казанского уезда⁹.

⁵ Госархив. VI разряд. Оп.1. Д. 630.

⁶ Там же. Д. 507. Часть I. Л. 139–140.

⁷ Там же. Д. 507. Л.160–164.

⁸ Там же. Д. 507. Часть I. Л. 237–238.

⁹ Там же. Д. 507. Часть I. Л. 181–189.

В январе 1774 г. повстанцами была предпринята попытка осады города Кунгура. Более 4 тысяч пугачевцев штурмовали город, но были отбиты пушечным огнем. Однако затем, рассеявшись на небольшие «толпы», заняли населенные удмуртами волости вятского Кайгородского уезда¹⁰. Вступление в них отрядов восставших повлекло за собой отказ «новокрещен» от христианства, прежде насильно насаждавшегося. 20 марта 1774 г. Вятская духовная консистория констатировала: «... ведомства онаго правления разных сел ... новокрещены по нашествии в их жительства злодейских шаек, оставя христианскую веру, совратились в прежнее идолопоклонническое заблуждение...»¹¹. Повстанцы забирали имущество у деревенской «состоятельной» верхушки. Так, у священника села Чутырского Слободского уезда К. Караваева было конфисковано имущество стоимостью в 127 рублей¹². Глухое брожение и различные толки о ходе восстания охватили провинциальный центр – город Хлынов. В провинциальной канцелярии, например, находился под стражей посадский человек Илья Огородников, служивший целовальником в питейном доме. Вина его была в том, что на слова капрала Карельских, просившего его в разговорах не упоминать о «Петре III», он сказал: «... не скоро, брат, эти речи из народа выведешь. Видишь де о нем в народе двояко говорят, иные почитают его беглым казаком, а иные – подменным государем...»¹³.

Известны случаи прямого участия вятских крестьян в пугачевском движении. Попадали они в отряды восставших разными путями, чаще всего присоединялись к восставшим в тех местах, где находились «их шайки». Например, содержавшийся в хлыновской тюрьме крестьянин П. Погудин бежал из-под стражи еще в 1772 г. и «осел» с другими беглыми людьми в Казанском уезде, «... объявляя о себе, что идут из Хлынова с черной работы». Вскоре Погудин оказался в раскольнических скитах «на Керженце...», объявляя о себе, что укрываются от рекрутства». Получив изготовленный у староверов фальшивый паспорт, Погудин ушел на Оренбургский железный завод А.И. Маленкова, но затем промышлял «... шитьем ... у вотяков ношебного платья». Со вступлением в

¹⁰ Там же. Д. 507. Часть I. Л. 207–208, 212–214.

¹¹ Там же. Часть III. Л. 153.

¹² Там же. Л. 151.

¹³ Там же. Д. 507. Часть VI. Л. 37–37 об.

село Дебессы Слободского уезда пугачевского войска, Погудин, услышав от восставших, что «... всей черни даны будут всякие выгоды, то есть через семь лет уволены будут от податей, и где кто пожелает жительства иметь, всегда позволено будет» вместе с другими жителями села и окрестных деревень охотно вступил в ряды пугачевцев. Таким образом, стремление освободиться от фискального гнета, податей, принудительной приписки к заводским работам, рекрутчины толкали крестьян к вступлению в ряды антикрепостнической армии Е.И. Пугачева. Погудин участвовал в захвате восставшими Воткинского и Ижевского заводов, но с продвижением Пугачева к Казани и неудачного штурма города покинул отряды повстанцев и снова занялся портновским мастерством. Вскоре он был схвачен и сослан на вечную каторгу¹⁴.

Почти таким же образом в ряды восставших влились вятские экономические крестьяне Емельян Лалелин – житель Куменской вотчины, Григорий Городилов и Иван Калакин, жившие в Курчумской вотчине. Находясь на заработках в Оренбурге в тот момент, когда пугачевцы начали осаду города, они только через 5 недель сумели уйти в степь, где встретили вооруженные казачьи и башкирские отряды. Ими они были доставлены в Бердскую слободу – ставку Е.И. Пугачева. Вместе с казаками они включились в строительство фортификационных укреплений в Бердской слободе и Татищевской крепости, под стенами которой они были пленены подошедшими правительственными войсками. Немало вятских крестьян, например, С.П. Зайцев, К.М. Попов, М.Д. Крысов, Е.М. Бахрушев, И.Г. Морозов, А.И. Доровских, присягали Пугачеву в Сарапуле, куда они попали, направляясь на Стерлитамакскую пристань «для найма на работу на соленные суда»¹⁵. На Кыштымском заводе к повстанцам примкнул крестьянин Ошетской экономической вотчины Скородумовского починка Андрей Васильев сын Сыргин¹⁶. Идеологический накал пугачевского движения был столь велик, что вятские крестьяне, участвовавшие в восстании, стали грозить своей богатой сельской верхушке – деревенским скупщикам. Так, в январе 1774 г. крестьянин села Васильевского Казанского уезда, приписанный к Воткинскому заводу, Степан

¹⁴ Там же. Д. 467. Л. 218–226.

¹⁵ Там же. Д. 507. Часть II. Л. 227–227 об.

¹⁶ Там же. Л. 228.

Наберухин отправился на Вятку в город Слободской с целью продать пшеницу. Заехав по пути в деревню Омсинскую Слободского уезда, он остановился у «новокрещена» Алексея Болтачева, занимавшегося скупкой зерна. С хозяином С. Наберухин совершил торговую сделку, продав ему пшеницу по цене 1 рубль за 1 осьмину. Однако, «... как де стали тое пшеницу ему, Болтачеву, отдавать на меру, то де оной ... Болтачев стал брать сильно на каждую меру по три пригоршни». Завязалась ссора, в которой С. Наберухин якобы угрожал «навести» пугачевских казаков, «... которые де и казенные заводы разорили, а вашу де деревню всю разобьют и по бревну раскатают». По жалобе обиженного А. Болтачева Степан Наберухин был арестован и вывезен в Казань для допроса в Следственной комиссии. Он понимал, что ему не простят сказанное, поэтому стал отрицать его: «... говорил же он ... слова только такие – по пути де вас таких воров казаки разорили, ибо ... он слышал, что те казаки из Кунгурского уезда ездят по деревням и из какой-то розыскной команды». Следствие было прекращено. Как решили чиновники Казанской комиссии «... Наберухин ... примечен сущим простяком, ибо он считает разъезжающих из злодейской толпы казаков, посылающими из розыскной команды, то растолковать ему, что они злодеи не розыскной команды, но разбойнической шайки»¹⁷.

Переход основных сил пугачевцев на правобережье Волги сказался на уменьшении числа крестьянских волнений на Вятке. К тому же центральные уезды края – Хлыновский, Орловский, Шестаковский, Котельнический – не были вовлечены в ход крестьянской войны. Она затронула только территории на востоке, соприкасавшиеся с Уральским и Башкирским регионами, а также на юге, близкие к Казанскому уезду.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что в период Крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева Вятский край остался в целом в стороне от территории, охваченной ею, исключая только его окраинные районы. Тем не менее в отрядах составших участвовали и вятские крестьяне, в основном те из них, кто находился на заводских работах на Урале и в Башкирии. Причина далеко не массового участия вятского населения в пугачевском движении кроется в том, что на Вятке не было дворянских

¹⁷ Там же. Д. 467. Часть IX. Л. 194–199.

владений, а, следовательно, и помещичьих крестьян. К тому же проведенная в 1764 г. секуляризация церковных имений и передача находившихся в них крестьян в ведение Коллегии экономии сблизили последних с государственными крестьянами, не знавшими личной зависимости. Имели значение и географические условия Вятского края – его лесистость, значительная заболоченность, разобщенность крестьян по малодворным деревням и починкам также не способствовали их вовлечению в повстанческое движение. Принятые провинциальной администрацией меры также препятствовали этому.

Литература

1. *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. М., 2013. Репринг.
2. *Комиссаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х гг. XVIII в // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1965.
3. *Кондрашенков А.А.* Крестьянское движение в Зауралье. Курган, 1963.
4. *Овчинников Р.В.* Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений в 1773–1774 гг. М., 1975.
5. *Садиков М.А.* Участие удмуртов в Крестьянской войне под руководством Е.И. Пугачева // Записки Удмуртского научно-исследовательского Института истории, языка, литературы, фольклора. Вып. 2. Ижевск, 1949.
6. *Эммаусский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII–XVIII вв. Киров, 1956. С.136–143.

Полнота и репрезентативность устных преданий как источников по истории крестьянских переселений в Самарское Поволжье в XVIII в.

В статье показана ценность преданий, записанных этнографами, фольклористами, священниками, другими краеведами и любителями старины в Самарском крае, в качестве источников по истории сельской колонизации новых земель.

Ключевые слова: Россия в XVIII в.; источниковедение; устная история; колонизация; аграрная история.

Привлечение преданий об основании селений является одним из путей расширения источниковой базы для изучения истории сельской миграции и народной колонизации в России. Их отличали «преимущественно крестьянский состав переселенцев» и «сочетание принуждения и народного энтузиазма» [6, с. 14], поэтому понятно бытование наряду с официальными документами и устных рассказов.

Для определения полноты и репрезентативности записей преданий в данной статье уделено внимание тем из них, которые относятся к территориям Самарского края, подвергшимся заселению в XVII – начале XVIII в. (Самарская Лука и ее окрестности) и в середине XVIII в. (Заволжье). Наряду с выявлением устных преданий, проводилась сравнение их сведений с другими источниками. Предания, несомненно, обладают самостоятельной фольклорной, этнографической и лингвистической ценностью. Однако историческая достоверность преданий не может быть выведена из них самих, она проясняется только в сопоставлении с материалами делопроизводства и статистики, актами и другими документами. По мнению специалистов, устные свидетельства разных эпох о переселениях «подлежат обязательной верификации другими видами источников» [5, с. 12].

В большинстве случаев источник, донесший устную традицию, выступает дополнением к письменному. Он передает бытовые детали и имена первопоселенцев, объясняет топонимы, уточ-

¹ Артамонова Людмила Михайловна, доктор исторических наук, Самарский государственный институт культуры, artamonovoi@mail.ru, Россия, г. Самара.

няет датировку, выявляет иные подробности перехода на новые земли. Так, интересные результаты дает сравнение преданий с ревизскими сказками, наказами в Уложенную комиссию, материалами делопроизводства и судопроизводства, записками путешественников. При этом в каждом конкретном случае требуется учет условий как составления документов, так и бытования устных преданий.

В настоящее время изучаемая устная традиция практически пресеклась и сохранилась только в виде записей прежде бытовавших рассказов. Однако современные историки допускают анализ таких записей «с помощью методик, принятых в настоящее время», в т. ч. «oral history» [10, с. 362].

Сгруппировать предания можно по времени и обстоятельствам фиксации, а также по развернутости изложения. Наиболее ранние записи XIX – начала XX в. встречаются в летописях местных храмов и приходов, в периодических изданиях, статистических и справочных трудах. Более поздние частично были также опубликованы, частично отразились в экспедиционных отчетах. Как дореволюционные, так и более современные записи делались или местными жителями, в основном, из числа церковнослужителей и светской интеллигенции, или в ходе специальных научных изысканий этнографов и фольклористов. Записи могут иметь форму припоминания конкретных фактов, связанных с происхождением селения, его названия и окружающих топонимов. Однако рассказчик мог оформить предание как развернутое фабульное повествование с героическим, назидательным или бытовым сюжетом. Исторически достоверными представляются предания 1) более ранние по времени записи; 2) зафиксированные людьми, которые жили в описанных местах или были тесно связаны с ними, а потому лучше знали устную традицию, чем даже профессиональные исследователи, приезжавшие сюда ненадолго; 3) не вплетенные в ткань сложного по композиции рассказа.

На Самарской Луке в середине XIX в. были сделаны записи устных преданий преимущественно русских переселенцев. Зафиксировали их образованные священники, занимавшиеся краеведческими изысканиями. Профессор Симбирской духовной семинарии Д.Н. Орловым включил ряд таких преданий в составленную им «Историю села Усолья Симбирской губернии Сызранского уезда», которая была представлена им в Русское

Географическое Общество [9, с. 67]. Другая подборка содержится в «Церковно-приходской летописи села Усолья Преображенской церкви», написанной местным священником, педагогом и краеведом С.М. Преображенским [3, с. 259–260].

В 1860–1880-х гг. Д.Н. Орлов жил в Самаре, редактировал «Самарские епархиальные ведомости», много печатался в них, но упомянутая «История» осталась неопубликованной. В периодике и краеведческой литературе встречаются публикации отдельных материалов С.М. Преображенского, включенных в его «Летопись», но полностью она также никогда не издавалась. Остается неясным вопрос о взаимоотношении этих рукописей, хранящихся в архивах Ульяновска и Петербурга². Изложение преданий в них в основном совпадает, однако имеются и не повторяющиеся подробности или уточнения.

Причиной совпадений могла быть и устойчивая устная традиция, и знакомство авторов друг с другом. Оба служили в одной Симбирской епархии, жили по соседству. Отдать приоритет в сборе этих преданий кому-либо из двоих затруднительно. С одной стороны, С.М. Преображенский был старше по возрасту и являлся постоянным жителем здешнего края, но, с другой стороны, рукопись Д.Н. Орлова составлена раньше «Летописи». Однако вполне можно использовать тексты обеих этих работ, рассматривая имеющиеся в них разночтения как варианты в целом одних и тех же местных преданий.

В дополнение и не противореча письменным источникам XVII–XVIII вв., предания фиксируют перемещение западной группы чувашей Самарской Луки. Первоначальным их поселением являлся Старый Теплый Стан близ Усолья. Это место осталось отмечено топонимами Теплый лес и Чувашский бугор. Отсюда чувашаи переселяются в две деревни с одинаковым названием Новый Теплый Стан, одна – на Ногайском броде, другая – на Брусянском ключе. Все эти три чувашские деревни зафиксированы в переписях 1670–1680-х гг. и исчезают в XVIII в. По преданию, именно их жители основали тогда новые чувашские деревни Тайдаково, Севрюкаево, а также некоторые другие, ныне не существующие, и переселились в них.

Покинутая чувашами местность близ брода через р. Усу не-

² ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 444, 451; НА РГО. Раз. 37. Д. 39.

долго оставалась ненаселенной. Во владениях А.Д. Меншикова, то есть между 1710 и 1719 гг. там возникает русская деревня (позднее село) Шигоны, Ногайский Брод тож. С.М. Преображенский записал в 1868 г., что это селение, «по показанию старожилов, существует более 150 лет». Предание определенно свидетельствует, что, кроме близости местоположения и привязки к одному и тому же топониму («Ногайский брод»), между прежней чувашской деревней рубежа XVII–XVIII вв. и современным русским селением нет преемственности. Они существовали независимо друг от друга в пространстве и во времени.

Процесс движения русского населения во внутренние земли Луки в царствование Петра I шел весьма интенсивно, что выразилось в появлении новых крупных селений, не известных по переписям 1670–1680-х гг., но зафиксированных первой ревизией и упоминаемых в рукописях священников-краеведов. Здесь появляются выходцы из-под Переславля-Рязанского, основавшие село Рязань. Из с. Малыковки (ныне г. Вольск) заселены Валы, куда подселились некоторые жители из близлежащего с. Жигули. Переселенцы «из дальних мест России» (без более точного определения в рукописях), а также несколько семей из Жигулей и Осиновки водворились в еще одном новом селе – Нагорной (то есть правобережной) Александровке.

Однако новые русские селения возникают и на самом берегу Волги, примером чему являются Актуши, первопоселенцами в которых стали выходцы из Балахнинского уезда. Это утверждение предания подкреплялось ссылкой на то, что до сих пор (в середине XIX в.) немало жителей села носят фамилию Балахонцевых. Есть и другие примеры бытования в Актушах этой фамилии, указывающей место выхода ряда ее жителей или их предков. Самый примечательный пример – капитан И.К. Балахонцев, комендант Самары, который начал военную службу рекрутом именно из крестьян Актушей. В «анналы» местной истории он попал в 1773 г., когда сдал город пугачевцам, сбежав из него без боя [3, с. 163].

По преданию, Валы и Рязань возникли еще во владениях Савво-Сторожевского монастыря в последние годы XVII в., а Александровка и Актуши, как и Шигоны, появились в вотчине А.Д. Меншикова (1710–1719 гг.). Правда, составители рукописей допускают заселение Александровки и Шигон в период, когда вотчина находилась под управлением Монастырского приказа в 1701–

1710 гг.

Любопытны, например, записи Д.Н. Орловым устных преданий о передвижках основного чувашского поселения Усольской волости в течение XVII–XVIII вв. Вначале им был Старый Теплый Стан в трех верстах от Усоля, память о котором сохранилось в названии Чувашского Бугра. Затем тамошние чуваша переселились в Новый Теплый Стан на Ногайском броду около нынешних Шигон, а уйдя оттуда, основали Тайдаково. Появление же русского села Шигоны предание связывает с А.Д. Меншиковым, хотя Д.Н. Орлов считал, что название находящегося рядом Монастырского поля свидетельствует об освоении здешних земель несколько раньше – под управлением Монастырского приказа³.

Уже после проведения первой ревизии примерно в одно время возникли на самой Луке деревня Комаровка, заселенная выходцами из Усольских слобод, а на левобережье Волги деревня Борковка. О последней у Д.Н. Орлова записано, что та сложилась из нескольких хуторов зажиточных жителей Усоля, Жигулей и Валов: «Из них Валовские хутора стояли именно на том месте, где ныне Ставрополь. Когда это место нужно было правительству отвести под поселение калмыков, тогда одни из крестьян приписались к городу, – а другие соединились в один нераздельный хутор и образовали Борковку». Позже упомянутых уже в середине XVIII в. на Луке возникла русская деревня Малая (Новая) Рязань. Ее основателями стали некоторые жители одноименного села, решившие перебраться к берегу Волги. Предание говорит, что эта деревня основана «спустя почти сто лет» появления Большой (Старой) Рязани, но это, конечно, не точный подсчет, а условная формула, обозначающая длительный промежуток времени в несколько (реально в пять-шесть) десятилетий между основанием двух одноименных селений. В 1762 г. Малая Рязань уже была упомянута в сказках 3-й ревизии.

Во второй половине XIX в. с образованием Самарской губернии на левобережье Волги и началом издания «Самарских епархиальных ведомостей» ряд священников приступает к записям преданий в селениях Заволжья. Подключились к этой работе также учителя и чиновники. В советское время и в современной России сбором преданий продолжили заниматься местные любители

³ НА РГО. Раз. 37. Д. 39. С. 21–22, 32–33, 64, 72

истории, а также приезжавшие в старинные селения этнографы, историки, лингвисты, фольклористы.

Из этнических групп, осваивавших Заволжье, самый большой корпус устных источников оставили чуваши, расселившиеся по рекам Черемшану, Соку, Самаре и их притокам. Они были в основном государственными крестьянами, чья устная традиция особенно долго и прочно опиралась на документы, хранящиеся в общинах и храмах. Благоприятствует изучению полноты и достоверности этих преданий также наличие наказов государственных крестьян в Уложенную комиссию Екатерины II, хорошая сохранность ревизских сказок этой категории крестьянства в архивах.

Основная часть записей чувашских преданий об освоении Заволжья, как опубликованных, так и хранящихся в научных отчетах, собрана и проанализирована В.Д. Дмитриевым [2]. Однако изложение им некоторых записей оказалось неполным и не совсем точным, а установлению собственно исторической достоверности преданий было уделено недостаточно внимания. Вне внимания этого автора остались некоторые записи, увидевшие свет в местных изданиях, в том числе материалы из церковных летописей приходов по рекам Черемшану, Шунгуту, Бузулуку и сведения советских краеведов, например, собранные в Похвистневском районе В.А. Ендурьевым [4]. Новые записи были сделаны в ходе этнографических исследований и экспедиций на рубеже XIX–XX вв. [11].

Особенно интересными остаются записи, создатели которых имели возможность сверять предания с документами на землю, имевшимися в распоряжении жителей. Речь идет не об исправлении предания в соответствие с документом, а об опоре самих рассказчиков как на устную, так и на известную им письменную традицию. Исследователи, занимающиеся «устной историей», уже обращали внимание на взаимную интеграцию этих традиций при их наличии [7, с. 534-535].

Характерным тому примером можно считать предание об основании селений Стюхино, Султангулово, Алешкино. В Стюхино значительное число переселенцев прибыло из одноименной чувашской деревни Симбирского уезда, принеся с собой ее название на новое место. Вместе с ними здесь оказались чуваша из Верхней Туармы. Чуваша из селений Нижегородской и Казанской губернии пришли в это же время и в Султангулово, а в Алешкине появились

мордовские переселенцы из Карсунского уезда.

Переселение было трудным. В пути голодали, болели и многие умирали. На новом месте долгие годы жили в лачугах, землянках, страдая от недостатка еды и сельскохозяйственного инвентаря, из-за чего обработка земли велась примитивными способами.

Купчую на землю подписали от мордвы из Алешкиной Алексей Назаров и Степан Иванов, от чувашей из Султангулово – Афанасий Эндреке (Андрикеев), Савелий Федоров, от стюхинцев – Хурай Залухин и Кузьма Григорьев, от владельцев земли – Кедргулла Бахметов с семьей. Подписывались по-русски и арабскими буквами, а неграмотные ставили отпечатки пальцев. Купчая крепость была заверена в Карсуне в 1755 г.

Землю переселенцы приобрели совместно у башкирских тарханов по цене 31 коп. за десятину, а затем разделили ее между собой. В Султангулово ушли и обосновались 11 дворов. Их хозяевами стали чувашаи Афанасий Эндреке (Андрикеев), Исей, Гуйзар, Микитка, Вастирек, Сипек, Петерке, Иштерек. В Алешкине обосновались мордовские крестьяне, пришедшие из Карсунского уезда и других селений Симбирского Поволжья: Алексей Назаров, Степан Иванов, Николай Максимов Алешкин и другие, а всего также 11 хозяйств. Устное предание не упоминает переселенцев из татар, которые были указаны среди жителей в Алешкине во время вскоре состоявшейся ревизии. Видимо, они появились здесь позже самых первых жителей из чувашей и мордвы, запомнившихся рассказчикам.

Кроме ревизской сказки, проверке предания помогает наказ в Уложенную комиссию Екатерины II, поданный от жителей Султангуловой и Стюхина в 1767 г.⁴ В нем, как и в предании, местом оформления купли-продажи земли называется контора крепостных дел в Карсуне. Среди продавцов земли, кроме того, что упоминался в предании (в наказе его имя звучит как Надергула Бихметев), указываются еще Салтангул Томенеев и Башир Шарыпов с товарищами из «Уфинского уезду Казанской дороги Кипчацкой волости деревни Салтангуловой». Только названы они в наказе не башкирскими тарханами, а служилыми татарами. Судя по всему, различия между указанными этническими и социальными категориями были для чувашей малопонятны и малозначимы.

⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 284.

Любопытно, что предание и наказ раскрывают одновременно три разных способа наименования новых деревень. Стюхино, как говорилось выше, было названо по прежнему месту жительства новоселов, Султангулово – по месту жительства продавцов земли или по имени одного из них, а Алешкино – по имени организатора и активного участника переселения.

Наказ называет датой перехода на новое место жительства лето 1755 г., что соответствует дате покупки земли в устном рассказе. А вот начало заселения, отнесенное преданием к более раннему времени (30–40-м гг. XVIII в.), ни в наказе, ни в ревизских сказках не подтверждается. В целом же рассмотренное предание, судя по письменным источникам, обладает высокой степенью достоверности.

Одновременно заметна разница в исторической достоверности преданий, зафиксированных в селениях, где имелись старинные документы на владение землей, и в селениях, где таковых не было. К последним относились и помещичьи имения, монастырские, дворцовые владения, где дела о землевладении хранились не у крестьян, а у хозяев и управляющих. Например, уже в начале XX в. жители Ивановки на реке Безенчук практически забыли обстоятельства выселения их предков графами Орловыми из деревень на Самарской Луке [8, с. 102]. В воспоминаниях старожилов Елшанки, поставленной близ р. Кондурчи, «времена дворянского землевладения» остались в виде отдельных местных топонимов, созвучных фамилиям бывших помещиков [1, с. 367]. В записях, сделанных спустя много лет после утраты старинных документов в ходе коллективизации и атеистических мероприятий даже там, где они имелись, становится еще больше легендарных мотивов сомнительной исторической ценности.

Предания о переселенцах представляют собой ценный источник для исследователей, занимающихся вопросами крестьянского заселения и аграрного освоения Самарского Поволжья. Особенно это касается периодов, для которых документальная база является минимальной. Однако каждый раз нужно учитывать обстоятельства возникновения и фиксации предания, проводить внимательное сопоставление устной традиции с письменными свидетельствами.

В представленном исследовании показана продуктивность поиска и изучения преданий о крестьянских переселениях на Са-

марскую Луку и в Заволжье в конце XVII -XVIII в. Предания именно этого времени заметно обогащают знания о заселении новых территорий. Устные свидетельства о более раннем периоде хуже поддаются проверке из-за недостатка иных источников, а для XIX – начала XX в. такие свидетельства теряются в обилии богатых и подробных письменных материалов разного происхождения.

Литература

1. *Ведерникова Т.И.* Формирование системы дворянского землевладения в ходе аграрного освоения Самарского Заволжья в XVIII – середине XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 364-372.
2. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 3. Чебоксары, 1988.
3. *Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. и др.* История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
4. *Ендурев В.А.* Из истории Похвистневского района // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 50–67.
5. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни: из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946-1953 гг. М., 2015.
6. *Мионов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
7. *Ростовцев Е.А.* Российская наука об устной истории // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 522–545.
8. *Смирнов Ю.Н.* Крупная крепостная вотчина и освоение земель Среднего Поволжья в последней трети XVIII – первой половине XIX века (по материалам владений Орловых и Орловых-Давыдовых в районе Самарской Луки) // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 8–2 (99). С. 101–109.
9. *Смирнов Ю.Н.* Материалы о самарском крестьянстве дореформенной эпохи в Русском географическом обществе и их авторы // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8–2 (109). С. 65–73.
10. *Смирнов Ю.Н.* Ретроспективный анализ в жанре устной истории бесед с жителями дореформенного русского города // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 361–377.
11. *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары, 2007.

Проблема эффективности частновладельческих хозяйств в России начала XX века в праволиберальной общественной мысли

В статье анализируются воззрения представителей либерально-консервативного направления российской общественной мысли по вопросу об эффективности частного землевладения и будущем частновладельческих хозяйств. Рассматриваются вопросы сравнительной эффективности крупного, среднего и мелкого землевладения, влияния частного землевладения на развитие крестьянского хозяйства и др.

Ключевые слова: аграрная политика; общественная мысль; реформы; дворянство; крестьянство.

В России начала XX столетия, в условиях обострявшейся (главным образом вследствие аграрного перенаселения) социальной обстановки в деревне, одним из центральных вопросов широкой общественной дискуссии о перспективах развития отечественного сельского хозяйства и направлениях аграрной политики стал вопрос о судьбе помещного землевладения. Особенно обострилась данная проблема после 1905 г., когда представители радикальных и леволиберальных политических сил, апеллируя к настроениям большинства крестьянства, выступили с требованием принудительного отчуждения частновладельческих земель. В развернувшейся полемике наиболее взвешенную, на наш взгляд, позицию занимали придерживавшиеся праволиберальных (или либерально-консервативных) взглядов экономисты, общественные деятели и политики, под влиянием которых в значительной степени и была сформулирована новая правительственная аграрная программа, осуществлявшаяся с 1906 г.

Важно подчеркнуть, что уже в конце XIX столетия, в ситуации аграрного кризиса конца 1880–1890-х гг., вызванного падением цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке, перед аграрным сектором российской экономики, и прежде всего перед частновладельческими хозяйствами, в большей степени ориентированными на рыночный спрос, вставали вполне понятные

¹ Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, sbesp@mail.ru, Россия, г. Москва.

проблемы. В этих условиях значительная часть сельских хозяев предъявляла все возрастающие претензии к правительству, финансово-экономическая политика которого, по их мнению, призвана была обеспечить ускоренное развитие крупной промышленности в ущерб интересам деревни, что стало едва ли не решающим фактором углубления кризисных явлений [1]. В частности, они требовали пересмотра таможенных тарифов на импортируемую в Россию сельскохозяйственную технику, поскольку «удешевление и усовершенствование орудий сельскохозяйственного производства» представлялось им «существенным и необходимым» условием повышения производительности аграрного сектора – таково было мнения большинства сельских хозяев, сформулированное в ходе работы межведомственного совещания по вопросам таможенного обложения сельскохозяйственных машин и орудий². Отметим, что их усилия увенчались частичным успехом, и в 1898 г. ввозные пошлины на сельскохозяйственные машины были снижены; при этом добиться пересмотра основных принципов правительственной экономической политики представителям аграрных интересов не удалось.

Однако и в среде аграриев высказывались принципиально иные суждения о тенденциях развития частновладельческих хозяйств. Весьма интересна в этой связи позиция сельского хозяина Рязанской губернии кн. И. Волконского, первоначально сформулированная в ходе работы указанного межведомственного совещания в качестве его особого мнения, но затем подписанная еще 11-ю представителями сельских хозяев. Волконский отмечал, что сельское хозяйство Центрально-европейской России переживает «под влиянием кризиса, вызванного теперешним падением цен на хлеба, знаменательное время. Оно совершенно пересоставляется». Наиболее значительные изменения, по мнению И. Волконского, происходили в средних по размеру помещичьих хозяйствах – от 200 до 2000 десятин. Владельцы таких имений продолжать вести хозяйство по-старому не могут и потому должны «либо измениться, либо уступить свое место другим. При указанном размере земли нельзя более быть только землевладельцем, лишь надзирающим за своим хозяйством, необходимо стать хозяином, лично рассчитывающим и ведущим свое дело и только им одним и занимаю-

² РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 407. Л. 157а.

щимся... Должен образоваться новый класс людей, черпающий источник своего дохода из личных действий и сообразительности»³. И такой класс хозяев нового типа, по убеждению Волконского, уже начал образовываться. Их хозяйства принципиальным образом меняются, прежде всего специализируются. При этом нередко «отрасли хозяйства, остававшиеся в прежнее время в забросе или вовсе не существовавшие, выходят на первый план» и становятся главным источником дохода. Со стороны этих землевладельцев нового типа существует очевидный и все возрастающий спрос на сельскохозяйственную технику, несмотря на ее дороговизну в России. Для такого хозяина машины имеют исключительное значение, «он разбирает и ценит их качество, иначе обращается с ними, иначе бережет их. Мне известны хозяева и их дети, сами выезжающие в поле на жнейках; сепараторы ставятся рядом с кабинетом хозяина; мастерская – тут же в доме»⁴.

Волконский при этом отмечал, что те владельцы хозяйств среднего размера, которые оказываются не в состоянии адаптироваться к меняющимся условиям, вынуждены будут расстаться со своими землями, часть которых перейдет и в руки крестьян; в то же время в сохранении именно *среднего* землевладения, с которым Волконский и его единомышленники связывали основные надежды на прогресс российского сельского хозяйства, и, более того, в его динамичном развитии, сомнений у них не было⁵.

В то же время, трезво оценивая положение частновладельческих хозяйств, правые либералы отмечали, что, будучи в большинстве своем очевидно эффективнее хозяйств крестьянских, развиваются они в целом не самыми высокими темпами. Это подчеркивалось, в частности, в работах влиятельного экономиста П.Д. Лохтина, среди которых следует прежде всего отметить основанную на использовании обширных статистических данных книгу «Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами», изданную в 1901 г. Отметим, что С.Ю. Витте разделял взгляды Лохтина по большинству ключевых вопросов; в 1902 г. фрагменты одной из его брошюр были представлены Министром финансов для ознакомления Николаю II, причем в сопроводительной записке Витте отмечал: «Сочинение Лохтина, свиде-

³ Там же. Л. 161.

⁴ Там же. Л. 161 об.

⁵ Там же. Л. 161–162.

тельствующее об обстоятельном знакомстве автора с положением нашей сельскохозяйственной промышленности и бытом русской деревни, является особенно ценным потому, что в этом сочинении рельефно и умело сгруппированы материалы по указанному вопросу и сделаны из них интересные выводы»⁶. А в начале 1906 г. поданная Лохтиным в правительство записка «Как сделаться крестьянам богаче», в которой в сжатой форме излагались основные положения анализируемой здесь работы, была по распоряжению Витте отпечатана и разослана всем членам Совета министров⁷.

Лохтин отмечает утверждения о наличии исключительных особенностей, якобы делающих некорректным всякое сопоставление уровня развития сельского хозяйства России с другими странами: «Россия не отличается от других стран такими существенными особенностями, которые были бы непреодолимыми препятствиями для введения в ней интенсивного или, говоря проще, лучшего сравнительно с теперешним сельского хозяйства» [6, с. 1]; подтверждением тому являлось, по мнению автора, во-первых, наличие в различных регионах страны отдельных образцовых хозяйств, ни в чем не уступавших заграничным, и, во-вторых, то, что «сборы хлеба с единицы площади у [частных] владельцев лучше, чем у крестьян, в урожайные годы на 20–25 %, в неурожайные – на 40, 80 и более %. Поэтому утверждение, что владельцы одинаково страдают от неурожая, как и крестьяне, решительно опровергается цифрами» [6, с. 186]; при этом необходимо учитывать, что большинство российских частновладельческих хозяйств находились, по западноевропейским меркам, не на самом высоком уровне.

Характеризуя положение частновладельческих хозяйств России, П. Лохтин отмечает, что, несмотря на существенно более высокую по сравнению с крестьянскими хозяйствами урожайность (причем вследствие того, что разница эта была особенно велика в неурожайные годы, частные владельцы, пользуясь более высокими ценами на зерно в такие годы, как правило, обеспечивали себе неплохой доход) и в целом гораздо лучшее положение этих хозяйств, прогрессируют они очень «медленно и вяло», показателем чего является, прежде всего, сохраняющееся господство трехполья в

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 182. Л. 175.

⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 388. Л. 13.

большинстве частных владений. Основной причиной этого Лохтин считает то, что «для большинства наших землевладельцев сельское хозяйство не составляет главного или единственного средства для существования, как, например, для немецких помещиков или американских фермеров». В большинстве своем частные владельцы заняты на государственной или иной службе, являющейся для них, как правило, основным источником материального обеспечения, в связи с чем у них отсутствует необходимость, а нередко и возможность вплотную заниматься своим хозяйством.

На эту же особенность частновладельческих хозяйств указывал и В.И. Гурко [3]. Усиливают нежелание землевладельцев посвятить себя целиком сельскому хозяйству трудности со сбытом продукции (часто – из-за неразвитости путей сообщения, а также рыночной инфраструктуры) и дороговизна оборотных средств. Наконец, постоянно увеличивающаяся в условиях экстенсивного хозяйства – как следствия общинных порядков – потребность в аренде земель крестьянами обеспечивает многим владельцам пусть не самый высокий, но вполне достаточный и, главное, стабильный доход [6, с. 302–303]. В связи с этим реформирование крестьянского землевладения, отток из деревни избыточной рабочей силы и развитие переселенческого движения могло бы стать, помимо прочего, дополнительным стимулом для повышения эффективности частновладельческих хозяйств.

Поднять уровень благосостояния крестьян при помощи принудительного отчуждения в их пользу частновладельческих земель либеральные консерваторы считали невозможным. Прежде всего, они отмечали противозаконность подобных действий с точки зрения гражданского права. Кроме того, это мероприятие представлялось им неосуществимым и с точки зрения финансовой, поскольку выплата компенсаций владельцам не по рыночной, а по «справедливой» оценке, как это предлагала либеральная оппозиция, была абсолютно невозможна. Как указывал в своей работе «Опыт аграрной программы» Д.И. Пестржецкий, «справедливость, не имеющая за собою позитивной нормы, вещь ужасная, – от нее уже 2 1/2 тыс. лет назад плебеи уходили на Авентинскую гору. Это скрытый произвол». Такая оценка стала бы абсолютно несправедливой, например, по отношению к тем, кто лишь недавно приобрел землю (в особенности, если покупка была сделана в кредит); кроме непосредственных интересов собственников, подобное отчужде-

ние станет нарушением интересов кредиторов (держателей закладных и т.д.). Наконец, не существует объективных критериев для осуществления подлинно справедливой оценки. Таким образом, убежден Пестржецкий, «вне общей замены современного строя, основанного на признании права собственности, строим социалистическим, принудительное отчуждение мыслимо лишь по рыночной оценке». Однако подобное мероприятие потребует от государства изыскания чудовищной суммы – не менее 6 млрд рублей, и «не будет ли это банкротством»? Но даже и «в качестве меры революционной» принудительное отчуждение неприемлемо, поскольку статистические данные однозначно свидетельствуют о практически неизбежном снижении урожайности на 18-20% после перехода земель от частных владельцев к крестьянским общинам, соответственно, сократится и потребление хлеба в стране (и без того недостаточное), и, в особенности, его экспорт. Наконец, исключительно негативно «отзовется на сельских местностях устранение отсюда более интеллигентных элементов»; отметим, что таковыми Пестржецкий считает, прежде всего, представителей среднего землевладения [8, с. II-III], подчеркивая тем самым их особую значимость и в некоторой степени солидаризируясь в этом отношении с В.И.Гурко, позиция которого будет рассмотрена ниже.

Итак, по мнению Д. Пестржецкого, в результате отчуждения 30–35 млн десятин частновладельческих земель (а именно такая цифра, по его словам, называлась сторонниками подобной акции) в России практически полностью будет уничтожено рентное, сравнительно интенсивное хозяйство; крестьяне получают прибавку примерно в 0,5 десятины на душу, причем результаты этой прирезки земли в результате прироста населения будут сведены на нет уже через 5–7 лет. Но даже и на эти несколько лет крестьяне едва ли почувствуют облегчение: огромная часть предполагаемых к отчуждению земель в начале 1900-х гг. и так находилась либо в аренде у крестьян, причем арендная плата оказалась бы гораздо ниже будущих выкупных платежей, либо обрабатывалась крестьянами же за поденную или издельную плату, что давало им валового дохода примерно столько же, сколько и урожай на надельной земле (по данным правительственной комиссии). Соответственно, уничтожение наиболее интенсивных хозяйств на частновладельческих землях лишило бы беднейших крестьян стабильного заработка (что уже было подтверждено опытом нескольких южных губер-

ний, где количество рентных хозяйств резко сократилось и земля их перешла крестьянским общинам) [8, с. IV–V]. В то же время осуществление мер, обеспечивающих повышения урожайности наделных земель до уровня частновладельческих, соответствовало бы расширению площади наделного землевладения на 30 млн десятин; замена же трехполья многопольем обеспечила бы увеличение посевной площади на 35–40 млн десятин, «т.е. на столько же, сколько может дать переход к крестьянам всех частновладельческих, казенных и удельных свободных от леса земель» [8, с. IX].

Кроме того, «распределение между крестьянскими обществами отчужденной земли уже само по себе вызовет огромные волнения, так как твердого основания для такого распределения нет, и дать его невозможно». К тому же крестьяне едва ли ограничатся распределением частновладельческих земель, а «начнут стремиться к поравнению землею друг с другом», примеры чего наблюдались уже в 1905 г., и, коль скоро принцип святости и неприкосновенности собственности будет нарушен самим государством, у правительства не останется никакой возможности противодействовать такого рода стремлениям [8, с. VI].

Консерваторами и правыми либералами приводилось и множество иных аргументов против принудительного отчуждения. Например, в поданной на имя Председателя Совета Министров С.Ю. Витте Докладной записке Областного войска донского предводителя дворянства Денисова отмечалось, что принудительное отчуждение земель у помещиков способно была лишить аренды местных крестьян и, таким образом, разорить большинство из них, а также отнять заработок у безземельных, «получающих оплату своего труда зачастую в большем размере, чем дает дохода земля при крестьянской эксплуатации таковой». Неизбежное понижение продуктивности земли в случае перехода ее в крестьянские руки будет означать отнюдь не разрешение аграрного вопроса, а полное государственное разорение, поскольку подорвет торговый баланс страны, основанный, главным образом, на экспорте хлеба⁸.

Приверженцы право-либеральных взглядов справедливо указывали на то, что количество рентных хозяйств в России неуклонно сокращалось без всякого принудительного отчуждения, и земля естественным образом переходила в руки мелких соб-

⁸ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2502. Л. 1 об.–2.

ственников; поэтому государству следовало лишь противодействовать чрезмерному повышению цен на продаваемые земли, что при правильной политике Крестьянского банка было вполне осуществимо. Деятельность банка предлагалось активизировать, причем, по мнению многих экспертов, ему следовало от посредничества при совершении сделок переходить к самостоятельной покупке земель у частных владельцев для дополнительного обеспечения крестьян. Однако излишне форсировать процесс мобилизации поместных земель представлялось опасным, поскольку, как отмечал П.Д. Долгоруков, это могло понизить культурный уровень провинции, «особенно пока сама деревня еще не выделила из своей среды новых культурных элементов». Эта оценка представляется весьма показательной, поскольку, в отличие от большинства правых либералов, князь П.Д. Долгоруков утверждал, что вопрос о расширении крестьянского землепользования является самым важным и притом не терпящим промедления. «Здесь надо применить хирургию, т.к. поздно обращаться к терапии. Сейчас надо решить земельный вопрос в узком смысле [дополнительного наделения]. Все же другие вопросы... будут выдвинуты на местах»⁹. По его мнению, разрешение аграрного кризиса в России возможно было либо через увеличение площади крестьянского землевладения, либо путем интенсификации крестьянского хозяйства. Однако интенсификация хозяйства, как полагал Долгоруков, могла быть достигнута только «при увеличении культурности населения, при более совершенном, чем теперь, его правовом положении, при оживлении всей местной жизни, при усилении обрабатывающей промышленности и при приливе оборотных средств». Но в то же время всего этого невозможно добиться в короткие сроки, и потому неизбежно «будущему законодательству придется на первых же порах иметь дело с вопросом об увеличении земельной площади, находящейся в пользовании земледельцев». Однако при этом в высшей степени нежелательно «разжигание классовых... инстинктов, ведущих к болезненным и зачастую бесплодным конфликтам»; а до тех пор, пока народ «не заживет более сознательною жизнью и не будет принимать большего участия в управлении своими делами», дополнительное наделение за счет принудительного отчуждения владельческих земель наверняка лишь возбудит в

⁹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 42. Л. 23.

крестьянстве неоправданные ожидания и вообще способно будет «придать вопросу неправильное освещение» [4, с.3]. Как видим, Долгоруков понимал всю опасность принудительного отчуждения, что принципиально отличало его позицию от воззрений большинства других членов конституционно-демократической партии. Он отмечал, что при сохранении экстенсивного характера крестьянского землепользования распределение даже всей частновладельческой земли между крестьянскими хозяйствами не даст никакого долговременного эффекта, «не говоря уже о том, что, по всей вероятности, она опять стала бы группироваться в руках крупных хозяев и притом неравномерно и не всегда достаточно справедливо» [4, с. 3–4]. Соответственно, подобная насильственная ломка всех хозяйственных отношений представляется Долгорукову в высшей степени нецелесообразной.

Поэтому как альтернативу широкомасштабному принудительному отчуждению (хотя в целом ряде случаев он считал его возможным) Долгоруков предлагал «постепенный и мирный переход земли в руки земледельцев, пример чему мы видим во многих демократических странах». (Поскольку П.Д. Долгоруков не сомневался в необходимости обеспечения быстрого развития национальной промышленности, одним из наиболее важных позитивных результатов такой аграрной эволюции он считал то, что прежние землевладельцы нередко помещают вырученные за проданную землю средства в промышленность, что ускоряет индустриализацию.) Во многом аналогичный этому процесс, по его мнению, уже начался и в России; необходимо было, следовательно, «только урегулировать это движение и, где надо, облегчить его и облечь в желательные формы»; в то же время излишне форсировать данный процесс Долгоруков также считал нецелесообразным, поскольку с частным землевладением «связаны подчас и известные культурные традиции, порвать с которыми слишком резко значило бы понизить культурный уровень провинции, особенно пока сама деревня еще не выделила из своей среды новых культурных элементов». Однако государственная поддержка владельцев латифундий, существование которых Долгоруков считал безусловным злом («они служат лишним насосом, вытягивающим деньги из деревни»), а также средних и мелких землевладельцев, живущих главным образом за счет арендной платы, должны была, по его мнению, немедленно прекратиться. Наконец, Крестьянскому банку следовало, согласно предложениям

Долгорукова, активизировать свою деятельность и реформировать ее «в смысле замены посредничества при покупке самостоятельного покупкою земель за счет банка» у частных владельцев для дополнительного обеспечения крестьян [4, с. 4-5].

Как уже отмечалось выше, многие представители либерально-консервативных взглядов связывали свои надежды на прогрессивное развитие аграрного сектора прежде всего с частновладельческими хозяйствами среднего размера¹⁰. Но, пожалуй, наиболее убежденным сторонником среднего землевладения был такой известный политик, как В.И. Гурко. Характерно, что не только социалисты, но и левые либералы, в частности, П.Н. Милюков, неоднократно обвиняли Гурко в откровенном пренебрежении общегосударственными интересами и защите исключительно «интересов привилегированной кучки» [7, с. 66]. Однако едва ли подобные обвинения можно признать обоснованными, особенно если учесть, что программа Гурко содержала еще одно важное положение, принципиально отличавшее ее от концепции Столыпина. Отмечая, что «значительная часть территории страны распределена на владения, по своим размерам имеющие характер латифундий», причем в большинстве из них хозяйство ведется не слишком интенсивно [2, с. 54], Гурко считал, что, при безусловном соблюдении принципа неприкосновенности частной собственности, государство «вправе принять особые меры для распределения своей территории на такие отдельные владения, размеры коих наиболее благоприятствуют увеличению богатства страны». Единственным же средством, которое может заставить большинство крупнейших землевладельцев либо интенсифицировать свое хозяйство, либо продать значительную часть принадлежащих им земель, являлось, по мнению Гурко, введение прогрессивного налога на земельное имущество [2, с. 32]. Таким образом, основной задачей, на достижение которой и должна быть прежде всего направлена аграрная реформа, являлось увеличение масштабов *среднего* землевладения, как наиболее эффективного, за счет и мелкого надельного, и крупного латифундиального и, как результат этого, «превращение земледелия в сельскую промышленность». Только путем столь радикальных и наверняка непопулярных реформ, считал Гурко, воз-

¹⁰ Общепринятого мнения о том, какие хозяйства относить к средним, не существовало; чаще всего встречались оценки в 100–1000 десятин, несколько реже 200–2000 десятин земли.

можно сохранить существующий государственный строй, а также создать «экономический мост между малоимущую невежественною массою населения и его верхним зажиточным слоем». Отказ же от подобных преобразований, по его убеждению, был чреват либо утратой гражданских прав, дарованных Манифестом 17 Октября (и тогда страна вновь подпадет под полицейско-бюрократический режим), либо крушением всего социального строя и гибелью государства [2, с. 56–57].

Мнение об особой роли среднего землевладения, высказывавшееся в разные годы И. Волконским, В.И. Гурко и др., имело немало сторонников. В то же время в ходе осуществлявшейся с 1906 г. аграрной реформы ее идеологи подчеркивали, что связывают будущее страны прежде всего с мелким землевладением. Наиболее показательной представляется позиция Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина. С одной стороны, он подчеркивал, что государственные интересы требуют прежде всего, чтобы «каждый клочок земли был в руках того, кто лучше других сумеет взять от земли все, что она может дать». При этом такое положение нигде и никогда не может быть создано искусственно, при помощи какого-либо насилия над собственностью; оно достигается «лишь путем эволюции, путем постоянно совершающегося естественного подбора хозяев. Этот подбор самой землею подходящих хозяев и хозяевами наиболее пригодных для себя участков и форм труда на них и составляет единственный способ правильного землеустройства, т.е. такой группировки хозяев и хозяйств, которая обеспечивает высшую производительность земли и земледельческого на ней труда» [5, с. 7], — подчеркивал Кривошеин, выступая в данном случае прежде всего против предлагавшегося оппонентами правительства принудительного отчуждения частных владений. Впрочем, и идея Гурко о прогрессивном поземельном налоге, призванном форсировать ликвидацию крупнейших латифундий, правительство Столыпина, как известно, не поддержало.

Констатируя, что оставить сельскохозяйственное производство на крайне низком уровне «в стране, могущей пока предложить к заграничному вывозу только сырье и, главным образом, ... хлеб, нельзя; это значило бы примириться с той полунищетою доброй половины населения...; это значило бы остаться при нынешней невозможности прочно обеспечить развитие какого бы то ни

было производства, хотя бы и самых необходимых для населения предметов» [5, с. 3]. Кривошеин провозглашал основной задачей правительства обеспечение роста производства сельскохозяйственной продукции за счет повышения эффективности мелких крестьянских хозяйств, поскольку в России именно мелкое землевладение занимает абсолютно преобладающее положение. Как видим, Кривошеин не подвергает сомнению то, что именно *мелкое* землевладение будет и в дальнейшем являться преобладающей формой землевладения в России; по ходу своего выступления в Государственной Думе он еще раз акцентирует на этом внимание депутатов: «Россия – страна мелких крестьянских хозяйств: крупное и среднее землевладение в них тонут, как в море. Площадь крестьянского землевладения все растет; крупных частновладельческих имений не только не создается вновь, но на наших глазах они быстро тают. Таковы политические и бытовые условия нынешнего времени». Более того, Главноуправляющий землеустройством и земледелием утверждает, что во всем мире мелкое сельское хозяйство оказывается выгоднее крупного, что якобы признано мировой экономической наукой, – на самом деле вопрос этот оставался дискуссионным. Тем более прискорбно, утверждает Кривошеин, что «в России, и только в одной России, это не так. Крупное хозяйство на 20 и более процентов урожайнее крестьянского». Тому есть целый ряд причин, однако главная среди них, по мнению Кривошеина, налицо: «крупная и средняя собственность в России есть, частные владельцы – хозяева своей земли; мелкой же собственности, в смысле полной власти собственника над своим, хотя бы маленьким клочком земли, у нас нет или не было до последнего времени» [5, с. 5–6].

Причиной исключительно низкой производительности крестьянских хозяйств, по Кривошеину, ни в коем случае не следует считать наличие рядом с ними хозяйств частновладельческих, уничтожение которых и раздел их культурной площади между общинами, по мнению наиболее радикальной части оппозиции, способны якобы изменить ситуацию; столь же неприемлемо, по рецепту оппозиции более умеренной, «терпеливо ожидать преобразования наших общин, этих искусственно созданных первобытной податной системой подневольно-сословных общин в кооперативные, образуемые по разуму и воле отдельных лиц товарищества, как будто вековое прошлое и неурядица нынешнего внутрен-

него распорядка общины дают на это какую-то надежду»; наконец, не может быть и речи о национализации земли, уничтожении прав собственности и превращении тем самым всей земледельческой России в одну огромную общину. Таким образом, существует только один путь выхода из кризиса, «указываемый всей историей человечества: улучшение приемов хозяйства и устранение условий, тормозящих необходимое приближение земледельца к его земле» [5, с. 4–5]. Решение же этой задачи, по справедливому утверждению Кривошеина, было невозможно без превращения крестьян в реальных собственников.

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что среди представителей праволиберальных взглядов отсутствовало единство мнений по вопросу о том, на какое землевладение следует делать ставку в российских условиях: на среднее, мелкое или же в равной степени поддерживать развитие того и другого. При этом они акцентировали внимание на необходимости поддержки тех землевладельцев, которые наиболее ответственно подходили к управлению своими хозяйствами, внедряли передовые агротехнические приемы и в будущем могли стать примером не только для своих соседей-помещиков, но и для крестьян по мере индивидуализации их хозяйства. В то же время либеральные консерваторы были практически единодушны в том, что крупное землевладение латифундиального типа должно как минимум полностью лишиться государственной поддержки – как, впрочем, и те средние хозяйства, которые основной доход получали от сдачи земли в аренду.

Литература

1. *Беспалов С.В.* Политика экономической модернизации России в дискуссионных конца XIX – начала XX веков. Самара, 2004.
2. *Гурко В.* Отрывочные мысли по аграрному вопросу. СПб., 1906.
3. *Гурко В.И.* Устой народного хозяйства России. СПб., 1902.
4. *Долгоруков П.Д.* Аграрный вопрос с точки зрения крупного землевладения // Аграрный вопрос: Сборник статей. М., 1906. Т. 1.
5. *Кривошеин А.В.* Речь Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием А.В. Кривошеина о Высочайшем Указе 9 ноября 1906 г. СПб., 1908.
6. *Лохтин П.* Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. Итоги к XX веку. СПб., 1901.
7. *Милюков П.Н.* Вторая Дума: Публицистическая хроника. СПб., 1908.
8. *Пестржецкий Д.* Опыт аграрной программы. СПб., 1906

Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны

Статья характеризует роль общины в организации трудовой помощи семьям призванных в годы Первой мировой войны. Автор рассматривает практики общинной взаимопомощи. На основе сопоставления с другими видами трудовой помощи делается вывод о недостаточном уровне общинной солидарности.

Ключевые слова: Первая мировая война; община; толока; семьи мобилизованных.

В годы Первой мировой войны основной формой социальной организации крестьянства оставалась община, получившая в пореформенный период юридическую форму сельского общества. Традиционно общинная организация выполняла в отношении своих членов важнейшие экономические, юридические и социальные функции. Б.Н. Миронов предлагает выделять среди неформализованных и формальных функций общины регулятивные, производственные, финансово-податные, правотворческие, судебные и полицейские, представительские и религиозные, культурно-воспитательные, а также функции социальной защиты. Среди важнейших проявлений солидарности крестьянского коллектива автор называет традицию трудовой взаимопомощи – т.н. «помочи» или «толоку», включая ее в группу социальных функций общины [10, с. 437-439, 457]. Толока представляла собой родственную и соседскую помощь в работах, которые требовали большого количества рабочих рук и были ограничены во времени. Ее устройство регулировалось целой системой норм поведения.

Помочи были многообразны как по форме их организации, так и по видам выполняемых работ. Большинство авторов, касающихся данной тематики, вслед за Д.К. Зелениным подразделяют толоку на три вида: безвозмездная помощь одному из хозяйств в экстренных случаях (падеж рабочего скота, болезнь хозяина, пожар и т.п.); трудовая помощь в обмен на угощение (на рубеже XIX–XX вв. практиковалась зажиточными крестьянами при не-

¹Букалова Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, STL1612@yandex.ru, Россия, г. Орел.

хватке наемных работников) и, наконец, «отработка» – вид толоки, при котором все участники обязаны проделать определенный вид совместных работ (к примеру, рубка капусты или вывоз на поля навоза) [6, с. 362]. Кроме того, посредством системы «помочей» выполнялись работы, необходимые для всего общества (строительство мирских мельниц, церквей, заготовки дров для школ или нетрудоспособных) [16, с. 17]. Практиковалась также общественная запашка, которая устраивалась для заполнения хлебных магазинов, для церковных нужд, для получения средств на мирские расходы: жалование священника, низших должностных лиц, для содержания училища, сирот [1, с. 55].

В любом случае, толока не сводилась к хозяйственно-трудовым процессам, она имела также празднично-ритуальный характер – допускалось ее проведение в воскресные и праздничные дни, работа сопровождалась песнями и завершалась чаще всего совместными трапезами, иногда – танцами, гулянием и катанием по селу. Помочи рассматривались как трудовой праздник, в котором принимало участие все сельское население независимо от социальной принадлежности селянина [19, с. 51].

Значимым является вопрос об организации коллективных работ. С инициативой мог выступить либо сход, принимавший мирской приговор о проведении толоки, либо хозяин, который лично обходил односельчан и приглашал их на совместную работу.

Для понимания сущности толоки важным является аспект обязательности, возмездности и эквивалентности коллективного труда. «...всякий помнит, что и он когда-нибудь сам будет нуждаться в помочи», – писал А.А. Риттих [Цит. по: 1, с. 57]. Совершенно безвозмездные (то есть без неопровержимого угощения) помочи общины отдельному ее члену при особенно неблагоприятных для него обстоятельствах (пожар, болезнь, вдовство) считались по крестьянским этическим нормам наиболее обязательными [2, с. 73]. Обязательным было участие в общественных работах по решению схода. Вопрос об участии в толоке, затеваемой отдельным хозяином без исключительных обстоятельств для решения срочных хозяйственных задач и сопровождавшейся угощением, каждый крестьянин решал для себя и своей семьи сам, и здесь, по наблюдению Д.К. Зеленина, преимущество имели зажиточные хозяева, от которых ожидали богатого угощения. Иногда работников привлекало не только угощение, но также и взаимные обязатель-

ства, связанные с такими услугами [6, с. 362]. Если же крестьянин, получивший помощь, не угощал помочан, тогда он был обязан благодарностью за сделанное ему соседями одолжение явиться по первому их приглашению на помощь к ним, что в таком случае считалось для него обязательным.

Другие помочи, называемые поочередными, являлись формой организации совместного труда, согласно которой пригласивший помогать обязан прийти в свою очередь на помощь к каждому у него работавшему и отработать им по очереди на подобных же помочах. Так, взаимными были отработки помочей в молотьебе, мятье конопли, в вывозке навоза – «навозница». Помочи, как правило, были только женскими (рубка капусты) или исключительно мужскими (строительство дома), «навозница» была смешанной [2, с. 73].

Современные исследователи дают разнообразные оценки данной социальной практике. Она рассматривается как составная черта «этики выживания» традиционного социума, позволявшая крестьянскому коллективу поддерживать относительную независимость от исторической и социальной среды [16, с. 17]; в ней видят действенное проявление в крестьянском общежитии принципов христианской морали, но также – обмен услугами, рассредоточенный во времени и по различным видам деятельности между крестьянскими семьями, когда оказывающий помощь и получающий ее постоянно менялись местами [1, с. 57–58].

По нашему мнению, традиции трудовой взаимопомощи в крестьянском коллективе наиболее полно укладываются в концепцию докапиталистической «престижной экономики», в которой экономическая система была встроена в общественные отношения, формируемые в рамках социальной горизонтальной сети такими формами взаимодействия, как обмен дарами, пиры, праздники. В этой модели славянские помочи являются выражением реципрокных и редистрибутивных социальных связей (*реципрокность* – взаимопомощь, взаимный обмен дарами, услугами; *редистрибуция* – передача части произведенного продукта на общественные нужды).

Реципрокные и редистрибутивные связи служат социальной интеграции общности и вырабатывают определенные стереотипы поведения, которые конструировались в крестьянской культуре как чисто нравственные практики, не имеющие в своей природе мотивов рационального страхования рисков [15, с. 10; 19, с. 49].

Таким образом, разные виды толоки строились на разных основаниях: взаимные отработки и помощь в обмен на угощение воспринимались как обмен услугами, коллективные работы для общественных нужд представляли собой редистрибутивную практику. Несколько особняком стоит экстренная помощь, которая была абсолютно безвозмездной; ее можно оценивать как дар, пожертвование, состоящее из свободного времени и трудовых усилий дарящего. Пожертвование предстает как символическая форма дарообмена, приобретающая в традиционных обществах бескорыстный и обязательный характер. Акт дарения состоит из трех тесно связанных между собой обязанностей, которые неукоснительно выполняются в архаических обществах: дарить, брать и возмещать. Смысл и цель жертвы – служить даром, который будет обязательно возмещен высшими силами [4, с. 96]. Тем самым, безвозмездная помощь также предстает реципрокной практикой, в которой воздаяние перенесено из материалистической плоскости в трансцендентную.

Если предложенная схема верна, то актуальность практик взаимопомощи в первые десятилетия XX в. указывает на присутствие в деревенской жизни весомого элемента докапиталистической «моральной экономики».

Представляется интересным выяснить, какое влияние оказала Первая мировая война на эту сторону общинного быта, что может косвенно свидетельствовать об эволюции функций и роли крестьянской общины в переломный предреволюционный и революционный период российской истории.

Поскольку объявление мобилизации пришлось на время летней страды, уже 25 июля 1914 г. министр внутренних дел телеграммой рекомендовал губернаторам обратить особое внимание на помощь в уборке урожая семьям, главы которых находились на театре военных действий². Новгородский губернатор М.В. Иславин уже 3 августа обратился к местному самоуправлению с предложением обсудить меры помощи семьям мобилизованных [7, с. 127]. В начале сентября на совещании под председательством орловского губернатора были рассмотрены меры трудовой помощи семьям призванных³. Ярославский губернатор пред-

² Гос. архив Орловской обл. (ГАОО). Ф.580, ст.1. Д.613. Л.75.

³ Орловский Вестник. 11 сентября 1914 года.

ложил уездной земской управе помочь семьям запасных «в деле уборки урожая текущего года и обсеменения полей».

Власть решила сделать ставку на стимулирование практики общинной взаимопомощи. Тульским губернатором было обнаружено обращение к волостным старшинам и сельским староста [11, с. 108]. Начальник губернии обращался к доброму сердцу сельчан и просил принять на сходе решение о помощи семьям запасных в уборке полей, вспашке и озимом севе, и вообще в исполнении полевых работ [3].

В свою очередь, некоторые земства, например, Нижегородское и Ростовское уездные, выступили с собственными воззваниями к населению, призывавшими оказывать помощь в проведении полевых работ семьям фронтовиков. Ростовская уездная земская управа в отношении архиепископу Ярославскому и Ростовскому Агафангелу от 7 августа 1914 г. просила содействия духовенства епархии в призвании населения уезда к добровольным работам [17, с. 197].

По сообщениям прессы, широко применялась мирская помощь на Ставрополье: так, крестьяне села Спасского Благодарненского уезда на своем сходе 1 августа постановили, чтобы избранные добросовестные старейшины выяснили нужды семей нижних чинов, призванных на действительную военную службу, в которых некому будет провести сев озимых, вспахать и засеять на средства общества. Если же в этих семьях окажутся и те, у кого нет семян на сев, собрать таковые по селу. В селе Александрия оставалось к 25 августа около 1300 десятин озимой ржи, яровой пшеницы, ячменя и овса, не свезенных с поля. Семьям, лишившимся работников, помогали свозить урожай всем обществом по наряду волостного старшины [5].

В одном из докладов курский губернатор Н.П. Муратов общал о повсеместном оказании бесплатной помощи в полевых работах семьям, «из которых в связи с мобилизацией изъята рабочая сила», в виде уборке урожая хлебов текущего года и «посеве озимых крестьянских полей» [20, с. 170].

Однако, несмотря на то что урожаем 1914 г. был собран во многом благодаря традиционной крестьянской взаимопомощи, ее инициатива зачастую не исходила от деревенского мира, а приходила извне. Например, в Орловской губернии в Малоархангельском уезде уборка хлеба с полей призванных была произведена сельскими обществами по инициативе уездного предводителя дво-

рянства и под наблюдением земских начальников. В Болховском уезде уборка урожая и сев озимых семьям, оставшимся без мужчины, ушедшего на войну, была организована по распоряжению земских начальников. В Севском уезде инициативу организации помощи семьям призванных принял на себя исправник. От своего имени он издал приказ об охране имущества ушедших на войну и помощи их семьям в уборке урожая⁴.

Объективно, больше всего ресурсов для оказания трудовой помощи семьям мобилизованных было в распоряжении уездных земств (их агрономических отделов). Е.М. Петровичева упоминает о циркуляре Министерства внутренних дел в адрес земств, который предписывал последним оказать содействие в уборке хлебов семьям призванных [10, с. 196]. Широко практиковалась бесплатное предоставление от земств семьям призванных сельскохозяйственного инвентаря и машин. Ключевую роль в организации трудовой помощи играли земские агрономы. Они проводили обследования нуждавшихся в поддержке хозяйств и составляли план работ [12, с. 197].

Потребность хозяйств в посевном материале также могла удовлетворяться за счет продовольственных ссуд уездного земства. Согласно Положению МВД от 4 апреля 1916 г., разрешалось предоставление краткосрочных беспроцентных ссуд из губернских и общественных продовольственных капиталов губернским и уездным земствам, сельским обществам и сельским кооперативам для снабжения населения сельскохозяйственными орудиями, семенами и рабочей силой [9, с. 151]. Также земства могли ассигновывать средства, специально предназначенные для организации помощи в уборке полей [12, с. 196]. Так, Ставропольское уездное земское собрание в начале августа 1914 г. ассигновало 75 тыс. руб. (по 500 руб. на волость), предназначенных для необходимой помощи семьям мобилизованных в уборке урожая и севе озимых. Такую же сумму выделили и уездные земства. Вероятно, за счет этих средств предполагался наем работников [18, с. 100].

Упоминавшееся Нижегородское уездное земство предлагало организовывать попечительства о семьях мобилизованных при кредитных кооперативах, которым передавались на льготных условиях земские агрономические капиталы. Совместно с земски-

⁴ ГАОО. Ф.580, ст.1. Д.613. Л. л.85, 89, 95, 170, 176.

ГАОО. Ф.580, ст.1. Д.5962. Л.114.

ми агрономами кооперативы должны были организовывать трудовые артели и давать нуждавшимся хозяевам льготные ссуды для оплаты их труда [17, с. 202]. В некоторых уездах Новгородской губернии кооперативы организовывали трудовую помощь семьям своих членов, ушедших на фронт, в которой принимал участие и агрономический персонал земств [7, с. 131]. Курский губернатор также сообщал об организации в уборочную кампанию 1914 г. о «бескорыстном предоставлении местными кооперативами молотилок, веялок и сеялок». С 1915 г. земство стало оплачивать аренду сельхозмашин [20, с. 197].

При объявлении мобилизации местным чинам Главного управления землеустройства и земледелия было поручено оказывать семьям запасных помощь в полевых работах, используя для этой цели инвентарь прокатных пунктов и станций, зерноочистительных обозов, организуя передвижные отряд [11, с. 110].

В годы Первой мировой войны семьи призванных в армию впервые получили право на государственное пособие согласно закону о призрении нижних воинских чинов и их семейств 1912 г. Однако пособие, ориентированное на удовлетворение базовых жизненных потребностей, не охватывало весь круг нужд солдатских семей. Дополнительные формы поддержки семей мобилизованных в основном сосредоточились в структурах Елизаветинского комитета (комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну). Принцип, которым следовало руководствоваться при выборе средств оказания помощи семьям мобилизованных, было поддержание среди крестьянского населения «сельскохозяйственного благосостояния». Под этим лозунгом на средства Елизаветинского комитета и при непосредственном участии уездных земств оказывалась агрономическая и трудовая помощь, устраивались ясли для крестьянских детей. Так, расходы Курского губернского отделения Елизаветинского комитета с августа 1914 г. по 1 мая 1915 г. на оказание агрономической помощи составили 2089,5 руб. [20, с. 157].

С первых месяцев войны повсеместно зарождается движение трудовых дружин учащихся (гимназистов, семинаристов), действовавших под патронатом Елизаветинского комитета. Городская молодежь при поддержке земских агрономов пыталась помочь крестьянским семьям в полевых работах.

Включились в создававшуюся систему социальной поддержки семей мобилизованных и служители Русской православной церкви. Определение Святейшего Синода от 20 июля 1914 г. впервые вводило в круг обязанностей духовенства заботу о семьях лиц, призванных в войска. Предписывалось образовать в каждом приходе особые Попечительные советы. Советы были обязаны вести списки мобилизованных, выяснять материальное положение их семей и вырабатывать меры помощи нуждающимся [13, с. 21, 25–28]. Приходские Советы собирали и раздавали деньги, продукты, вещи, зерно, доставляли дрова, уголь, чинили постройки. Особенно ценной была помощь по уборке и засеву полей семьям, чьи кормильцы были на фронте. Так, в селе Бурлацком (Ставропольская губерния) инициативу по мобилизации сил на помощь семьям призванных взял на себя священник: в своей проповеди он призвал «помочь осиротелым семьям мобилизованных односельцев убрать и свезти оставшийся на их полях хлеб» [5]. Кроме того, для присмотра и ухода за детьми во время уборочной страды Попечительными советами устраивались временные детские приюты и ясли [22].

Таким образом, разнообразные формы поддержки семей мобилизованных, возникшие почти одновременно с началом войны, были направлены прежде всего на компенсацию дефицита рабочей силы в крестьянском хозяйстве, что указывает на недостаточность практик общинной взаимопомощи.

В Оренбургской губернии по инициативе Елизаветинского комитета в начале 1915 г. состоялось совместное заседание членов Комитета и представителей губернского присутствия. Собрание постановило оказать помощь каждой нуждавшейся семье в обработке не более одной десятины земли и предписало агрономическим комиссиям составить план оказания помощи по подготовке паров, уборке урожая, осенней запашке полей [14, с. 112].

Накануне весеннего сева 1915 г. ГУЗиЗ также озаботилось вопросами трудовой помощи крестьянству. Было признано желательным «проведение полевых работ по примеру осенней кампании». Перед началом посевной кампании ГУЗиЗ разослало по сельским местностям земледельческих губерний опросные листы. Целью их было выяснить, сможет ли местное население при весенних работах обойтись собственными силами не только для выполнения своих работ, но и для оказания помощи семьям, «члены которых призваны в ряды действующей армии» [21, с. 95].

Летом 1915 г. Курское губернское отделение Елизаветинского комитета просило уездные комиссии предоставить предложения «о расширении своей деятельности путем принятия забот, связанных с оказанием помощи семьям убитых и увечных воинов». Дмитриевское уездное отделение рекомендовало обязать сельские общества оказывать помощь семьям убитых и увечных воинов во время проведения полевых работ и назначить земских начальников ответственными за реализацию этих мер [20, с. 166, 169]. По сообщениям в Елизаветинский комитет, осенью 1915 г. сельскохозяйственная помощь существенно сократилась; нередко требовалась оплата такого труда [11, с. 114].

Именно власти пришлось изыскивать дополнительные резервы рабочей силы для покрытия выбытия рабочих рук из аграрного сектора. Не случайно в начале февраля 1915 г. появились «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», которые предполагали направление контингента военнопленных от военного ведомства земству и дальнейшее перераспределение их последним между нуждавшимися хозяйствами. Однако требования к материальному обеспечению, а главное, охране пленных не соответствовали реалиям крестьянского хозяйства. Так, в Курской губернии Львовский уездный воинский начальник доносил в жандармерию о фактах передачи земством военнопленных-одиночек в крестьянские семьи, главы которых призваны по мобилизации, что являлось грубейшим нарушением действующих правил. В свою очередь, земская управа требовала указать ей на «закон или соответствующее распоряжение правительства», запрещающее подобное. Губернатор Н.П. Муратов требовал, чтобы в уездах «не отступали от казарменного режима и правил окарауливания пленных». Например, в июле 1915 г. на поле крестьянина села Волотово Старооскольского уезда трудились двое военнопленных под надзором урядника и участкового стражника [20, с. 173]. В итоге использование труда пленных крестьянами не получило большого распространения, да и сами воины были против того, чтобы плененный враг проживал в их родном доме в их отсутствие.

Не оправдали ожиданий и меры по привлечению к сельскохозяйственным работам 1916 г. беженцев, ввиду их сосредоточения в городах, а также половозрастного состава этой категории населения.

Попытки государственных и окологосударственных (Елизаветинский комитет) структур заместить отток рабочей силы из деревни внешними источниками, регламентировав ее использование в крестьянском хозяйстве (установление расценок на труд, продолжительности рабочего дня) свидетельствуют о деградации общинной солидарности накануне революции прежде всего под влиянием товарно-денежных отношений, несмотря на то, что теоретически экстремальные условия должны повышать уровень сплоченности и взаимовыручки в коллективе [1, с. 58].

Традиционная автономность крестьянской общины все больше размывалась и крестьянский мир все шире вовлекался в сферу государственной политики.

В годы войны власть принимала энергичные меры по инициированию общинной помощи семьям призванных, не понимая своеобразного социокультурного характера этих практик. Толока была ориентирована не столько на сохранение производительных сил отдельного хозяйства, сколько на социальную интеграцию крестьянского коллектива. Ослабление практик взаимопомощи указывает на эрозию общинных отношений в ходе смены модели «моральной экономики» рациональной рыночной моделью. С течением времени, с развитием товарно-денежных отношений и имущественного расслоения внутри крестьянской общины, рациональные резоны стали преобладать все сильнее, заменяя толоку практикой найма рабочих и работой по найму. Вздорожание рабочей силы в годы войны привело к тому, что оставшимся мужчинам и даже женщинам было выгоднее работать по найму, нежели бескорыстно помогать соседу.

Как представляется, отток рабочих рук вследствие продолжавшихся мобилизаций является вторичным фактором; его масштаб и динамику в условиях аграрного перенаселения еще предстоит оценить. П.С. Кабытов оценивает аграрное перенаселение в 9–12 млн чел. [8, с. 17]; тогда как за все время войны было мобилизовано чуть менее 15,5 млн нижних чинов, в том числе и из городов.

В то же самое время община проявила деятельную солидарность в вопросе сохранения коллективного землевладения, добившись прекращения землеустроительных работ и выделения единоличников. После распада существовавших властных институтов и развития масштабного экономического кризиса, последовавших за

Февральской революцией, свершился настоящий «общинный ренессанс».

Литература

1. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). Москва-Тамбов, 2004.
2. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991.
3. *Гусев С.* Первая мировая: война началась. URL: <https://myslo.ru/city/tula/places2/pervaya-mirovaya-voyna-nachalas>.
4. *Ерискина Н.В.* Подарок, дар в системе культуры (на примере культуры коренных народов Камчатки) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2003 № 2. С. 92–96.
5. *Забелин В.М.* Мирская помощь в Благодарненском уезде Ставропольской губернии в условиях начавшейся Первой мировой войны // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 56–60. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970026.htm>.
6. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991.
7. *Зигель И.А.* Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой Мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2003.
8. *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Учебное пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. Самара, 1999.
9. *Карманов Д.К.* Воронежское земство: 1914-1918. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2002.
10. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т.1. СПб. 2003
11. *Оськин М.В.* Поддержка беднейших слоев населения центральной России в годы Первой мировой войны (1914-1916) (на примере Елизаветинского комитета) // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2018. № 80 С. 107–120.
12. *Петровичева Е.М.* Земское самоуправление Центральной России в 1906–1918 гг.: эволюция на последних этапах деятельности. М., 2003.
13. *Рункевич С.Г.* Великая Отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоряжения и действия Святейшего синода в 1914-1915гг.: Исторические очерки доктора церковной истории С.Г. Рункевича. Пг., 1916.
14. *Рязанский И.В.* Тыловая провинция в условиях Первой мировой войны: Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 года. Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006.
15. *Согомонов А.Ю.* «Революция притязаний» на стыке «простой» и «высокой» современности. URL: ecsocman.hse.ru/data/303.../revolucia_pritazanij.doc.
16. *Соловьев В.Ю.* Особенности мировоззрения и хозяйственный уклад русских крестьян в пореформенный период XIX – начала XX вв. (на материалах губерний Поволжья) // Российский крестьянин в годы войн и в

- мирные годы (XVIII – XX вв.): сборник трудов участников научной конференции (Тамбов, 10 июня 2010 г.). Тамбов, 2010. С. 15–23.
17. *Степанов К.А.* Деятельность Ростовского земства по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в истории России: к 150-летию земской реформы : Материалы Международной научно-практической конференции. М., СПб., 2015. С. 195–202.
 18. *Судацков Н.Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М., Ставрополь, 2001.
 19. *Фирсов М.В.* История социальной работы в России: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1999.
 20. *Чубаров А.И.* Социальная опека солдатских семей и пострадавших военнослужащих России в войнах конца XIX – начала XX веков на типичном примере Курской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2016.
 21. *Шевелева О.В.* Применение труда военнопленных и беженцев в сельском хозяйстве в годы I мировой войны (по материалам Тульской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008, № 2 (42). С.95–99.
 22. *Щеглов Г.Э.* Церковь и Первая мировая война // Ступени. 2005. №1(17). URL:<http://minds.by/zhurnal-stupeni/arhiv-nomerov-za-2005-god/stupeni-1-17-60-let-mira-pamyat-pobedy/tserkov-i-pervaya-mirovaya-vojna#.WV0rQITyjs>

Крестьянское землевладение в Орловской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Статья посвящена изменениям в структуре крестьянского землевладения в аграрных регионах Российской империи на примере Орловской губернии. Особое внимание уделяется проблемам, существовавшим в крестьянском хозяйстве на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Орловская губерния; крестьянство; землевладение; аграрная политика.

На рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство губерний аграрного центра России впало в полосу затяжного кризиса, принявшего черты хронического явления. Эта тема довольно подробно освещена в отечественной исторической науке, а за десятилетия исследований было выпущено немало трудов, хотя и ощущается недостаточная изученность микроисторических сюжетов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7, 8, 9].

К концу XIX – началу XX столетия уровень распашки территории Орловской губернии приблизился к 84 %. Среди губерний аграрного пояса Центральной России этот показатель был выше только в Курской губернии – 88 % [8, с. 82]. Земельная площадь Орловской губернии согласно сведениям ЦСК в 1905 г. составляла 4010900 дес. земли, из них наделной крестьянской земли – 2009101 дес. Размеры крестьянского общинного землевладения за пореформенные десятилетия в аграрном центре существенно увеличились, при этом душевое земельное обеспечение сократилось из-за роста населения в среднем по стране почти в 2 раза (с 4,8 до 2,6 дес.) [4, с. 84]. В Орловской губернии с 1877 г. по 1905 г. фонд крестьянских наделных земель вырос со 100 тыс. дес. до 196 тыс. или в 1,96 раза². При этом у разных категорий крестьян за исследуемый период земельный надел на один крестьянский двор существенно сократился: у бывших владельческих крестьян в среднем с 8,3 до 5,9 дес., у государственных – с 11,6 до 8,3 дес.³

Ускоренный прирост числа жителей в начале XX в., вызван-

¹ Жиров Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, zhirov-nikolai@mail.ru, Россия, г.Елец

² Статистика землевладения 1905 года. Орловская губерния. СПб., 1906. С.39

³ Статистика землевладения 1905 года: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. XXIX.

ный демографическим бумом, усложнял и так непростое социально-экономическое положение сельского населения. В той же Орловской губернии, как одной из наиболее густонаселенных аграрных областей Центральной России (49,5 чел. на кв. версту)⁴, с ее 2 млн жителей естественный прирост ежегодно составлял от 35 до 45 тыс. человек (с 1900 по 1913 гг. население увеличилось на 19%).

Численность жителей стала постепенно превышать необходимое количество земли для ведения продуктивного хозяйства. Возрастающая демографическая нагрузка при сохранении патриархальной формы организации аграрного производства породила так называемый демоэкологический кризис для сельских территорий Центральной России [1, с. 48-70].

Сокращение земельного надела на крестьянский двор не отражало реальной картины землевладения в губернии, так как за последние десятилетия XIX в. усилилось имущественное расслоение деревни в сторону роста малоземельных крестьян (менее 5 дес. земли на двор) и середняков (5–10 дес. на двор). Среди крестьян первой группы (так называемых «малоземельных») в среднем на 1 двор приходилось около 3,8 дес. земли. Большинство крестьян этой категории проживало в Елецком и Ливенском уездах⁵.

В центральных уездах губернии наметились деградация севооборота и вынужденный переход крестьян от трехполья к двуполью, а у самых бедных слоев – даже к однополью, что было следствием острой нехватки пахотных угодий. Главная причина крылась в чересполосице крестьянских наделов. Надел состоял из множества полос земли, ширина которых могла доходить всего до нескольких аршин⁶ земли, а длина – в несколько верст. Качественная и своевременная обработка земли в таких условиях была затруднительна, а частые переделы (как внутриобщинные, так и семейные) ставили под сомнение целесообразность интенсификации ведения хозяйства, например, внесения удобрений.

Крестьяне хорошо понимали, что такое землепользование приведет к быстрому истощению почв. Вследствие примитивного земледелия, почти лишённого элементарной агротехники, в Орловской губернии происходило сокращение фонда плодородных пахот-

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Издание ЦСК. XXIX. Орловская губерния / Под ред. Н.А.Тройницкого. СПб, 1904. С.7

⁵ Статистика землевладения 1905 года. Орловская губерния. СПб., 1906. С.53

⁶ Аршин – мера длины 0,7 м.

ных земель. Начался быстрый рост оврагов, деградация почв. Это еще более усиливало малоземелье, в сельскохозяйственный оборот вводились земли на месте вырубленных лесов, осушенных болот, выгонов и сенокосов, на склонах балок и в речных долинах. Из-за этого с 1906 по 1911 гг. площадь, занятая под посевами в губернии, уменьшилась на 9,9% [3, с. 102]. За 1877-1905 гг. урожайность озимых хлебов в Орловской губернии выросла на 5%, в основном за счет успехов владельческих экономий, а не улучшения крестьянских хозяйств.

Увеличение товарности сельского хозяйства было одним из приоритетов местных властей, но для этого требовалось принять кардинальные меры: организовать агрономическую помощь крестьянам семенами, удобрениями, орудиями труда и практическими советами по севообороту. Главным препятствием в этом была нехватка денежных средств для поддержки хуторских хозяйств. В качестве примера можно привести выдержки из копии совещания уездной землеустроительной комиссии об агрономической помощи крестьянам Ливенского уезда (хуторским и отрубным хозяйствам). «... Переход от трехполья к более культурной системе хозяйствования хотя и желателен, но требует денежных затрат, крайне туго возвращаемых в сельские хозяйства, вследствие чего доступно лишь экономически сильным хозяйствам. Число таких хозяйств среди новоселов (хуторян) как раньше, так и в будущем будет невелико, так как земля дается только нуждающимся – т.е. малоземельным, а потому среди них нет зажиточных. Принимая в соображение эти неблагоприятные условия для усиления хозяйств, а также незначительность средств, имеющихся в Ливенской уездной землеустроительной комиссии выделить только средства на приобретение удобрений»⁷.

В документе речь идет о бывшем имении Великого князя Андрея Владимировича в с. Захаровка Ливенского уезда Орловской губернии. Территория имения была разделена на хуторские хозяйства. Представители земства неоднократно вели беседы с местными крестьянами об улучшении землепользования, ведении правильного севооборота и посева кормовых растений. Хуторяне охотно соглашались на преобразования, но просили государственной поддержки. В итоге весной 1908 г. было заложено несколько показательных участков с посевом вики с овсом, клевера, а осенью под рожь было

⁷ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф.34. Оп.1. Д.43. Л.4

внесено удобрение «Томас-Шлак». Разумеется, найденных средств на 5 образцовых хуторов было явно недостаточно.

В отчетах местной политической и общей полиции с конца XIX в. стала фигурировать тема кризиса крестьянского землевладения и ухудшения экономического положения сельских жителей. «Ощущаемое малоземелье, разные экономические условия и недостаточность в местных заработках» заставляли многих крестьян искать работу вне Елецкого уезда. Экономическое положение крестьян, особенно в неурожайный год, было плачевным. Например, урожай 1898 г. при недороде овса, который, как правило, у крестьян шел на продажу, не мог «улучшить подорванное прежде крестьянское хозяйство и вообще экономическое положение, тем более, что последнее зиждется в Елецком уезде почти на одном хлебопашестве»⁸. В 1901 г. из 38 тыс. домохозяев Ливенского уезда у 10600 согласно конской переписи не было рабочих лошадей. «Дробление земли, прирост населения, низкие закупочные цены на продукты сельского хозяйства в урожайные годы и частые неурожаи стали привычным явлением в жизни уезда»⁹.

Процесс урбанизации в губернии имел локальный характер, промышленное производство даже накануне Первой мировой войны находилось на низком уровне, кроме Брянского уезда. Пример брянских и соседних с ними калужских крестьян показывал, что сельское хозяйство, развитие мелкого промысла не могло в корне изменить ситуации. Переселение в Сибирь было затратным и не всегда вело к появлению высокотоварного сельскохозяйственного производства за Уралом. Губернский центр не мог впитать в себя весь избыток рабочей силы из деревни, а значит, даже крестьяне Орловского уезда не всегда могли позволить себе изменить свой традиционный способ заработка. Кустарные и отхожие промыслы могли повлиять на ситуацию, но масштабная продажа частновладельческой земли тормозила процесс модернизации производства и товарно-денежных отношений в деревне. Во многих других уездах губернии ситуация была более сложной по сравнению с Орловским уездом.

Губернская комиссия считала, что норма для любого уезда должна быть единой, так как земля будет везде разная даже в пределах единого селения. Будучи убежденной, что никакая культура и ведение интенсивного хозяйства немислимо при мирском земле-

⁸ ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 54. Л. 8.

⁹ Там же. Ф. 580. Ст. 2. Д. 2847. Л. 5.

пользовании, нужно было установить норму для каждого отдельного двора. Владеющая им семья могла бы осилить обработку распашных владений и сенокосов самостоятельными силами домохозяев. Рабочая семья при нормальном своем составе была способна в год обрабатывать земли больше, чем ей требовалось для собственного пропитания.

Для примера были приведены нормы землепользования в Западной Европе. «Эта норма разнообразна: в местности, где культура требует усиленной обработки эта норма низка – в Бадене и Баварии от 2,5 до 3,5 дес.; в Австрии от 2,5 до 5 дес.; в Венгрии 6,5 дес., в Веймар – 9 дес. В местностях, где сельскохозяйственные культуры были те же, что и в России – рожь, овес, ячмень, картофель – земельная норма колебалась от 10 до 15 дес.: в Германии от 10 до 14 дес., в Шотландии и Ирландии от 12 до 15 дес.»¹⁰.

Землеустроительной комиссией Дмитровского уезда Орловской губернии была выработана наиболее приемлемая для губернии средняя норма для правильного ведения самостоятельного хозяйства у крестьян. В расчет принималось, что на 1 двор приходилось около 1,5 муж. душ рабочего возраста. В черноземной полосе при продолжительности рабочего времени в 6 месяцев, один средней силы рабочий мог возделывать лугов и пашни – 10 дес. земли, а на двор – 15 дес. Выводы комиссии в итоге были удручающими. «Для благосостояния семьи и ведения правильного самостоятельного хозяйства следует определить норму в 15 десятин, то для существующих в уезде 23777 дворов потребуется 356655 дес., а их в уезде всего 268323. Из этого следует, что для удовлетворения крестьян землею не хватит площади всего уезда. Земли нет для 9451 двора, которые стоит переселить из уезда»¹¹.

Таким образом, губернская комиссия, опираясь на европейский опыт, ориентируясь на зернопроизводящую направленность крестьянского хозяйства Центрального Черноземья, посчитала, что размер душевого надела должен быть не менее 10 дес. на мужчину.

Вопрос о норме земельного надела для ведения продуктивного крестьянского хозяйства неоднократно поднимался в отечественной историографии. В целом для черноземной полосы эта цифра не должна была опускаться ниже 8,5 дес. (согласно подсчетам В.Г. Тюкавкина) или, как считал А.М. Анфимов, должна была нахо-

¹⁰ ГАОО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 9.

даться в пределах от 10 до 15 дес. [2, с. 107]. Эти средние цифры относились к крестьянским хозяйствам, члены которых не были заняты промысловой деятельностью или иными видами заработка.

Кризис аграрного производства в центрально-черноземных губерниях Российской империи в первую очередь был связан с особенностями крестьянского землевладения, существовавшими до столыпинских преобразований: общинная чересполосица, частые семейные переделы, отсутствие новых приемов в земледелии и т.д. Решением проблемы могла стать аграрная реформа, начатая в 1906 г., но только при условии должного финансирования и всемерного содействия государства в ее реализации. Реформа так и не была доведена до конца, что, в итоге привело в октябре 1917 г. к более радикальному способу решения земельного вопроса в России.

Литература

1. *Акользина М.К., Канищев В.В.* Изменения демографической нагрузки сельского населения Тамбовского региона на природные ресурсы в первой трети XX в. (локальный и микроуровни) // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Б. Жиромская, В.В. Канищев. – М., Тамбов, 2010. С. 48-70.
2. *Александров Н.М.* Сколько крестьянину надо земли? (к вопросу о норме крестьянского надела в пореформенной России) // Российская история. 2012. № 5. С. 100-109.
3. *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). М., 2003.
4. *Карпачёв М.Д.* Феномен крестьянского консерватизма в России (к вопросу о социальных истоках революции) // В эпоху перемен: бунт, восстание и революция в XVII – начале XX вв. в российской провинции: материалы Всеросс. науч. конф. (21-23 сентября 2017 г., г.Елец). Елец, 2017. С.81-89.
5. *Ковалева Н.А.* Позиция украинских делегатов съездов партии Народной свободы по крестьянскому вопросу (1906-1916 гг.) // История: факты и символы. 2016. № 2. С. 93-100.
6. *Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б.* Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России во второй половине XIX века. М., 1974.
7. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
8. *Перепелицын А.В.* Крестьянское хозяйство центрально-черноземных губерний в пореформенный период. Воронеж, 2005.
9. *Слепнёв И.Н.* Об интенсификации традиционной практики земледелия в Центрально-Черноземном регионе // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Орел, 2006. С.264-272

Распространение сектантства среди крестьянства Черноземного Центра России во второй половине XIX в.

В статье проанализированы внешние и внутренние причины распространения сектантства в крестьянской среде. Рассмотрены основные секты Черноземного Центра России.

Ключевые слова: внешняя сторона православия; религиозные проповедники; поиск справедливости; влияние отхожих промыслов; привлекательность сект.

По итогам первой всеобщей переписи населения 1897 г. в России крестьяне составляли 77,5 % населения империи. Основной религией государства оставалось православие, которое исповедовало 69,9 %². Однако наравне с православием в великорусской деревне распространялись сектантские идеи. Сектантство, по мнению Н.М. Никольского, с которым можно согласиться, «было крестьянским делом; оно с самого начала углубилось в вопрос о *содержании веры* и только впоследствии стало создавать организацию, которая нигде не достигла формы церковной организации» [8, с. 243].

В отечественной историографии вопросами сектантства занимались два крупных исследователя: в дореволюционной историографии – А.С. Пругавин [10; 11], в советской историографии – А.И. Клибанов [4; 5]. Однако в их работах даны, в большей степени, общие характеристики сектантства, и совсем мало уделено внимание причинам возникновения сект и распространения сектантства. Задача состоит в изучении этих «белых пятен».

К концу XIX в. ситуация в великорусской православной деревне была такова. Как и прежде, крестьяне посещали церковь по религиозным праздникам, ходили на богомолье (чаще по обету или из-за какого-либо серьезного недуга), соблюдали посты, помогали нищим и обездоленным и т.д. Тесными взаимоотношения у крестьян были со священниками, которые выполняли в сельском приходе основные таинства: крещение, причастие, исповедь. За

¹ Свиридов Илья Сергеевич, методист Музея истории России, Липецкая обл., ilya.sviridov.1992@mail.ru, Россия, г. Чаплыгин.

² Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Общий свод. СПб., 1903. С. 1.

совершение этих таинств священник брал с прихожан деньги и здесь, на наш взгляд, кроется одна из причин недоверия крестьян и последующего увлечения идеями сектантов. Известный врач Д.Н. Жбанков, анализируя санитарное состояние с. Большое Пронского уезда Рязанской губернии в конце XIX в., посчитал, что «расход на одного сельского священника в год составляет 814 р. 42 к., куда входят не только плата за требы, но и хождение по дворам с образами, заговенье и пр. Из этой суммы каждый крестьянин платил за крещение около 1 руб., за брак – 7–9 руб. (вместе с угощением более 10 руб.), за панихиду маленького мальчика – 40 коп., большого – более 2 р. 30 коп. и т.д.» [1, с. 20].

Споры о характере православия крестьян, не умолкающие до сих пор, появились еще в исследованиях изучаемого времени. Обобщая мнения современников об этом, Н.Л. Петерсон писал, что «за внешнюю сторону религии он (крестьянин – *И.С.*) держится крепко, не допуская от нее отступлений ни для себя, часто в ущерб своим интересам (напр., считая грехом работать в пришедший на страдную пору праздник), ни для других...» [9, с. 10].

Его современник, англичанин М. Уоллес, побывавший в 1870–1875 гг. в центральных российских губерниях, отмечал, что «простой народ всюду и всегда склонен смотреть на религию как на ряд таинственных обрядов, имеющих сокровенную силу предупреждать бедствия в этой жизни и подготавливать блаженство в будущей жизни». «Они, – писал Уоллес о крестьянах, – совсем не знают религиозных доктрин, и мало знакомы или почти не знакомы со священным писанием»³.

О том же упоминал известный мыслитель и журналист М.Н. Катков, ссылаясь на статью французского писателя и историка А. Леруа-Больё, изучавшего религиозность русского народа: «Плохо понимая богословские учения, мужик понимает учение и заповеди Христа; своим сердцем он чувствует дух этого учения. У него душа христианская. Из-под примеси суеверия и ржавчины сект просвечивает евангельское золото». Помимо этого, «одной из приманок, увлекающих русский народ в разные секты, бывает желание пострадать за истину, жажда гонений и мученичества» [3, с. 484].

О преобладании внешней стороны православия над ее внутренней или состоянием духа писали и сами сельские священно-

³ Уоллес М. Россия: пер. с англ.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1880. С. 75, 77.

служители. Так, священник Тихон Скворцов из Данковского уезда Рязанской губернии, прослуживший 26 лет в роли миссионера, заметил, что «истины православной веры народ знает смутно, поверхностно, далеко недостаточно, а в глухих деревнях – совсем не значительно. Со священными книгами нашей спасительной веры народ незнаком. А раз столь высокой цены своей православной веры народ не знает, то и легко ее может променять на веру сектантскую, лишь бы только нашелся самозванный проповедник»⁴. Другой точки зрения, с которой можно согласиться, придерживался А.С. Пругавин, утверждавший, что «Евангелие на русском языке проникло в очень многие глухие деревни и села, оно сделалось доступным мужику. Под влиянием чтения этого евангелия мысль крестьянина всколыхнулась. Мало-помалу, она начала работать над вопросами нравственного, религиозного и общественного характера...» [11, с. 246].

Причиной распространения сектантства являлось влияние на православных крестьян религиозных проповедников, которые по своему трактовали книги Священного Писания, и в частности, евангелия. Одним из видных проповедников конца XIX в. считался отставной гвардии полковник В.А. Пашков, основавший движение евангельских христиан (пашковцев). Пашков активно занимался филантропической деятельностью, организовал в 1876 г. «Общество поощрения духовно-нравственного чтения» с целью распространения сочинений духовно-нравственного содержания. По отзыву современника, «г. Пашков пользуется большею известностью среди нашего сектантского населения. Этому главным образом содействует рассылка им повсюду разных книжек, вроде «Любимых стихов» и т.п., затем публичность его бесед» [10, с. 261].

Несомненно, что деятельность Пашкова находила положительный отклик у православных крестьян, поскольку «в народном уме существует, наряду с глубоко религиозной потребностью, вера в таинственный смысл буквы Священного Писания»⁵. Между тем, «Пашков есть самочинный проповедник и подходит к народу с выдерганными текстами Священного Писания. Тем он и опасен, что народ вначале слушает речи бессознательно о божественном,

⁴ Доклад Данковского уездного миссионера священника Тихона Скворцова «О неотложной необходимости открытия в г. Данкове духовной книжной лавки для религиозно-нравственного просвещения народа» // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 10. С. 291.

⁵ РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 4.

не давая себе отчета в том, как это учение относится к церкви, а когда наслушается и примет в душу, то, что натолковано ему с текстами, вдруг объявится толком, отчужденным от церкви и враждебным ей»⁶.

Кроме того, было еще одно обстоятельство, негативно влияющее на взаимоотношения сельских пастырей и их прихожан. Речь идет о самом ведении церковной службы священниками в начале XX в. «Все обязанности священника замыкаются в тесном формализме: он механически отслужит обедню, заутреню, молебен, панихиду, также механически исполнит требу, возьмет из рук в руки деньги, и затем все пастырские обязанности служения окончены» [11, с. 61] – отмечал А.С. Пругавин. И это явление церковно-приходской жизни, признаваемое самими священнослужителями, вело к появлению в умах крестьян недоверия по отношению к своим сельским пастырям.

Конечно, из среды сельских священников были и высокообразованные люди, которых крестьяне ценили и уважали. Однако, по мнению Т.Г. Леонтьевой, с которой можно частично согласиться, «пороки тех, кто пренебрегал своей пастырской репутацией и нарушал обязательные нормы поведения (попы-пьяницы, вымогатели), все чаще экстраполировались на все духовенство, что существенно понижало его статус в глазах крестьян» [7, с. 98].

Все же главным для крестьян всегда оставалось понятие о справедливости. Разделяя отношение к священникам и отношение к вере, крестьяне начинали самостоятельно размышлять о сущности религии. Такие размышления чаще всего являлись причиной оставления крестьянами православной веры и приводили к поиску чего-то нового, более истинного, (но что более важно – по собственному мнению землепашцев) *справедливого!*

Особенно ярко сектантство проявилось на территории Тамбовской епархии. Оно было представлено двумя разновидностями – рационалистическим (молоканство, штундо-баптизм) и мистическим (скопчество, хлыстовство). Так, крестьянин-портной С.М. Уклеин из с. Уварово Борисоглебского уезда стал основателем молоканства-уклеинства, распространившегося к концу XIX в. в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губернии, а крестьянин

⁶ Там же.

А. Копылов и крестьянка Черносвитова из села Перевязово насадили в Кирсановском уезде хлыстовскую секту [2, с. 13].

Оказало влияние на великорусскую деревню и религиозно-философское учение Л.Н. Толстого, основные догматы которого содержались в произведениях «Исповедь» (1884) и «В чем моя вера?» (1884). Суть своих воззрений Л.Н. Толстой сводил к принципу «не противься злу насиліем», который он понимал следующим образом: «Не противься злomu – значит, не противься злomu никогда, то есть никогда не делай насилия. И если тебя при этом обидят, то перенеси обиду и все-таки не делай насилия над другим»⁷. Главными составляющими данного принципа были: отказ от воинской повинности, отказ от судебной практики (в судах – *И.С.*) и неповиновение представителям верховной власти, если их действия противоречат нормам обычного права крестьянства, что не распространялось, однако, на взаимоотношения крестьян со своими выборными руководителями (сельскими старостами и волостными старшинами). Виднейшими представителями толстовства на рубеже XIX–XX вв. были два грамотных крестьянина – С.Т. Семенов (Московская губерния) и М.А. Новиков (Тульской губернии).

Отношение православного крестьянства к крестьянам-сектантам было двойственным (как отрицательным, так и положительным). В том случае, если православные тесно контактировали с сектантами, то чаще всего либо сочувствовали им, либо оставляя православие, переходили в сектантство. Так, две молоканские общины сел Жабино и Климово Раненбургского уезда Рязанской губернии, «отрицающие иконы», «почитающие Библию не более как сводом законов», «не пьющие вина и не курящие табака», одним словом, ведущие аскетический образ жизни, приглашали православных крестьян на свои богослужения, на которых старались заинтересовать православных идеями собственного вероучения.

Оказывал на православных крестьян сильное влияние и сам образ жизни молоканского священника, который «ничего не требовал за отправление своих обязанностей, крестьянствовал наравне со всеми, а между тем, знал писание не хуже православного попа»⁸. В связи с этим, по замечанию современника, исследовавшего взаимо-

⁷ Толстой Л.Н. В чем моя вера? Л., 1991. С. 130.

⁸ Григорьев В.Н. Молокане Раненбургского уезда // Русская мысль. 1884. Кн. 7. С. 45.

отношения православных и сектантов, «многие православные тайне предпочитали молоканство православию»⁹.

Наблюдая за крестьянской жизнью, корреспонденты тенишевского этнографического общества отмечали что «среди православных много есть колеблющихся, у которых бродячая религиозная мысль не находит ответа в обществе своих единоверцев, а, привлекаемая убежденными проповедями сектантов – односельчан, а главное, примером их трудовой, дружной и трезвой жизни, основанной на началах взаимопомощи, обращается к сектантству»¹⁰.

Еще одной важной причиной распространения сектантских идей среди крестьянства являлось влияние отхожих промыслов. Анализируя состояние православной веры русского народа, данковский миссионер писал: «Молодое поколение наших сел и деревень, побывав на заработках в наших столицах и городах, не говоря уже о шахтах, особенно растлевающих простой народ, вытеснило патриархальную простоту из тихой, скромной деревни, и из столиц, этих очагов сектантства, бурными потоками направляется сектантство в наши села и деревни»¹¹.

Действительно, многие крестьяне, побывавшие в городах, возвращаясь в деревню, несли совершенно иные религиозные идеи, в корне отличающиеся от устоявшихся сельских православных традиций: «Сектанты, отправляясь в Петербург на заработки, или по торговым делам, обыкновенно считают своею обязанностью побывать на проповеди Пашкова» [11, с. 261]. Так, в с. Рязна Моршанского уезда Тамбовской губернии появилась секта пашковцев, которую основали возвратившиеся с заработков из Москвы крестьяне-отходники. А среди молодежи с. Рождественские Подворки Тамбовского уезда распространилось толстовство, причиной появления которого стало возвращение в деревню с военной службы отставного крестьянина Г. Толмачева [12, с. 28-31].

Во второй половине XIX в. в Центральной России получает развитие хлыстовская секта и штундизм. Этому способствовали разбросанность и чрезмерная величина некоторых приходов Курской епархии, отдаленность от приходского храма хуторов и деревень, невысокий уровень жизни приходского духовенства и низкий

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Архивохранилище Российского этнографического музея (АРЭМ). Ф. 7. Оп. 2. Д. 1447. Л. 5–6.

¹¹ Доклад Данковского уездного миссионера... С. 355.

моральный облик его представителей. Штундизм привлекал людей, выбитых различными обстоятельствами из жизненной колеи, надломленных житейскими бурями. [6, с. 3-4, 13].

Помимо влияния сектантства на православие, сами секты часто взаимодействовали между собой. Так, молокане получали «от Пашкова брошюры религиозно-мистического содержания». Знакомство с ними формировало у молокан равнодушие к греху¹².

Численность сектантов в статистических отчетах была, как правило, представлена специальной графой, называвшейся «старобрядцы и уклоняющиеся от православия». К концу XIX в. старообрядцев вместе с сектантами насчитывалось в Тамбовской губернии – 0,6 %¹³; в Рязанской – 1 %¹⁴; в Орловской – 0,26 %¹⁵; в Курской – 0,9 %¹⁶; в Московской – 4,1 %¹⁷. Следовательно, сектантов было меньше этого количества. В целом по стране числилось 1 млн духовных христиан, 65 тыс. хлыстов и скопцов и еще 1 млн человек, принадлежность которых к тому или иному согласию не была определена¹⁸.

Таким образом, основными причинами принятия великорусским крестьянством сектантских идей были: поверхностное знание догматов православной веры, плата сельским пастырям за требы и влияние отхожих промыслов. Но главной причиной распространения сектантства являлось несоответствие, согласно представлениям крестьян, многих православных традиций понятию крестьянской справедливости.

Литература

1. *Жбанков Д.Н.* Село Большое Пронское уезда Рязанской губернии. Опыт санитарного исследования. СПб., 1883.
2. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов, 1911.
3. *Катков М.Н.* Два отзыва о русском народе // Имперское слово. М., 2002.
4. *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России 60-е гг. XIX в. – 1917 г. М., 1965.
5. *Клибанов А.И.* Сектантство // Философская энциклопедия. М., 1967.

¹² РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 63. Л. 24, 26.

¹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 42. Тамбовская губерния. СПб., 1904. С. 88.

¹⁴ Там же. Т. 35. Рязанская губерния. СПб., 1903. С. 90.

¹⁵ Там же. Т. 29. Орловская губерния. СПб., 1904. С. 82.

¹⁶ Там же. Т. 20. Курская губерния. СПб., 1904. С. 100–101.

¹⁷ Там же. Т. 24. Московская губерния. СПб., 1904. С. 100.

¹⁸ *Юзов.* Староверие // Слово. Научный, литературный и политический журнал. СПб., 1878.

Июль. С. 105.

6. Курское сектантство. Очерки современного состояния епархиального сектантства. Курск, 1905.
7. *Леонтьева Т.Г.* Вера или свобода? Попы и либералы в глазах крестьян в начале XX века (на материалах Тверской губернии) // Революция и человек. Социально-психологический аспект. М., 1996.
8. *Никольский Н.М.* Раскол и сектантство во второй половине XIX века // История России в XIX веке. М., 1990.
9. *Петерсон Н.Л.* Просвещение. СПб., 1904.
10. *Пругавин А.С.* Алчущие и жаждущие правды. Очерки современного сектантства. 1882. Кн. I.
11. *Пругавин А.С.* Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. СПб., 1909.
12. *Третьяков М.* Сектантство Тамбовской губернии. СПб., 1910.
13. Чего просит народ? (Отголоски из деревни). М., 1887

Об одном неудачном опыте анализа урожайной статистики в дореволюционной России

В статье проведен анализ книги Д.Н. Иванцова «К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных». Рассмотрены подходы, использованные Д.Н. Иванцовым в работе, сделаны выводы о пределах научной доказательности его суждений.

Ключевые слова: урожайная статистика; выборочное наблюдение; гипотеза о средних; корреляционный анализ.

В рамках полемики об уровне жизни населения в начале XX в. естественно был поднят вопрос о достоверности урожайной статистики. Оказались востребованными работы историков и статистиков прошлого по данной проблеме. В ряду этих работ видное место занимает книга Д.Н. Иванцова «К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных» [5].

При публикации работа получила высокую оценку, а Иванцов по сей день считается авторитетом в соответствующей области. Однако его суждения и выводы до сих пор не подвергались серьезной критике. Между тем такая проверка показывает, что работа выполнена небрежно и содержит многочисленные ошибки. Так, свидетельством небрежности Иванцова при работе с цифровыми данными являются ошибки, допущенные им (с. 23, 26, 30, 126, 108 и пр.), в том числе и в расчетах. В книге представлены примеры неверных расчетов двух величин: «предельного разноречия» между средними и коэффициента корреляции урожайных рядов [3, с. 154–157]. Это факт, характеризующий невысокое качество выполненной Иванцовым работы. Отмеченные недостатки в книге Иванцова не позволяют использовать цифровой материал, приведенный автором, без сплошной перепроверки.

Однако такая перепроверка едва ли имеет смысл с точки зрения повышения научной ценности книги Иванцова, поскольку указанные огрехи допущены в ходе некорректного применения статистических методик. Еще одну группу образуют методологические ошибки. В первой главе Иванцов оценил надежность дан-

¹ Синицын Роман Витальевич, кандидат экономических наук, Брянский государственный университет, rsinicyn@yandex.ru, Россия, г. Брянск.

ных всех 3-х источников о средней за ряд лет урожайности зерновых, полагая, что близость средних есть доказательство достоверности статистики.

Это предположение верно в отношении средних, рассчитанных по данным, полученным с применением различных методов статистического наблюдения. Но и ЦСК, и МЗ, и земства использовали один метод – выборочное наблюдение путем анкетирования бесконтрольных и безответственных корреспондентов. Поэтому существует отличная от нуля вероятность, что все 3 выборки содержат одну и ту же систематическую ошибку регистрации, например, ошибку, которая могла возникнуть, если, как утверждают критики урожайной статистики, корреспонденты предоставляли заниженные сведения. А это значит, что в данном случае близость средних оценок урожайности не является доказательством достоверности статистики. Т.е., тезис, лежащий в основе проведенного в первой главе анализа, неверен.

Неверна и его методика. Иванцов использовал технику проверки гипотезы о выборочных средних, которая позволяет ответить на вопрос о принадлежности двух выборок к одной генеральной совокупности [8, с. 123--129], но не о достоверности их средних. Он рассчитал среднюю урожайность в губерниях по методу средней арифметической простой [5, с. 154], а не взвешенной. Значит, неверны все другие губернские показатели, определенные на основе средней урожайности. Кроме того, губернские выборки являются малыми (численностью менее 30 единиц) [3, с. 250–251; 4, с. 138; 7, с. 156]. В их отношении используется распределение Стьюдента, а Иванцов применил распределение Лапласа-Гаусса.

Раз неверны губернские цифры, неверны оценки по экономическим районам, Черноземной и Нечерноземной полосам и Европейской России. Анализируя расхождения между данными ЦСК и ОСЭ по экономическим районам и более крупным территориальным единицам, Иванцов позволил себе еще одну вольность. Фактическое и предельное разноречия по районам он определял методом средней арифметической взвешенной на основании губернских разноречий, взвешивая их на средние площади посевов ржи в губерниях. Но разноречия урожайности по губерниям были рассчитаны за 24 года (1885-1908), а средние площади посевов – только за три года – 1893, 1899 и 1911, причем последний из которых не входит в период расчета губернских разноречий между

ЦСК и ОСЭ [5, с. 153–155]. Следовательно, был нарушен принцип сопоставимости во времени данных, используемых в анализе.

В первой главе Иванцовым была допущена еще одна ошибка. Он заявил, что самыми достоверными являются земские оценки средней урожайности, ибо они занимают промежуточное положение между низшими, сделанными ЦСК, и самыми высокими, исходящими от ГУЗиЗ. Дополнительным доводом для Иванцова была большая тщательность наблюдений, якобы обеспечиваемая земской статистикой, и «близость земств к местной жизни» [5, с. 28].

В данном случае были проигнорированы базовые положения теории статистического наблюдения. Как отмечено выше, на рубеже XIX–XX вв. в России урожайность определялась путем выборочного обследования. И МВД, и МГИ, и земства формировали собственные выборки. Полученные оценки являлись выборочными средними, которые лишь приближенно отражали действительную урожайность.

Признано, что чем шире выборка, тем точнее она воспроизводит параметры генеральной совокупности [10, с. 163; 18, с. 60–61;] при прочих равных условиях. Земские оценки можно было бы признать наиболее достоверными, если бы выборка земств была самой широкой. Но наиболее репрезентативную выборку формировал ЦСК, данные которого и должны быть признаны в наибольшей степени заслуживающими доверия. Утверждение Иванцова о большей тщательности, с которой земские статистики собирали и обрабатывали материал, сомнительно.

Во 2-й главе Иванцов сравнивал попарно данные ЦСК и земств, ЦСК и ОСЭ на предмет измерения близости источников в отражении динамики урожайности, считая, что такая близость (по его выражению «родственность») есть свидетельство достоверности статистики. В качестве меры «родственности» он использовал коэффициент корреляции. Современной статистике неведомо понятие «родственности» показателей. Можно лишь догадываться, что Иванцов имел в виду связь между рядами урожайных данных.

Связи между рассматриваемыми статистикой признаками многообразны, но в любой такой связи одни признаки представляют собой причину, другие – следствие. Первые называют факторными, вторые результативными [10, с. 235]. Различают функциональную и статистическую связь между признаками. При функциональной связи изменение факторного признака изменяет

значение, а при статистической – распределение результативного [8, с. 157]. Частным случаем статистической связи является корреляционная связь, при которой разным значениям факторного признака соответствуют разные средние значения результативного. Ее теснота измеряется с помощью коэффициента корреляции [9, с.77].

Многие массовые общественные явления изменяются в одном и том же направлении, но независимо друг от друга. Порой это происходит под влиянием общей причины, но чаще это – мнимые связи [4, с.156-157]. При этом отсутствует причинно-следственная связь, хотя и отмечается корреляция, коэффициенты которой бессмысленны, как в случаях корреляции между урожайностью и числом автокатастроф [4, с. 173], количеством аистов и родившихся детей и даже числом букв в названии сельхозпредприятий и надоями молока в них [3, с. 344].

Очевидно, что не существует никакой причинно- следственной связи между оценками урожайности, сделанными МВД и земствами по данным их собственных выборок, а синхронность их изменений объясняется тем, что и МВД, и земства фиксировали одно явление – урожайность отдельных культур на заданной территории. Причем эта синхронность не свидетельствует о достоверности статистики, ибо согласованное указание вектора изменений урожайности не обусловлено точным измерением самой урожайности.

Иначе соотносятся оценки Министерства земледелия и ЦСК. В силу малочисленности сети информаторов Министерство земледелия по уездам, где у него не было своих корреспондентов, заимствовало цифры из других источников (не только у ЦСК, но также у земств, управлений государственных имуществ, продовольственных комиссий губерний Западного края или их начальников, сельскохозяйственных обществ) [1, с. 19; 2, с. 122].

Губернские оценки урожайности Министерства земледелия, таким образом, представляли собой средние, рассчитанные по уездным данным, в том числе получаемым от ЦСК. Поэтому в данном случае можно говорить о наличии причинно-следственной связи между оценками урожайности, производившимися МВД и Министерством земледелия. Но эта связь – не корреляционная, а функциональная. Для ее анализа используют не корреляционный, а индексный метод и метод группировок [3, с. 326].

Следовательно, применение корреляционного анализа в книге Иванцова необоснованно, а рассчитанные им «коэффициенты

корреляции» представляют собой фикцию. Но и эти фиктивные показатели Иванцов рассчитал с ошибками.

Во-первых, он определял отклонения индивидуальных значений урожайности от среднего за период значения, используя методику, применяемую для вариационных рядов. Но исследуемые ряды – динамические, и для них нужно рассчитывать отклонения индивидуальных значений не от среднего уровня ряда, а от тренда [3, с. 518]. Во-вторых, для динамических рядов характерна автокорреляция, влияние которой необходимо устранять, чего Иванцов не сделал [17, с. 91].

Спорными являются выводы, сделанные в третьей главе книги Иванцова, где анализировались ежегодные показатели урожайности, площадей посевов и валовых сборов зерновых по материалам ЦСК и земств, а также определялась степень близости фактических показателей урожайности прогнозам.

Неверным является первое же заявление Иванцова о недостоверности ежегодных оценок урожайности [5, с. 109-117], основанное на том, что цифры ЦСК и земств расходятся порой на величину большую, чем 15%. Во-первых, этот предел он установил совершенно произвольно [5, с. 16-17], никак не обосновав чрезмерность расхождений, превышающих его. Во-вторых, расхождения ежегодных оценок урожайности, сделанные ЦСК и земствами по данным их собственных выборок, вообще не являются свидетельством недостоверности статистики. Отдельные выборки отличаются друг от друга составом (а в данном случае еще и объемом). Соответственно, в них по-разному представлены единицы генеральной совокупности, обладающие большими или меньшими значениями изучаемого признака. Поэтому выборочные средние обычно отличаются друг от друга. Совпадение их значений возможно лишь как частный случай [10, с. 159-163]. Расхождения ежегодных оценок урожайности доказывали бы недостоверность урожайной статистики, если бы по каждой губернии ЦСК и земства исследовали одну часть генеральной совокупности. Но они анализировали разные ее части.

Также Иванцов заявил, что недостоверность ежегодных оценок урожайности подтверждается тем, что процент расхождения между данными ЦСК и земств год от года изменялись по модулю и по знаку [5, с. 117-118]. Но средние самостоятельных выборок, отражающие урожайность в разных выборочных совокупностях, с

учетом ее колебаний, не могут изменяться строго пропорционально и однонаправленно.

Спорны выводы Иванцова о недостоверности статистики посевных площадей. К анализу автора привлек данные по неполным 5 губерниям [3, с. 129], утверждая, что «... в статистических исследованиях ... части настолько тесно спаяны, что достаточно охарактеризовать ... одну, чтобы с одного намека оценить достоинство других» [5, с. 107], и можно «... считать разрозненные случаи типичными, а сделанные из них выводы способными претендовать на общность» [5, с. 143]. Однако это заявление неверно, и едва ли, например, кто-то решится по статьям кавалергардов судить о росте мужчин в царской России в целом.

Вывод Иванцова о ненадежности оценок посевных площадей, сделанный по факту расхождений между данными ЦСК и земств, не учитывает того, что объективно существуют, независимо от того, закреплены они в качестве научных категорий или нет, различные виды посевных площадей (обсемененная, занятая посевом, весенняя продуктивная, уборочная, фактически убранный [6, с. 5–6]). ЦСК и земства могли получать от своих корреспондентов достоверные данные, но если они запрашивали сведения о разных видах посевных площадей, то их оценки не могли не расходиться.

Косвенное свидетельство того, что это было возможно, содержится в тексте самой работы. Комментируя незначительные расхождения площадей посевов по Уфимской и Саратовской губерниям (1,4 % и 1,5 % соответственно), Иванцов пишет, что при их получении «... и Комитет, и земская статистика ... опираются на показания одной и той же деревенской администрации». В то же время в Херсонской губернии, «несмотря на тождество корреспондирующих агентов», расхождение составило 17,1 % [5, с. 130]. Не объясняется ли это тем, что в Уфимской и Саратовской губерниях одни и те же корреспонденты дали МВД и земствам практически одинаковые ответы. В Херсонской же губернии отличные ответы можно объяснить тем, что в последнем случае запрашивались сведения о разных видах посевных площадей? Поэтому до тех пор, пока не будет установлено, что по тем губерниям, данные которых использовал Иванцов, и ЦСК, и земства собирали сведения об одних и тех же категориях посевов, считать расхождения в оценке площадей доказательством недостоверности статистики нельзя.

Спорными являются выводы о недостоверности оценок валовых сборов, основанные на различиях между данными ЦСК о площадях владельческих и надельных посевах, а также земскими оценками посевов, фактически принадлежавших крестьянам и помещикам. Иванцов пишет: «Ошибки в десятки и сотни тысяч десятин следовало бы признать тяжело отражающимися на точности цифр общего сбора даже ... если бы не возникало сомнений относительно данных о подесятинном урожае; но ввиду ненадежности последних их значение усиливается» [5, с. 130]. Как показано выше, сомнения Иванцова по поводу достоверности ежегодных цифр урожайности необоснованны. Что же касается первой части приведенного суждения, то высказанное в ней опасение представляется не лишенным оснований. Однако проверка показывает, что это, казалось бы, здравое суждение, далеко не всегда подтверждается расчетами.

Рассмотрим представленные Иванцовым полтавские данные. Замена «владельческих» данных ЦСК земскими «помещичьими» посевами (с использованием комитетских оценок урожайности) по овсу дает сокращение валового сбора на 0,84 %, по яровой пшенице на 1,15%, по ячменю на 3% [3, с.133; 15, Отд.Ш, с.16; 16, с.332-333].

Данные 1905 г. по Уфимской губернии свидетельствуют о том, что по озимой ржи замена комитетских данных земскими приводит к изменению валового сбора на 3,6 %, по овсу – на 5,3 %, а по яровой пшенице – 0,87 % [3, с. 133; 11, Отд. Ш, с. 48; 12, с. 166–167, 173]. Лишь данные по Саратовской губернии за 1909 г. показывают более серьезные отклонения валовых сборов при замене «владельческих» посевов «помещичьими». По озимой ржи они составили бы 12,5 %, по яровой пшенице – 11,4 %, по овсу – 13,3 %, по ячменю – 21,8 % [3, с. 132; 13, с. 38; 14, с. 82–83, 89]. Поэтому вопрос о том, насколько существенное влияние замена «владельческих» посевов «помещичьими» оказывала на валовый сбор, должен решаться в каждом конкретном случае.

Абсолютно неверным является утверждение, что недостоверность ежегодной статистики подтверждают расхождения в оценке ожидаемых валовых сборов и урожайности между ЦСК, Торгово-Промышленной газетой и Московским Порайонным комитетом [5, с. 138–139]. Не располагая сведениями о том, откуда черпала данные газета, коснемся расхождений оценок между ЦСК и Порайонным Комитетом. Первый получал прогнозные цифры от собственных корреспондентов, второй опирался на земские дан-

ные. Естественно, их прогнозы не совпадали, будучи итогами самостоятельных выборочных исследований.

Равным образом, ошибочно видеть доказательство недостоверности ежегодных данных статистики в несовпадении прогнозных и фактических цифр урожайности [5, с. 139–142]. Очевидно, что речь должна идти о качестве прогнозирования, а не надежности статистики в части констатации фактической урожайности.

Таким образом, выявленные особенности работы Д.Н. Иванцова ставят на повестку дня вопрос о переоценке ее научной значимости и о невозможности использовать содержащееся в ней материалы в качестве основания для апелляции в дискуссии о достоверности дореволюционной урожайной статистики.

Литература

1. 1885 год в сельскохозяйственном отношении. Вып. III. Общий обзор года. Часть I. СПб., 1886.
2. 1900 год в сельскохозяйственном отношении. Вып. VI. СПб., 1901.
3. *Елисева И.И., Юзбаишев М.М.* Общая теория статистики / Под ред. И.И. Елисеевой. М., 2004.
4. *Зинченко А.П.* Статистика. М., 2007.
5. *Иванцов Д.Н.* К критике русской урожайной статистики. Опыт анализа некоторых официальных и земских текущих данных // Записки ИРГО по отделению статистики. Т. XIV. Пг., 1915.
6. *Немчинов В.* Учет и статистика сельскохозяйственных предприятий. Вып. I. М., Л., 1933.
7. *Сизова Т.М.* Статистика. СПб., 2005.
8. Статистика / Под ред. А.П. Зинченко. М., 1982.
9. Статистика / Под ред. И.И. Елисеевой. М., 2003.
10. *Струмилин С.Г.* Статистика. М., 1969.
11. Урожай 1905 года. I. Озимые хлеба и сено. Издание ЦСК МВД. Год двадцать третий. СПб., 1905.
12. Урожай 1905 года. II. Яровые хлеба и картофель. Издание ЦСК МВД. Год двадцать третий. СПб., 1906.
13. Урожай 1909 года в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. Издание ЦСК МВД. Год двадцать седьмой. СПб., 1909.
14. Урожай 1909 года. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. Издание ЦСК МВД. Год двадцать седьмой. СПб., 1910.
15. Урожай 1910 года в Европейской и Азиатской России. I. Озимые хлеба и сено. Издание ЦСК МВД. Год двадцать восьмой. СПб., 1910.
16. Урожай 1910 года в Европейской и Азиатской России. II. Яровые хлеба, картофель, лен, конопля и хлопок. Издание ЦСК МВД. Год двадцать восьмой. СПб., 1911.
17. *Чалиев А.А., Овчаров А.О.* Таможенная статистика. Нижний Новгород, 2008.
18. *Янсон Ю.Э.* Теория статистики. СПб., 1886

Губернская власть и столыпинская трансформация тамбовской деревни

В статье раскрываются основные направления деятельности администрации Тамбовской губернии по проведению аграрной политики в 1906–1917 гг. Губернаторы стали проводниками столыпинского курса модернизации российской деревни, координировали деятельность местных учреждений и должностных лиц, подбирали кадровый состав исполнителей, контролировали ход и темпы землеустроительных мероприятий, налаживали сотрудничество с органами земского самоуправления по повышению крестьянской агрикультуры. Необходимым условием реформирования тамбовского села стало применение административных репрессий в отношении противников столыпинских преобразований.

Ключевые слова: губернатор; землеустройство; крестьянство; Тамбовская губерния.

При каждом изменении правительственного курса в дореволюционной России основная роль в перестройке жизни сельского социума отводилась губернским органам власти. С началом столыпинской модернизации российской деревни наряду с обширными правами и обязанностями, возложенными на высокопоставленных бюрократов, появились новые задачи и расширились прежние полномочия губернаторов.

Личные и профессиональные качества провинциальных управленцев, их лояльность к мероприятиям коронной администрации, отчетливое понимание целей, приоритетов и направлений имперской политики прямо влияли на скорость и исход перемен. Положение начальника губернии как представителя высшей правительственной власти наделяло его правом формировать кадровый состав местных учреждений [4, с. 9]. Кадровая политика губернаторов, следовательно, должна была помочь создать эффективный механизм по проведению аграрной перестройки.

Ведаая подбором непрременных членов землеустроительных комиссий и земских начальников, губернатор определял состав сотрудников земельной реформы, которые помогали на практике реализовать столыпинское законодательство. По мнению

¹ Токарев Николай Васильевич, АНО СПО «Колледж права и безопасности», n_tokarev@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

Г.В. Гарбуза, правительство П.А. Столыпина учитывало негативный опыт административного управления и поставило во главу угла принцип профессиональной компетентности при назначении на должности землеустроителей. Не имущественный ценз и не сословное происхождение, а образование, возраст и опыт служебной деятельности в крестьянском управлении выступали критериями кадрового отбора [5]. По воспоминаниям тамбовского губернатора Н.П. Муратова, в особых письмах П.А. Столыпина и руководителя землеустроительного ведомства кн. Б.А. Васильчикова строгонастрого предписывалось губернаторам не увлекаться при выборе кандидатов «ни родством, ни дружбой, ни какими-либо иными видами», а преследовать исключительно интересы дела².

Уездная элита Темниковского уезда во главе с предводителем дворянства Ю.А. Новосильцевым, фрондируя против губернской власти, в июне 1907 г. пыталась не допустить к службе неперменного члена А.Б. Ольшамовского, выбранного губернской администрацией³. Н.П. Муратов провел тонкую интригу против видного либерала и весь состав Темниковской землеустроительной комиссии оказался под судом. В результате скандала, дошедшего до столичных инстанций, многолетний «хозяин уезда» подал в отставку⁴.

Губернатор тогда столкнулся с привычным старанием провинциального деятеля держать под контролем все уездные учреждения и видеть во главе землеустроительной комиссии свою креатуру. По справедливому замечанию О.П. Пеньковой, начальник губернии в этой истории «сильно лукавил». Не образовательный ценз и не возраст П.А. Королькова как кандидата, выставленного местными силами, а «желание губернатора направить в уезд нового человека, не связанного с уездной элитой ни родственными, ни дружескими связями», стало причиной обострения застарелого конфликта с губернским начальством [9, с. 54].

«Ужасный губернатор Муратов» [10, с. 162], неустанно борющийся с любыми проявлениями оппозиционных настроений, заслужил среди российских либералов долгую славу «консерватора из консерваторов» [2, с. 119]. «Неистовый» губернатор [6, с.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 146.

³ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 7143.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 146–151.

117] продолжил «чистку» состава землеустроительных комиссий и заподозренному в связях с кадетами кирсановскому землеустроителю В.Д. Оголину было предложено в декабре 1909 г. оставить должность «благодаря недостаточной энергии и отсутствию авторитета среди населения»⁵.

Помимо формирования кадрового состава органов землеустройства на губернские власти легло бремя организации их деятельности во взаимодействии с другими учреждениями и должностными лицами.

На склоне лет Н.П. Муратов признавался: «Сам очень слабо разбирающийся в землеустроительных вопросах и ходивший всегда на поводу у непременных членов комиссии, особенно губернской, я совершенно не удовлетворял тем требованиям, которые предъявлялись Столыпинным губернаторам в отношении своего детища, и это меня весьма и весьма смущало» [8, с. 246]. Более того, незначительные результаты по применению Указа 9 ноября 1906 г. в Тамбовской губернии вынудили столыпинского ставленника в июле 1908 г. оправдываться перед МВД и своим патроном, защищая от обвинений подчиненных ему земских начальников [11, с. 260–261].

Успешный тандем губернатора Тамбовской губернии и вновь назначенного вице-губернатора, их слаженные действия на ниве аграрных преобразований форсировали их ход. Служебное рвение своего соратника Н.Ю. Шильдер-Шульднера по достоинству оценил Н.П. Муратов: «Дело закипело». На старте столыпинской модернизации чиновник «ездил, устраивал съезды, разъяснял, растолковывал, объединял, произносил пламенные речи», «работал...по землеустройству не покладая рук и сделал очень много» [8, с. 246].

Новизна землеустроительного дела, неполнота и противоречивость законодательной базы, разные социально-экономические и природные условия в регионе, сопротивление населения потребовали от губернских властей вникать вместе со своими подчиненными во все тонкости переустройства тамбовской деревни: от выяснения причин торможения землеустроительных работ до определения очередности и характера их производства. Чтобы ускорить ход аграрной модернизации в губернии, в 1909 г. местные власти

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1734. Л. 348, 349.

пошли на созыв съездов землеустроителей в Тамбове, Липецке и в с. Сасове Елатомского уезда⁶. Впоследствии совещания непрременных членов землеустроительных комиссий и других сотрудников проводились неоднократно⁷.

Обобщая всероссийский опыт реорганизации аграрного сектора, Главное управление землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и МВД направляли губернаторам многочисленные указания. Губернские власти, в свою очередь, рассылали эти указания землеустроителям, землемерам и земским начальникам с обязательным требованием неукоснительного их исполнения. Ощутимую помощь оказали и петербургские чиновники: ревизоры, инструкторы, уполномоченные Комитета по землеустроительным делам, побывавшие в Тамбовской губернии в 1907–1915 гг. Их замечания и предложения принимали форму циркуляров тамбовского губернатора для местных чиновников⁸.

Представляя отчеты и предложения в адрес коронной власти, транслируя распоряжения чиновников высшего звена на уровень уездов и волостей, губернская администрация надеялась на корректировку практики реформирования в центрально - черноземной деревне. Взгляды на реформу из окна столичного кабинета на набережной Мойки могли расходиться с мнениями обитателя губернаторского дома на р. Цне. Так, руководитель ГУЗиЗ А.В. Кривошеин указывал тамбовским администраторам на излишнее увлечение одной формой землеустроительных работ: вместо погоны за отводом отдельных участков следовало стремиться к разверстанию, способствовавшему более эффективному и массовому насаждению участкового землевладения [1, с.131].

На местном уровне губернским властям приходилось улаживать возникавшие межведомственные споры и преодолевать внутриведомственные противоречия, стараясь примирить интересы отдельных министерств и организаций. Землеустроительные комиссии обвиняли земских начальников в недостаточной пропаганде столыпинских законов⁹. Земские начальники имели основания ответить встречным обвинением в недостаточном знании землеустроителями Указа 9 ноября. Так, в начале аграрной реформы

⁶ ГАТО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 370. Л. 155, 162, 162 об, 163.

⁷ ГАТО. Ф. 41. Оп. 3. Д. 1. Л. 148.

⁸ Там же. Л. 79.

⁹ Там же. Л. 72.

одна из уездных комиссий подменила собой и крестьянские учреждения, и земского начальника, отказав просителю в укреплении наделной земли¹⁰. Начальник Управления земледелия и государственных имуществ Тамбовской губернии Н.Т. Юрин в мае 1913 г. жаловался на действия Усманской уездной землеустроительной комиссии, потребовавшей от полицейской власти приостановить взыскание недоимок с покупателей казенных земель. Тем самым комиссия превысила свои полномочия¹¹.

Под особым контролем губернской администрации находилась работа земских начальников по реализации аграрной реформы. 9 июня 1910 г. тамбовский губернатор подписал циркуляр, в котором попенял земским начальникам за небрежение порученными землеустроительными работами, остававшимися без движения в ряде случаев в течение многих месяцев. Через полтора года, в декабре 1911 г. Н.П. Муратов вновь был вынужден укорять своих подчиненных за «медленность в подготовке дел», за недопустимое отношение к делу землеустройства, «как имеющему первостепенное значение»¹².

В марте 1914 г. тамбовский губернатор А.А. Салтыков разразился свирепым циркуляром по поводу землеустроительной деятельности земских начальников за полевой период 1913 г. Из 229 дел, порученных 55 чиновникам МВД, не было выполнено 99 дел. По подсчетам губернатора, получившего нагоняй от министра внутренних дел за такую работу подопечных, более 43 % дел не было исполнено, закончено лишь 33 % дел. Начальник губернии вынужден был написать, что земские начальники «относятся без должного внимания к возложенному на них важному и ответственному делу землеустройства, проявляя недопустимую медленность и неисполнительность»¹³. Губернатор предупредил чиновников о том, что «степень участия их в деле землеустройства будет служить для них не только одним из главных показателей для общей оценки деятельности каждого из земских начальников, но и ляжет в основу при составлении предположений о размерах добавочного ассигнования на усиление канцелярских средств земским начальникам»¹⁴.

¹⁰ Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 235.

¹² Там же. Л. 151.

¹³ Там же. Л. 272.

¹⁴ Там же.

Третьим направлением в работе тамбовской администрации стало налаживание сотрудничества с органами земского самоуправления при внедрении передовых агротехнологий в участковых хозяйствах. Премьер-министр П.А. Столыпин осенью 1909 г. подчеркивал, что от подъема хозяйств «новых собственников» «зависит успех и будущее крестьянского землеустройства, ибо без интенсивного хозяйства прочность и устойчивость единоличной собственности немислимы»¹⁵.

Вопрос о получателях агрономической помощи стал предметом разногласий между правительством, губернской властью и земствами. И Тамбовское губернское земское собрание, и большинство уездных собраний заняли солидарную позицию: «тратить деньги, получаемые со всех земских плательщиков, на один, к тому же немногочисленный класс, незаконно, поэтому было провозглашено, что агроном должен служить всем – и общинникам, и хуторянам» [3, с. 119].

Желание правительства привлечь земские силы для оказания агрономической помощи единоличникам «в целях лучшего использования местного опыта» объясняло появление 26 апреля 1911 г. циркуляра № 423 землеустроительного ведомства. ГУЗиЗ предлагало земствам заняться организацией агрономической помощи в районах землеустройства за счет специального кредита, попутно оказывая помощь и общинникам¹⁶.

Становление нового института земской агрономии растянулось на годы. Если в 1910 г. в губернии начали действовать 14 агрономических участков, то в 1911 г. их было уже 40, в 1912 г. – 53. Добиться полного заполнения агрономической сети и даже превзойти план удалось только в 1914 г. С передачей земствам специальных государственных средств и с разверстанием значительных районов землеустройства, потребовавших привлечения новых агрономических сил, значительно увеличилось как число участков, так и агрономов, их помощников и инструкторов по отдельным отраслям сельского хозяйства. Постепенно в руках агрономической организации Тамбовского земства оказались практически все мероприятия по внедрению интенсивных аграрных технологий [14].

¹⁵ ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 119.

¹⁶ Журналы Козловского уездного земского собрания очередной сессии 1911 г. С приложениями. Козлов, 1912. С. 343.

Начав аграрное переустройство в «неуспокоенной» революционной России, имперские власти были намерены сочетать разные формы и методы реформирования в соответствии с известной фразой, приписываемой П.А. Столыпину, «сначала успокоение, потом реформы». Как начальник полиции губернатор обеспечивал исполнение на деле первой части столыпинской формулы.

Использование репрессий местной администрацией регламентировалось исключительным законодательством Российской империи, созданным при Александре III. Еще 14 августа 1881 г. было утверждено Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, вводившее чрезвычайные меры, в том числе усиленную и чрезвычайную охрану. Усиливая свои карательные-репрессивные функции, губернская власть могла издавать обязательные постановления, имела право административной высылки и ссылки, получила право производства арестов, обысков и выемок [15, с. 101].

Со времен Первой русской революции положение усиленной охраны в Тамбовской губернии периодически продлевалось, на смену этому правовому режиму в годы Первой мировой войны пришел режим чрезвычайной охраны, наделивший тамбовскую администрацию еще большим объемом властных полномочий.

Карательные действия должны были изъять из деревни неспокойный и харизматичный элемент, способный приостановить ход реализации закона 9 ноября 1906 г. Н.П. Муратов своим правом административных репрессий воспользовался в начале столыпинского переустройства, когда помимо убеждения в необходимости обновления аграрной сферы последовательно преследовались противники правительственных реформ. Это же право использовал губернатор А.А. Салтыков во время Первой мировой войны, внесшей коррективы в проведение крестьянской политики, заставляя отказаться от наступления на общинные порядки и перейти к торжественному реформированию деревни.

При вынесении приговора участникам волнений губернская администрация следовала главной цели – покарать зачинщиков. Наказание должно было послужить «примером для других лиц, которые также подстрекают против землеустройства»¹⁷. В итоге, по нашим подсчетам, в 1907–1915 гг. разным видам репрессий

¹⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9203. Л. 11.

подверглось 375 крестьян. В исключительных случаях администрация прибегала к высылке за пределы губернии. Так, в 1908 г. и 1915 г. были высланы 15 противников правительственной аграрной политики [13].

Непродуманные шаги земских начальников и землеустроителей на основе столыпинских законов осложняли жизнь полицейским чиновникам, углубляли старые и порождали новые противоречия внутри сельских обществ.

При Н.П. Муратове снискало печальную всероссийскую славу «волоотовское дело». Увлеченный идеей превращения Лебедянского уезда в центр «землеустроительной волны» чиновник Г.А. Ростовцев всеми способами подталкивал к разверстанию большую крестьянскую общину с. Волоотово близ Лебедяни. Склонный к кардинальным мерам губернатор фактически пошел на поводу у своего подчиненного, неременного члена уездной землеустроительной комиссии. В результате сложилась кризисная ситуация в которой землеустроитель, исправник и земский начальник не сумели остановить эскалацию внутриобщинного конфликта, в ходе которого произошло столкновение с полицейскими стражниками. По выражению А.М. Анфимова, столыпинская «реформа на крови» [7, с. 660] в Тамбовской губернии имела в 1910 г. своим следствием гибель 6 лебедянских общинников [12].

Итак, полицейские притеснения оппонентов правительственного аграрного курса и их временная изоляция создавали необходимые условия для обновления российской деревни, обеспечивая «государственный порядок и общественное спокойствие». Но из-за незаконченности столыпинской реформы усилия губернских властей по трансформации тамбовской деревни сложно оценить однозначно. Казалось бы, появился тонкий слой «новых собственников», нацеленных на рациональное хозяйствование. Тем не менее, накануне крушения царизма большая часть крестьянских земель в Тамбовской губернии по-прежнему находилась в общинной собственности. События 1917 г. показали, что губернской администрации удалось только на время приглушить антагонизм между отрубниками и их оппонентами, взявшими реванш при безвольном Временном правительстве.

Литература

1. *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
2. *Бенкендорф К.А.* Половина жизни. М., 2014.

3. *Бобынин Н.Н.* Экономическая помощь населению Тамбовской губернии. Тамбов, 1916.
4. *Гарбуз Г.В.* Место губернатора в бюрократическом аппарате поздней имперской России // Вестник Пензенского гос. ун-та. 2014. №2. С.9-13.
5. *Гарбуз Г.В.* Непременные члены уездных землеустроительных комиссий // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2018. Т.6. №2 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения 28.10.2018).
6. *Давыдов А.В.* Надписи к Кулеватовским фотографиям : Из личного архива М.Д. Афанасьева (г. Москва) // Земство. Пенза, 1994. №4. С.103-138
7. *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке: в 2-х ч. Ч.2. М., 2011.
8. *Муратов Н.П.* Записки тамбовского губернатора. Тамбов, 2007.
9. *Пенькова О.П.* Тамбовское дворянство и столыпинское землеустройство // Самарский земский сборник. 2004. № 1. С. 52–59.
10. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 – середина 1930-х гг.: в 6-ти т. М., 1994. Т. 1: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг.
11. *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. М., 1973.
12. *Токарев Н.В.* «Волотовское дело» // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. науч. статей. Вып. 3. Тамбов, 2000. С. 63–82.
13. *Токарев Н.В.* Репрессивная практика губернской администрации при проведении столыпинских преобразований в тамбовской деревне // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы. Международ. науч.-практ. конф. Оренбург, 13–14 мая 2014 г.: сб. статей. Оренбург, 2014. С. 316–320.
14. *Токарев Н.В.* Становление и развитие агрономической организации в Тамбовской губернии в период столыпинских преобразований // Крестьянство и власть в России (IX – начало XX вв.): к 150-летию отмены крепостного права. Материалы науч. конф. Липецк, 12–13 апреля 2011 г. Липецк, 2011. С. 210–216.
15. *Янгол Н.Г.* Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность. СПб., 2000.

Сельская община и протестное движение в 1917 году

В статье определены этапы изучения хода и масштабов массового аграрного движения в губерниях Поволжья в период Великой российской революции. Акцентируется внимание на необходимости реализации новых подходов к изучению протестного движения и выявления роли в нем сельской общины и массовых объединений крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство; массовое аграрное движение в 1917 г.; крестьянские комитеты; сельская община; политические партии; протестное движение.

В настоящей статье ставится цель подвести итоги исследования роли сельской общины в развитии массового аграрного движения в 1917 г. и выявить пробелы и лакуны в изучении особенностей протестного движения крестьянства Поволжья в период Великой российской революции (март-октябрь 1917 г.). Под протестным движением понимаются формы коллективных и индивидуальных выступлений крестьян, которые наполнялись новым содержанием в период революционных событий 1917 г. В этой связи акцентируется внимание на роли сельской общины – организатора крестьянских протестных акций. Поэтому нами проведен историографический анализ научных трудов, в которых нашли отражение вопросы протестного движения крестьян. Мы попытались определить основные концептуальные представления советских и современных историков по исследуемой проблеме. Предложен междисциплинарный подход к изучению протестного движения. Обосновывается тезис о необходимости создания хроники крестьянского движения и нового прочтения документальных материалов, которые содержат ценные сведения о настроениях крестьян и социальной мотивации их выступлений в 1917 г.

В изучении исследуемой проблемы условно можно выделить три периода: 1) 1917 г. – первая половина 1950-х гг.; 2) вторая половина 1950 – конец 1980-х гг.; 3) 1990-е гг. – по настоящее время. В течение многих десятилетий при изучении протестного движения российского крестьянства, в том числе периода Великой рос-

¹ Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

сийской революции, советские историки опирались на оценки вождя Коммунистической партии В.И. Ленина, а затем на концептуальные установки «Краткого курса истории ВКП(б)», что способствовало упрощенному пониманию многих проблем истории Великой российской революции. Как правило, в работах историков 1920-х гг. – первой половины 1950-х гг. акцентировалось внимание на изучении роли пролетариата и беднейшего крестьянства в революционных событиях 1917 г. И, конечно, историки огромное внимание уделяли изучению деятельности местных большевистских организаций в борьбе за власть советов [4]. Вместе с тем отметим, что в работах сотрудников, как Центрального, так и местных истпартов, предпринимались попытки показать особенности крестьянского движения в 1917 г. Так, в брошюре С.М. Дубровского, изданной в 1927 г., акцентировалось внимание не только на традиционных аспектах крестьянского движения, но и подчеркивалась роль политических партий и крестьянских организаций в развитии аграрного движения [3]. К заслугам автора следует отнести и то, что им была составлена картограмма крестьянского движения в 1917 г., а также диаграмма важнейших форм крестьянской борьбы за землю.

Историографическая ситуация стала меняться со второй половины 1950-х гг., что было обусловлено начавшейся «оттепелью» и дискуссиями историков об особенностях аграрного строя и многоукладности экономики Российской империи, а также идейной борьбой между ортодоксами и представителями нового направления в советской историографии. Активизация научной работы историков была связана с возникновением таких научных объединений ученых как Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы, а также Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции». Всплеск интереса к изучению роли крестьянства в период Великой российской революции был обусловлен юбилейными датами, когда как в центре, так и на местах были подготовлены и опубликованы монографии, посвященные различным проблемам Великой российской революции. Если говорить о Поволжье, то во второй половине 1950-х гг. И.М. Ионенко [6] и Е.И. Медведевым [9] были опубликованы монографии, в которых была воссоздана панорама крестьянской борьбы за землю в 1917 г.

Но, как и в обобщающих, так и в региональных исследованиях по истории крестьянского движения, историки продолжали транслировать традиционные идеологемы и концептуальные представления. Особенно это характерно для исследований П.Н. Соболева, И.И. Минца, Т.В. Осиповой и др. Типичен инерционный подход к анализу протестного движения крестьян в 1917 г. Эта проблема все еще рассматривалась ортодоксальными историками в рамках доктринальных установок В.И. Ленина, И.В. Сталина, отмечалось, что в период от февраля до октября 1917 г. существовал союз пролетариата и беднейшего крестьянства. Рассматривалась роль политических партий в развитии массового аграрного движения, но предпочтение отдавалось изучению деятельности большевиков в деревне, а эсеровские и меньшевистские организации оценивались в этих работах негативно, как контрреволюционные. Исключение составляет исследование И.М. Ионенко, который пришел к выводу о наличии осенью 1917 г. левоблокнистской тактики казанских большевиков, которые шли на союз с левыми эсерами.

Новые подходы в научной разработке исследуемой темы намечались во второй половине 1960-х гг., в том числе и по отношению к политическим партиям. Длительное время социалистические партии квалифицировались советскими историками как контрреволюционные. В 1960-е гг. их стали называть мелкобуржуазными. Впервые стал звучать термин «аграрная революция» в России (хотя в многочисленных сочинениях В.И. Ленина можно найти этот термин). Так, П.Н. Першин свое двухтомное сочинение назвал «Аграрная революция в России» [10]. Но теоретическое обоснование понятия «аграрная революция» обосновал в 1990-е гг. выдающийся российский историк В.П. Данилов [2]. Тогда же В.М. Бухараев и Д.И. Люкшин [1] ввели в научный оборот термин «общинная революция». Укажем, что вопрос о роли общины в организации протестных выступлений крестьян обсуждался на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в Минске и Вологде. Об этом же на конференции историков-аграрников Среднего Поволжья в Йошкар-Оле говорил И.М. Ионенко.

В последующие годы в исследованиях Г.А. Герасименко [5], Н.Н. Кабытовой [7], В.В. Кондрашина [8] и других историков получил отражение широкий комплекс вопросов протестного движения в поволжской деревне в 1917 г. В том числе была изучена роль

и влияние крестьянских съездов, низовых крестьянских организаций, крестьянских съездов на массовое аграрное движение в 1917 г. Одновременно были поставлены вопросы о необходимости разработки методики подсчета крестьянских выступлений и о роли сельской поземельной общины, как важнейшей институции, определявшей образ жизни российского крестьянства.

Новые тенденции в историографии связаны с отходом от традиционных концептуальных представлений, сформулированных в советский период и основанных на марксистско-ленинской методологии. На современном этапе возникла потребность изучения многих исторических проблем, в том числе повседневной жизни крестьян, на макро- и микроуровне с использованием междисциплинарных методов исследования.

Эволюция протестного движения, на наш взгляд, представляет многоуровневый процесс, так как в нем нашли отражение отношение крестьянства к Временному правительству и его органам власти на местах; в нем зафиксирован широкий спектр экономических и политических требований, суть которых сводилась к коренной перестройке земельных отношений в российской деревне. В этой связи перед научным сообществом вновь стоит ряд вопросов: определить место и роль сельской поземельной общины в организации протестного движения, разработать методику подсчета крестьянских выступлений, проанализировать отношения различных социальных групп многонационального крестьянства к Временному правительству. Важное значение имеет анализ воздействия политических партий на крестьянство и их роли в протестном движении. К числу важнейших вопросов относится также анализ социально-психологического восприятия революционных событий и отношения крестьян, солдат тыловых гарнизонов и фронтовиков, возвратившихся из действующей армии, к Временному правительству и местным органам власти.

Необходимость обращения к историографическому наследию советских и российских историков связана с тем, что вплоть до 1990-х гг. во многом сохранялся инерционный подход в изучении протестного движения крестьян в 1917 г., так как в советский период данная тема исследовалась в жестких границах марксистско-ленинской методологии. Историографическая ситуация стала меняться во второй половине 1980-х гг., когда начался процесс освоения другого исследовательского инструментария, а научная

разработка проблем истории Великой российской революции стала вестись на междисциплинарном уровне. В настоящее время все еще не преодолены традиционные подходы в изучении исследуемой темы. В этой связи возникает необходимость определения исследовательских задач, которые помогут найти новый вектор изучения протестного движения крестьян в период Великой российской революции. При этом важнейшим условием изучения этих вопросов является то, что они должны изучаться не изолированно, а через призму такой глобальной исследовательской проблемы как история Великой российской революции.

Одна из задач, которая приобрела особую остроту в новейший период, состоит в том, чтобы преодолеть мифологемы в оценке протестного движения крестьян в период Великой российской революции, которые транслировались в научных трудах советских историков [6]. Так, к числу рудиментов следует отнести отрицательное отношение к деятельности эсеров и меньшевиков в деревне. В исследованиях преувеличивалась роль местных социал-демократических (большевистских) организаций. Лишь в современной российской историографии выявлена роль крестьянских съездов и низовых крестьянских организаций в развитии аграрной революции. Отмечается влияние решений крестьянских съездов, которые стали для крестьян правовой основой для конфискации частновладельческих земель, включая владения землеустроенных крестьян-хуторян и отрубников.

Все еще недостаточно изучен вопрос о влиянии солдат тыловых гарнизонов и солдат, возвратившихся с фронта, на формы и методы протестного движения в российской деревне. Нуждается в изучении проблема взаимоотношений низовых крестьянских организаций с местными органами власти Временного правительства. К числу значимых проблем относится и изучение настроений различных слоев крестьянства на разных этапах развития революционного процесса, а также соотношения стихийного и сознательного в протестном движении, и анализа роли сельской поземельной общины в организации различных форм крестьянских выступлений в 1917 г. Речь, вероятно, должна идти также и о том какие новые социальные практики были освоены крестьянами в ходе революционного процесса. Например, участие крестьян в организации и деятельности низовых крестьянских организаций и в крестьянских уездных и губернских съездах, волостных и уездных зем-

ствах, крестьянских советах и других общественных организациях. К числу перспективных тем относится изучение повседневной жизни крестьян в условиях революционного экстрима, когда калейдоскоп событий резко возрос, а многие традиционные установки и сам образ жизни крестьян подвергались деструкции.

Возникла настоятельная необходимость нового прочтения многих уже введенных в научный оборот источников, так как в советский период историки изучали источники с учетом социально-политической ситуации в стране, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, а потому существенная часть исторической информации ими не вводилась в научный оборот.

Анализ протестных действий крестьян позволил установить, что в феврале-марте 1917 г. крестьяне использовали традиционные формы протеста, характерные для дореволюционного периода. Начиная с апреля 1917 г. активность крестьян и число протестных акций возросла, традиционные формы протеста резко сокращаются и на смену им приходят организованные общиной и низовыми крестьянскими организациями захваты помещичьих имений и передача их в распоряжение низовых крестьянских организаций. При этом составляются описи имений, в которых учитываются как земельные владения, так и сельскохозяйственный инвентарь рабочий и продуктивный скот и другое имущество.

Как правило, правовой основой для таких действий являлись постановления губернских крестьянских съездов, которые созывались по инициативе партии эсеров. Роль большевиков в деревне в марте-июне 1917 г. была мизерной и сводилась лишь к выступлениям на крестьянских съездах, поэтому в сельской местности скорее стоит говорить не о влиянии большевиков, а эсеров. К тому же в деревню радикальные требования и лозунги были привнесены солдатами-отпускниками и дезертирами. Ситуация в деревне резко изменилась в связи с тем, что в августе-октябре 1917 г. в деревню хлынул громадный поток солдат, вернувшихся с театра боевых действий, что обусловило рост поджогов и разгромов помещичьих имений. Кроме того усилился натиск сельской поземельной общины на землеустроенных крестьян, так как община выступала за ликвидацию хуторского и отрубного землевладения и возвращения этих земель в распоряжение сельского социума. В этой связи установлено, что осенью 1917 г. хуторяне и отрубники обращаются к сельским сходам с просьбами принять их вновь в сельское обще-

ство. А потому необходимо установить соотношение удельного веса хуторян, возвратившихся в общину путем насильственных действий, и добровольного возвращения выделенцев в общину.

Итак, условно в протестном движении крестьян в 1917 г. можно выделить три этапа. Первый этап: февраль – март 1917 г., когда преобладают традиционные формы борьбы, характерные для дореволюционного периода. Второй этап охватывает апрель-июнь 1917 г., во время которого происходит организованный захват помещичьих имений с постановкой на учет и передачей их в распоряжение низовых крестьянских организаций. Третий этап: июль-декабрь 1917 г. – преобладание стихийных форм протеста и увеличение числа разгромов и поджогов помещичьих имений, захват земель столыпинских выделенцев и возвращение их владений в распоряжение сельской поземельной общины. Таким образом, мы вполне разделяем мнение В.М. Бухараева о том, что протестное движение крестьян в 1917 г. можно характеризовать термином как «общинная революция».

На основе анализа научной литературы и комплекса источников определены факторы, влиявшие на темпы, формы и методы протестного движения крестьян в 1917 г., которые зависели от многих объективных и субъективных факторов. В лесных и лесостепных уездах крестьяне выступали за радикальное решение аграрного вопроса – передачу частновладельческих земель, владений казны, удела и церкви в распоряжение низовых крестьянских организаций. В степных уездах, кроме конфискации частновладельческих земель, крестьяне требовали ликвидировать результаты столыпинского землеустройства и передать земли выделенцев в распоряжение общины. В ходе изучения источников установлена неравномерность протестного движения. В качестве лидеров выступали крестьяне Казанской, Самарской и Саратовской губерний, которые опережали Симбирскую и Пензенскую губернии.

Изучение итогов протестного движения крестьян в 1917 г. раскрыло зависимость крестьянских выступлений от политической ситуации в стране, воздействие на крестьян решений крестьянских съездов, постановления которых подвели правовую основу для радикальных действий крестьян. Выявлена также роль солдат, выступавших в качестве бродильного элемента в крестьянской среде.

Изучение исторической литературы позволяет использовать опыт советских историков, которые представили свои варианты

методики статистического изучения протестного движения. Речь идет об опыте Н.Н. Лещенко, Б.Г. Литвака и Ю.И. Смыкова, которые считали необходимым составление карточек-анкет на каждое выступление крестьян. Затем на основе этих карточек составляется хроника крестьянского движения, в которой указывается место и время выступления, национальность и сословная принадлежность, количество сел, принимавших участие, число крестьян, длительность выступления, требования, формы противодействия и сведения о деятельности властей. Безусловно, предстоит продолжить фронтальное выявление и изучение документов и материалов, отражающих социальные конфликты в деревне с тем, чтобы проследить изменения направленности протестного движения и представить количественную характеристику крестьянских выступлений. Но и в 1917 г. центром протестного движения продолжала оставаться сельская поземельная община, которая выступала за радикальное решение аграрного вопроса и применяла различные формы противодействия, с тем чтобы ликвидировать частную собственность на землю и реализовать чаяния крестьян о переходе к уравнительному землепользованию.

Таким образом, основное внимание было сосредоточено на изучении историографии протестного движения крестьян Поволжья в период Великой российской революции (1917 г.), которая исследовалась в едином научном пространстве историографии, источниковедения, аграрной истории, психологии и при использовании междисциплинарных методов, что на наш взгляд предоставляет возможность воссоздать реальную картину развития аграрной революции и проследить процесс взаимоотношений власти и крестьянства в 1917 г.

Изучены историографические факты и историографическая ситуация, которая в значительной мере влияла на формирование концептуальных представлений о природе протестных действий, их форм, направленности и эффективности. Выявлены пробелы и лакуны в изучении проблемы и предложен ряд тем, которые нуждаются в дальнейшем изучении. На основе историографического анализа прослежено воздействие на взгляды историков советской политической системы, при которой формировались выводы и наблюдения, основанные на марксистско-ленинской методологии. Отход от догматических постулатов в новейший период развития российской историографии позволил сформулировать вывод о том,

что протестное движение является многомерным процессом, в который включены взаимоотношения власти и крестьянства, социальное расслоение российской деревни, образ жизни крестьянства, в значительной степени определявшийся традициями, хранителем которых выступала сельская поземельная община. Раскрываются причины конфликтов, которые воздействуют на формы и ход протестных выступлений. На основе анализа источников и научной литературы был сформулирован вывод о том, что сельская поземельная община в 1917 г. выступала инициатором и организатором протестных действий крестьян, используя в качестве правовой основы постановления губернских крестьянских съездов. Определены этапы протестного движения крестьян, выявлены специфические особенности крестьянских выступлений и показано воздействие на них объективных субъективных факторов.

Доказана перспективность составления документированных хроник протестного движения, что позволит представить реальную картину масштабов аграрной революции в Поволжье. Лейтмотивом протестных выступлений проходит тема передачи в распоряжение крестьян всех частновладельческих владений земель, казны, удела и церкви.

Литература

1. *Бухараев В.М., Люкшин Д.И.* Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в изменчивом мире. Вып. 2: Историография отечественной истории. Казань, 1994. С. 154–157.
2. *Данилов В.П.* Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т.1. С.20-37.
3. *Дубровский С.М.* Крестьянство в 1917 году. М., 1927.
4. *Гайсинский И.* Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. М., 1933.
5. *Герасименко Г.А.* Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974.
6. *Ионенко И.М.* Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. Казань, 1957.
7. *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 г. Самара, 2002.
8. *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009.
9. *Медведев Е.И.* Установление и упрочение советской власти на Средней Волге. Куйбышев, 1958. Т. 1.
10. *Першин П.Н.* Аграрная революция в России. М., 1966. Т. 1.

Перезагрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года

В статье рассматриваются принципы самоорганизации крестьянского мира в ходе Великой Российской революции; показан механизм образования и конституирования низовых крестьянских комитетов в 1917 г.

Ключевые слова: Великая Российская революция; сельская поземельная община; советы; крестьянские съезды.

Великая Российская революция феноменальна как по причинно-следственным связям, так и по формам реализации требований различных социальных страт. Общественно-политические объединения в сельской местности, возникшие в 1917 г., организовывались на базе крестьянской поземельной общины, интерес к изучению которой возродился в новейшей отечественной историографии [4]. Самоорганизация крестьянских обществ в революционных условиях изучалась в работах Г.А. Герасименко [1], В.В. Кабанова [2], В.И. Кострикина [5], А.В. Седова [7]. Рассматривая региональные модификации революционного процесса, исследователи отметили значительное влияние крестьянских организаций на государственное строительство переходного периода [3]. Процесс трансформации сельского самоуправления от общины через комитеты к советам сопровождался специфическими формами его конституирования.

Общественно-политические объединения, в сельской местности, возникшие в 1917 г., создавались на базе крестьянской поземельной общины. Ее функции при этом значительно расширились. Организационно-хозяйственные дела схода домохозяев перестали быть основными на собраниях сельских обществ [2, с. 79]. Стихийные или организованные сходы-митинги всего сельского населения обсуждали актуальные вопросы политической жизни страны. Разработки правоведов о поэтапной демократизации государственного и общественного строя под контролем Временного правительства не нашли применения в конкретной российской действительности. Революция смела старые сословные учрежде-

¹ Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru, Россия, г. Самара.

ния в деревне, образуя новые специальные комитеты для защиты интересов крестьян [7, с. 45]. Инициативу по созданию специальных органов сельского самоуправления крестьянские сходы проявили сразу после падения самодержавия.

В условиях функционирования гражданского общества революционные потоки самостоятельно заявляли о своих требованиях. Сельские и волостные крестьянские комитеты избирались различными способами. Сельские комитеты крестьяне чаще всего выбирали на сходах первоначально по старым правилам, просто потому, что новые еще не были разработаны [1, с. 41]. Позднее, когда появились новые инструкции по организации власти, а приезжие агитаторы развернули свою пропагандистскую деятельность, в деревне стали использоваться и новые формы социальной организации: применялись всеобщие, равные, прямые выборы, чаще всего открытым голосованием. В волостные крестьянские комитеты выборы проходили путем представительства от определенного числа жителей. В них избирались делегаты от сел и деревень или от сельских комитетов, если они уже были образованы на сходах и собраниях. Комитеты формировались также на волостных съездах из числа делегатов.

В марте-апреле 1917 г. в поволжских губерниях собирались чрезвычайные уездные земские собрания, выразившие поддержку Временному правительству и ставившие задачи принять активное участие в строительстве новой власти на волостном уровне. Однако в связи с тем, что «земства оставались в подавляющем большинстве в старом составе»², им не удалось в достаточной степени повлиять на состав волостных и сельских исполнительных комитетов.

Выработку правил и инструкций по организации власти на местах считали своей задачей все новые организации. Для этого созывались специальные съезды как общественных комитетов, так и комиссаров Временного правительства. По инициативе и под руководством преимущественно эсеров и различных земских, кооперативных и других организаций, где они служили, собирались также крестьянские съезды, явившиеся своеобразной формой организации всего крестьянства. На них обязательно разрабатывались нормы крестьянского представительства в структурах местной власти и самоуправления³.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886. Л. 10.

³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 48.

Поручая правительственным комиссарам взять под контроль организацию и деятельность сельского самоуправления, Временное правительство Постановлением от 19 марта 1917 г. признало лишь волостные комитеты, а сельские по-прежнему продолжало считать незаконными. Губернские и уездные комиссары, выполнявшие указания правительства, не могли управлять структурами, которые считали нелегитимными. В результате сельские исполнительные комитеты действовали в интересах избравшего их мира, а не по инструкциям власти. Волостные исполнительные комитеты были включены Временным правительством в систему управления на местах, но правила и нормы их функционирования разрабатывались общественными комитетами, съездами, советами в каждой губернии.

Съезды и избравшиеся на них советы крестьянских депутатов пытались совместить всеобщность участия с принципом прямых выборов в уездные крестьянские съезды и советы. Часть их предлагала избирать волостные комитеты всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием на волостных сходах. Но подобные рекомендации нередко вели к нарушению всеобщности выборов, так как волостные сходы не могли собрать всех избирателей. Поэтому некоторые уездные крестьянские съезды рекомендовали избирать волостные комитеты непосредственно на сельских сходах и собраниях. Другие считали необходимым созывать для избрания волостных комитетов не сходы, а волостные съезды. Подобные рекомендации обеспечивали всеобщность выборов, но нарушали принцип прямого избрания, потому что устанавливали двухступенчатость голосования.

Конституирование сельского самоуправления продолжалось в течение всего 1917 г. Первый съезд представителей крестьянских комитетов Самарской губернии разработал «Правила» организации власти в сельской местности. Он рекомендовал сельские комитеты избирать «сельским сходом, в котором участвуют все граждане селения обоего пола, достигшие 20-летнего возраста»⁴. Таким образом, он не только восстанавливал общинный демократизм, придавленный царским администрированием, но и существенно его расширял за счет наделения избирательными правами женщин и снижения возрастного ценза избирателей.

⁴ Там же. Ф. 820. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.

Сложнее было губернскому съезду выработать общую инструкцию по выборам волостных комитетов, так как многие из них уже были сформированы в разных уездах и волостях по-разному. Это зависело от местных условий: удаленности от волостного центра, состояния дорог и, следовательно, средств связи, социальной активности населения разных сел, которая в свою очередь определялась разнообразными особенностями их экономического развития, национального состава, вероисповедания и даже категории до-реформенного состояния крестьян. На съезде были выработаны нормы представительства на губернские съезды, делегаты которых должны избираться «прямым, равным, тайным, всеобщим голосованием по одному делегату на 10 тыс. человек населения»⁵. На практике выборы делегатов не только на крестьянские съезды, но и в волостные исполнительные комитеты не были всеобщими, а голосование чаще всего осуществлялось не тайным, а открытым способом.

В Симбирской губернии «Правила по устройству и деятельности сельских и волостных исполнительных комитетов» были разработаны в канцелярии губернского Комиссара⁶. 6–7 мая 1917 г. состоялся Симбирский губернский съезд уездных комиссаров и председателей уездных земских собраний, которыми являлись одни и те же лица. Он принял постановление об организации власти в губернии⁷. Эта инструкция не только разрабатывалась, но и утверждалась административными структурами без привлечения общественности. В ней не были отражены реалии революционного времени, формирование волостных исполнительных комитетов осуществлялось путем утверждения на волостном собрании предложенных кандидатур, которые сельскими обществами заранее не обсуждались. Не случайно уездные съезды, на которых было больше выборных от крестьян, по всем обсуждавшимся вопросам принимали более радикальные решения. В волостных исполнительных комитетах появились новые лица: солдаты-отпускники, выборные от сельских обществ, рабочие мелких предприятий обрабатывающей промышленности, не потерявшие связей с деревней.

Строительство сельского самоуправления в Саратовской губернии осуществлялось с привлечением всех общественно-

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ ГАУО. Ф. 677. Оп. 2. Д. 12. Л. 11, 12.

⁷ Там же. Д. 31. Л. 8, 9.

политических сил, объединенных в исполнительные комитеты. 26–29 марта 1917 г. на съезде представителей уездных и городских исполнительных комитетов Саратовской губернии были разработаны их принципы, нормы и функции. Отметив временный характер комитетов, съезд подчеркнул, что исполнительные комитеты более демократичны, нежели существующие земства и думы. Для сельской местности альтернативы для новой организации общества после падения царизма и вовсе не существовало. В резолюциях съезда подчеркивалась также полная автономность исполнительных комитетов по местным делам в пределах своего территориального образования. Подчиненность комиссаров, являвшихся по постановлениям съезда должностными лицами, реализующими функции исполнительной власти, предусматривалась снизу доверху от волости до губернии, но осуществлялась она только «по делам общего управления»⁸.

В постановлениях съезда исполнительных комитетов была детально разработана структура временной реорганизации земского самоуправления. Она предусматривала избрание «в каждом селении из числа его жителей <...> сельской управы», власть которой распространялась «на всю территорию, отнесенную к определенной избирательной единице, независимо от того, кому принадлежит земля. <...> Самоуправляющейся единицей является селение, имеющее не менее 300 избирателей <...> имеющие менее 300 избирателей или примыкают к ближайшему более крупному селению, или соединяются по несколько вместе <...> В состав сельской управы входят не менее 3 лиц, а именно: староста и 2 члена управы, избираемые на сельском собрании (сходе). Участниками собрания (схода) являются все жители данной избирательной единицы без различия пола, сословия, вероисповедания и национальности, достигшие 21-летнего возраста, проживающие в данном избирательном округе не менее 3 месяцев <...> Коренные жители <...> вернувшиеся с фронта имеют избирательные права безотносительно ко времени проживания в данной местности». «Там, где такого избрания произвести не представляется возможным по техническим соображениям, волостная управа избирается волостным

⁸ Государственный архив Саратовской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3870. Л. 4.

собранием», в состав которого «входит по 1 представителю на каждые 100 избирателей сельского собрания»⁹.

В условиях, когда большинство волостных и сельских комитетов уже сформировалось, существенно изменился порядок организации уездных и губернских крестьянских съездов, на которых утверждались правила их функционирования. Делегатов на съезды стали выбирать непосредственно на сельских сходах и собраниях, давая им наказы по всем злободневным вопросам крестьянской жизни. Крестьянскому самоуправлению в наказах отводилась ведущая организационная роль в достижении главной цели аграрного движения – «земли и воли». Крестьянские делегаты, избранные односельчанами, а не кооптированные различными политическими партиями, союзами, группами, требовали полной самостоятельности низовых комитетов не только при решении всех местных дел, но и при определении вопросов общегосударственного значения¹⁰.

Сельские и волостные исполнительные комитеты были организующими крестьян органами местного самоуправления, с помощью которых устраивались сельские митинги и волостные собрания. После февраля 1917 г. в деревню направились многочисленные агитаторы, командированные партийными, профессиональными, общественными организациями из Петрограда, Москвы, губернских городов. В результате массовой партийно-политической пропаганды крестьяне сделали вывод о том, «что слепо доверяться и партиям нельзя» [7, с. 44].

Они начали переизбирать сначала сельские, а затем и волостные исполнительные комитеты. Анализируя ситуацию в деревне, Пензенский губернский комиссар отмечал, что первоначально в состав волостных комитетов «вошла интеллигенция, но затем стали раздаваться голоса против нее и уже в середине апреля повсеместно в комитетах состав исключительно был из крестьян». В Саратовской губернии с марта по май 1917 г. было переизбрано до 70 % волостных исполнительных комитетов. После перевыборов изменялся состав крестьянских комитетов – из общесословных они стали общекрестьянскими. В той же Пензенской губернии уже в начале апреля волостные комитеты состояли, «за некоторыми исключениями, из крестьян». Например, в Краснослободском уез-

⁹ Там же. Л. 4, 5 об.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 98. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

де 16 из 20 волостных комитетов состояли из одних крестьян и лишь в 4-х были представители сельской интеллигенции.

Сословное обособление низовых крестьянских комитетов означало отступление от демократизации сельского самоуправления. Конечно, выходя за пределы «мира», сельские общества стремились решать актуальные задачи общественной жизни страны. Однако, используя политическую конъюнктуру переживаемого момента, некоторые из них рассматривали крестьянские комитеты как органы, через которые можно просто удовлетворить потребительские нужды или свести счеты с односельчанами, не спешащими признавать революционные изменения.

Примечателен в этом плане приговор Борисоглебского сельского общества Каймарской волости Казанской губернии и уезда, обсуждавшего 21 мая 1917 г. в числе других «вопрос об однообщественниках, не признающих власти нового Временного правительства <...>, а также распускающих разные суеверные слухи, что <...> народился антихрист, который находится в составе правительства <...> возбуждают народ и на почве продовольственной, говоря, что если бы был старый царь, то нам все бы давали, а теперь правительство <...> совместно с купцами наложили на все высокие цены <...>. Принимая во внимание все вышеизложенное, считаем таких людей вредными для государства и нашего общества. Мы постановили, что все, что будем получать через посредство волостного и сельского комитетов, как то: дрова, чай, сахар, муку и прочее <...> лишить прав на получение тех, кому не нужны органы нового управления <...>, а волостной комитет просим обратиться куда следует, дабы были приняты меры к прекращению вредной агитации»¹¹. Далее сход перечислил восемь сельских оппозиционеров новой власти, а волостной комитет зарегистрировал этот приговор.

Для выполнения даже самых общих обязательств по организации управления в сельской местности необходимо было решить вопрос финансирования волостных комитетов. Временное правительство неоднократно дебатировало этот вопрос. Желая теснее привязать эти часто самостийные, крестьянские организации к административным структурам Временного правительства на местах, часть чиновников настаивала на их государственном содержании.

¹¹ Там же. НА РГ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 34. Л. 189.

Однако средств Казначейства не хватало даже на финансовую поддержку губернских комитетов, которые вместе с уездными в большинстве сохранили статус общественных организаций. Поэтому содержание не только сельских, но и волостных комитетов осуществлялось за счет самообложения, которое до революции распространялось на надельные крестьянские земли.

В ходе преобразования самоуправления крестьяне потребовали распространения таких сборов на всех землевладельцев, промышленников, церковные земли. «Содержание волостных комитетов относится за счет волостных средств. Волостным комитетам предоставляется право с настоящего времени привлечь на равных для всех основаниях к обложению волостными сборами не облагавшиеся ранее этими сборами казенные, удельные, банковские, частновладельческие, монастырские, церковные земли, а также торгово-промышленные предприятия»¹². Такая система содержания выводила органы сельского самоуправления из системы местной администрации центральной исполнительной власти. С самого образования сельские и волостные комитеты в условиях финансовой независимости от власти могли претендовать на свободу действий. Они выбирали среди множества общественно-политических структур те, которые заявляли о поддержке крестьянских требований в революции.

Итак, Временному правительству не удалось сформировать четкую систему соподчинения органов власти и местного самоуправления. Фактически низовые комитеты проводили не правительственную, а крестьянскую политику. Обособленность крестьянского самоуправления проявилась уже в ходе его организации на новых началах «народоправства». В российской революции 1917 г. проявилось новое качество крестьянских общественных объединений: постановка и решение вопросов политической организации общества в масштабах всей страны. Сельские сход и волостные собрания, губернские и уездные крестьянские съезды активно обсуждали вопросы об отношении к Временному правительству, формах государственной власти и собственности, войне и мире. Они не ограничивались выражением своего мнения по названным вопросам, а принимали решения принципиального характера, предусматривавшие практические действия по реализации

¹² ЦГАСО. Ф. 813. Оп. 1. Д. 13. Л. 19.

сложившихся в крестьянской среде политических идеалов. Разумеется, общественно-политическая активность крестьян была направлена на решение земельного вопроса в соответствии с их представлениями.

Литература

1. *Герасименко Г.А.* Народ и власть (1917 год). М., 1995.
2. *Кабанов В.В.* Кооперация, революция, социализм. М., 1996.
3. *Кабытова Н.Н.* Крестьянские организации 1917 года в трудах отечественных историков // Аграрная история XX века: историография и источники. Самара, 2014. С. 438–448.
4. *Кабытов П.С.* Новейшие исследования по аграрной истории Поволжья второй половины XIX – начала XX в. // *Кабытов П.С.* Историк в прошлом и настоящем: историографические очерки, исследования и публицистика. Самара, 2016. С. 218–226.
5. *Кострикин В.И.* Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.
6. Протоколы II Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и Протоколы общегубернского всесословного съезда с 28 мая по 6 июня 1917 г. Самара, 1917.
7. *Седов А.В.* Крестьянские комитеты в 1917 году: идея, организация, статус. Саратов, 1990.

Крестьянская революция и двоевластие в российской деревне (весна–осень 1917 г.)

В работе рассматриваются процессы становления и развития органов местного самоуправления в российской деревне, создаваемых в период с февраля по октябрь 1917 г. крестьянством и Временным правительством, взаимоотношения между ними и центральной властью.

Ключевые слова: революция 1917 г.; двоевластие; Временное правительство; крестьянство; община.

Понятие «двоевластие» применительно к революционным событиям в России традиционно связывают с коротким промежутком времени от падения самодержавия в феврале 1917 г. до прихода к власти большевиков в октябре 1917 г., когда на одном полюсе власти находилось Временное правительство, а на другом – советы рабочих и солдатских депутатов. Однако в российской деревне двоевластие появилось задолго до этого. Его истоки восходят к тем временам, когда официальной царской власти противостояла и как могла защищала себя от ее произвола традиционная власть крестьянской общины. Аграрные реформы Александра II приблизили центральную власть к деревенской «глубинке» созданием земских учреждений, но не ликвидировали ее отчуждение от крестьянской среды. В самой же этой среде с началом революции формируется широкая сеть органов крестьянского самоуправления, деятельность которых к февралю 1917 г. приобретает уже значительное многообразие (см.: [8; 9]).

После некоторого спада революции в годы Первой мировой войны поднимается новая волна крестьянского движения, которая выносит на новый качественный уровень крестьянское самоуправление, сосуществующее в деревне, как и прежде, наряду с органами самоуправления центральной власти.

Политическая ситуация, сложившаяся в деревне сразу после отречения Николая II от престола, заключалась в том, что крестьянство не просто встретило с одобрением факт падения царского самодержавия, но и развернуло активную работу по ликвидации его органов на селе, которая включала также уничтожение старого по-

¹ Романченко Валерий Яковлевич, доктор исторических наук, Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова, romanvja@yandex.ru, Россия, г. Саратов.

лицейского аппарата, изгнание из сел и деревень приставов, земских начальников и прочих чиновников прежнего правительства. Взамен этого формировались новые органы власти, создаваемые как самим крестьянством, так и Временным правительством: волостные правления, волостные и сельские общественные комитеты, земские собрания, советы и т.п. При этом органы власти, формируемые Временным правительством, постепенно эволюционировали в органы крестьянской власти. Одним из подтверждений тому является то, что в большинстве регионов страны без всякого согласования с «верхами» в течение весны-лета 1917 г. произошло вытеснение представителей зажиточного крестьянства, зачастую именуемых отрубщиками, из низовых крестьянских организаций. В этом проявилось наличие глубоких противоречий в среде самого крестьянства, враждебное отношение бедноты к зажиточной прослойке. Вот как наглядно охарактеризовал это товарищ министра земледелия эсер Н.И. Ракитников в выступлении на I Всероссийском крестьянском съезде: «Крестьяне крайне враждебно относятся к отрубщикам. Если крестьянин пошел на отруб, то будь он хоть бы и социалист-революционер, это для него такое пятно, что его уже не выберут ни на какую должность»². А вот как оценивали свое положение сами отрубщики. В их письме в газету «Саратовский листок» из села Сокур, в частности, говорилось: «Отрубщики ведь не хулиганы, а они, сокуряне, считают отрубщиков врагами: на выборы не пускают и голосовать права не дают»³.

Между тем многочисленные попытки Временного правительства навязать крестьянам всеобщий принцип выборов в местные органы власти, не увенчались успехом. Более того, противостояние беднейшего с зажиточным крестьянством возрастало, что проявлялось в открытых выступлениях бедноты против «отрубщиков». В Саратовской губернии, одной из самых активных по размаху крестьянских волнений, уже в июле 1917 г. большинство этих выступлений было направлено не против помещиков, а против зажиточного крестьянства. По сути, в период с февраля по октябрь 1917 г. в деревне разворачивается вторая социальная война. Главными формами этой войны были захваты земель и ликвидация отрубного землевладения. Губернские власти почти ежедневно получали жалобы отрубщиков на крестьян-общинников о том, что они отбирают паш-

² Земля и воля. Саратов. 1917. 8 июня.

³ Саратовский листок. 1917. 26 июня.

ни и сенокосы, рубят леса и запрещают пользоваться лесоматериалами, конфискуют хлеб, фураж, живой и мертвый инвентарь, угрожают расправой и приводят угрозы в исполнение, избивают отрубщиков и жгут их усадьбы. Не менее многообразными были методы борьбы крестьянской бедноты против помещиков. Примечательно, что крестьянские выступления приобретают все более организованный характер, а их инициаторами становятся органы крестьянской власти.

Нараставшее открытое выступление деревенской бедноты на помещиков и зажиточное крестьянство вызывало все большее сопротивление последних, заставляя их объединиться для защиты своих интересов. Наиболее значимой формой такой самоорганизации становится учрежденный в мае 1917 г. Всероссийский союз земельных собственников (ВСЗС). Уже к лету союз имел свои отделения в уездах Московской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Тульской, Курской, Тамбовской, пензенской, Рязанской, Владимирской, Орловской, Ярославской и Тверской губерниях. В дальнейшем подобные образования возникли и в других губерниях Европейской части России, а также на Дону, Кубани и на Украине. Главная задача ВСЗС состояла в защите частной собственности и в борьбе с крестьянскими комитетами, в которых преобладала беднота. В составе самого союза, как свидетельствуют документы, подавляющее большинство составляли не помещики, а зажиточные крестьяне. Однако они не сумели использовать созданную организацию для превращения ее в альтернативные органы власти. Обречена на поражение была и тактика их борьбы, которая в основном носила оборонительный характер и сводилась к требованиям Временному правительству принять решительные меры в отношении нарушителей их права собственности и пресечь самоуправство крестьян-общинников.

Что касается последних, то образованные ими органы власти, напротив, брали на себя все больше властных полномочий, в том числе и тех, которые традиционно были свойственны дореволюционным крестьянским учреждениям. Они организовывали снабжение армии продовольствием и лошадьми, арестовывали дезертиров и отправляли их в части, занимались ремонтом мостов и дорог, обеспечением книгами школ, наказывали лиц, нарушающих порядок.

Под жесткий контроль поставила крестьянская власть вопросы землевладения и использования земли. Многие комитеты создавали специальные комиссии, которым поручалось обследовать все

земли, выяснить реальные возможности землевладельцев, прежде всего, крупных по обработке земли. Нередко крестьянские комитеты обязывали крупных землевладельцев выполнять сельскохозяйственные работы в сжатые сроки. Если они не укладывались в отведенное время, весь оставшийся от засева клин переходил крестьянам. Так, Макаровский исполнительный комитет Балашовского уезда Саратовской губернии постановил: «Если владелец, имеющий более 40 десятин земли <...> до 1 июля ее не обрабатывает, то весь излишек земли поступает в распоряжение комитета»⁴.

Формирующиеся органы крестьянской власти обеспечивали выполнение своих решений, опираясь на создаваемые ими силовые структуры в виде народной милиции. Вопрос об отборе кандидатур и назначении на должность милиционера так же, как и большинство вопросов текущей жизни решался на сельских сходах, т.е. демократическим путем. Так как народные милиционеры избирались из числа односельчан, они пользовались безусловным доверием и осуществляли свою деятельность в их интересах. Именно отряды народной милиции, организованные в большинстве волостей, обеспечивали революционный порядок в деревне. На них же возлагалась обязанность отстранения от власти прежнего чиновничьего аппарата, в том числе полицейских и жандармов.

Самостоятельно решали сельчане и вопросы финансирования своей власти, поскольку Временное правительство отказалось брать на себя расходы на ее содержание. Основным источником доходов крестьянских комитетов были волостные сборы с земель хозяйствующих субъектов, входивших в границы волости. Размер такого налога определялся сметой расходов на текущий период, составленный волостным комитетом.

Одновременно и параллельно с самоорганизацией крестьянской власти на низовом уровне шла работа по организации крестьянских масс центральной властью. Эти два потока единого политического процесса возникли, существовали и развивались независимо друг от друга, по своим законам и со своими методами революционных преобразований. Возможно в силу разобщенности этих потоков, их слишком значительной обособленности друг от друга, крестьянство и центральная власть на этом переломном этапе аграрной истории так и остались двумя антагонистическими ее субъектами. Парадокс ситуации заключался в том, что обе ветви власти

⁴ Земля и воля. Саратов. 1917. 9 июля.

стремились к скорейшему проведению аграрных реформ, но в ходе борьбы за их осуществление все больше отдалялись друг от друга, превращаясь в две противоборствующие силы и углубляя тем самым уже существовавший политический кризис.

Извечно возникающий в таких ситуациях вопрос: кто в этом виноват, на наш взгляд, не имеет однозначного ответа. Традиционное обвинение во всех грехах Временного правительства является, по меньшей мере, излишне категоричным точно так же, как и обвинение большевиков, влияние которых на крестьянство в это период было незначительным. Несомненно, подливали масла в огонь разгоревшегося пожара революции разгул крестьянской вольницы и углубление противоборства крестьян-общинников против зажиточного крестьянства. И все это на фоне не популярной уже в народе мировой войны, обострявшей все внутривнутриполитические противоречия в стране. Каждый из этих факторов (а перечень их можно было бы продолжить) играл свою роль в назревании революционной ситуации, но не имел решающего значения. Лишь в своей совокупности они составляли ту горючую смесь, которая способна была при определенных условиях взорвать относительно мирное течение демократических преобразований.

Однако, вернемся к центральной власти и посмотрим: в какой мере она оказалась способной ответить на вызовы сложившейся ситуации, насколько отвечали ее действия требованиям времени и как они повлияли на дальнейшее развитие политического процесса. Ограничивать рассмотрение данного вопроса только аграрными преобразованиями Временного правительства означало бы сузить тот политический фон, на котором они происходили. Между тем принципиальное значение имеет ответ на вопрос: насколько далеко зашел процесс проведения институциональных реформ после падения самодержавия? Представляется, что нередко высказывавшееся в советской, да и постсоветской историографии мнение, что Временное правительство затягивало проведение реформ, запаздывало с их проведением в политической сфере вряд ли можно считать состоятельным.

Именно в этой сфере в кратчайший срок был сделан огромный рывок вперед в направлении установления в России демократии. Этот качественный рывок сразу же был отмечен Лениным после возвращения в апреле 1917 г. из-за границы. «Россия, – писал он, – сейчас самая свободная страна в мире из воюющих стран» [3,

с. 114]. Политические свободы, законодательно закрепленные Временным правительством, представляли широчайшие возможности для извечного стремления «низов» и, в частности, крестьянства к самоорганизации, что и было реализовано формированием органов местной крестьянской власти и все большим расширением сферы их деятельности. Вместе с тем, были созданы условия для организации альтернативных политических образований в системе центральной власти. При этом особенно важно, что и те, и другие, т.е. низовые и центральные органы власти формировались и функционировали при прямом участии и поддержке Временного правительства. Напомним, что волостные комитеты, сыгравшие столь значительную роль в организации крестьянской власти в губерниях, были образованы на основании принятого 19 марта 1917 г. постановления Временного правительства о волостном управлении. Князь Г.Е. Львов, бывший в то время главой правительства, подчеркивал, что программа Временного правительства в области местного самоуправления была «составлена властными указаниями самой жизни. В лице местных общественных комитетов и других подобных организаций она создала уже зародыш местного самоуправления до создания новых его органов» [4, с. 61].

Безусловной заслугой Временного правительства было принятие серии законов, открывавших простор для деятельности еще одной своеобразной формы крестьянской самоорганизации – сельских кооперативов. 20 марта 1917 г. был принят закон «О кооперативных товариществах и их союзах», в июне «О регистрации товариществ, обществ и союзов» и в августе «О съездах представителей кооперативных учреждений». По сути, это были первые в стране специальные законы о кооперации, регламентирующие ее деятельность. Не лишне будет заметить, что первый из названных законов был принят Государственной думой третьего созыва еще в 1916 г., но он не вступил в силу, поскольку не был утвержден царским правительством. Между тем значимость этих законов трудно переоценить. В своей совокупности они обеспечивали кооперации режим наибольшего благоприятствования, свободу хозяйственной и общественной деятельности, представительство – участие в разработке и проведении в жизнь кооперативной и общей экономической политики на правительственном и других уровнях государственной власти.

Принятие кооперативных законов дало мощный толчок дальнейшему подъему кооперативного движения в России. Подтвер-

ждением тому может служить деятельность союза потребительских обществ Саратовского края, торговый оборот которых с апреля по декабрь 1917 г. увеличился со 101 до 1579 тыс. руб. [1, с. 26]. В целом же к октябрю 1917 г. Россия вышла на первое место в мире по числу потребительских обществ и численности их членов. Помимо потребительской активно развивалась кредитная, снабженческая, производственная и другие виды кооперации. Большинство из них было сосредоточено в сельской местности. Рост численности и укрепление правовой базы деятельности сельской кооперации оказывали, в свою очередь, позитивное влияние на развитие крестьянской самоорганизации. Так, широкое развитие кооперации в Ярославской губернии позволило ей организовать всегубернский крестьянский съезд, определивший перспективы формирования органов крестьянского самоуправления.

В Кургане представители 1800 кооперативов, объединявших 350000 крестьян, организовали уездные комитеты общественной безопасности. Они занимались смещением царских чиновников, организацией местных отрядов народной милиции, боролись с самогонварением [6, с. 120]. В ряде губерний кооператоры инициировали организацию советов крестьянских депутатов, оказывали материальную помощь крестьянским комитетам, организовывали перевыборы в земское самоуправление, продовольственные комитеты. Самим фактом своего существования сеть кооперативных организаций в деревне способствовала росту финансовой независимости крестьянства от центральной власти и тем самым укрепляла позиции органов крестьянского самоуправления. Таким образом, хотя по своим принципам, лежащим в основе деятельности кооперативов, они не должны были вмешиваться в политику, на деле в этот период активно участвовали в политической жизни деревни, вовлекая в нее многочисленные массы крестьянства.

Тогда же – в марте 1917 г. – при поддержке Временного правительства возобновил свою работу созданный еще в годы первой революции Крестьянский союз. Его руководство в лице Главного комитета Союза позиционировало себя как центральный орган всей крестьянской власти в стране, стремясь объединить своей аграрной программой все социальные слои сельского населения. Эта программа включала в себя и требования о конфискации помещичьих, монастырских, церковных, кабинетских и государственных земель, и положения об отмене частной собственности на землю и национа-

лизацию земли. В своем воззвании «Ко всему крестьянству» Главный комитет призвал поддержать Временное правительство, воздерживаться от посягательств на чужую собственность и свободу и немедленно приступить к организации волостных комитетов Всероссийского крестьянского союза [7, с. 428]. Воззвание было опубликовано в газете «Русские ведомости» 12 марта, а уже 13 марта на совещании с участием членов Главного крестьянского комитета, Центральным бюро содействия союзу было принято заявление об организации Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Идея организации Совета была поддержана Временным Правительством и Петербургским Советом рабочих и солдатских депутатов. При этом первоначально предполагалось, что советы должны быть временными организациями и создаваться для поддержки деятельности Временного Правительства.

Тем не менее процесс создания советов был запущен и уже в марте на крестьянских съездах стали создаваться губернские советы крестьянских депутатов. Заметный толчок формированию крестьянских органов власти в форме советов был дан Всероссийским крестьянским съездом советов, проходившим с 4 по 28 мая 1917 г. Одним из важнейших результатов его работы было принятие «Положения о советах крестьянских депутатов», которые объявлялись органами крестьянской власти, предназначенными для объединения крестьянства, представительства его интересов в правительстве и общественных организациях, контроля над действиями Временного Правительства и проведения в жизнь аграрных преобразований, прежде всего, в области поземельных отношений. Примечательно, что съезд рекомендовал в целях централизации крестьянской власти там, где возникали организации Крестьянского союза, немедленно преобразовать их в советы крестьянских депутатов⁵. К 15 июля советы крестьянских депутатов были организованы в 50 губерниях и 371 уезде. В них вошли большинство организаций Крестьянского союза [5, с. 24].

Одновременно с проведением Всероссийского крестьянского съезда в мае происходит еще одно значимое для нашего исследования событие: образование первого коалиционного правительства, сформированного из руководства Временного правительства и членов президиума ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов. Условно это правительство вполне можно было бы назвать совет-

⁵ Саратовский листок. 1917. 21 июня.

ским, так как все его шесть министров были одновременно членами Совета рабочих и солдатских депутатов. Объективно это создавало условия для сближения позиций представителей центральной власти, в том числе по развитию крестьянского самоуправления, а их политика по данному вопросу была направлена на укрепление крестьянской власти на местах. По меньшей мере, ни высшие органы советской власти, ни Временное правительство не противодействовали этому в начальный период своего существования.

Что касается конкретных шагов Временного правительства по решению аграрного и, прежде всего, земельного вопроса, то они на данном этапе революции также отвечали интересам большинства крестьянства. Чтобы убедиться в этом достаточно вспомнить хотя бы некоторые решения, которые принимались им в первые месяцы и даже недели существования пост самодержавной России. 16 марта Временное правительство издает Постановление о национализации земель и других имуществ удельного ведомства и порядке управления ими. Речь шла о передаче государству 7,1 млн дес. земли, находившейся в собственности царской фамилии. Доходы от эксплуатации этих земель и расположенного на них имущества должны были поступать в распоряжение специально созданного особого земельного отдела по управлению именными, сахарными заводами, виноградными предприятиями и прочим имуществом.

19 марта правительство принимает еще одно постановление по земельному вопросу, в котором ставилась в качестве первоочередной задача подготовки земельной реформы, практическая разработка которой поручалась министерству земледелия [7, с. 439]. Для урегулирования земельных отношений постановлением от 23 марта правительство ставит задачу проведения земской реформы, а в апреле 1917 г. принимает постановление об организации губернских, уездных и, по желанию крестьян, волостных земельных комитетов. Но их функции изначально ограничивались сбором статистических и других сведений о состоянии землевладения и землепользования в губерниях для подготовки проектов аграрных законов к Учредительному собранию [5, с. 42]. Что касается «сельской глубинки», то в ней сразу же стали создаваться свои земельные комитеты, которые сами крестьяне стали наделять широкими полномочиями вплоть до конфискации помещичьих земель.

Тем не менее, оценивая впоследствии проведенную Временным правительством работу, один из главных ее участников, а впо-

следствии и глава правительства А.Ф. Керенский писал: «Меры, предложенные Временным правительством, носили революционный характер, ибо предусматривали полную передачу земли тем, кто ее обрабатывает <...> Это недвусмысленное решение в пользу крестьян вызвало ярость крупных помещиков, а их стремление сорвать земельную революцию стало одним из тех мотивов, которые стояли за попыткой свергнуть в августе Временное правительство»[2, с. 156–157].

Не в полной мере соотносится с практическими шагами Временного правительства и часто употреблявшееся в литературе мнение о жестких карательных мерах, предпринимаемых им для подавления крестьянских выступлений. По крайней мере в начальный период его деятельности обнаруживается стремление центральной власти решать острые вопросы путем компромиссов и соглашений. Уже в первом программном документе Временного правительства – Декларации, обнародованной 3 марта, содержалось заявление о немедленной и полной амнистии всех участников «аграрных преступлений» [7, с. 419].

Когда спустя неделю военный и морской министр А.И. Гучков поставил на обсуждение вопрос о направлении войск против крестьянских волнений в Казанской губернии, правительство признало «употребление оружия» для подавления аграрных беспорядков недопустимым и обратилось «ко всем местным общественным организациям и лицам, пользующимся доверием населения, с просьбой оказать содействие для вразумления и успокоения крестьян» [7, с. 431]. В дальнейшем в ответ на просьбы прислать войска для подавления крестьянских выступлений, поступавшие из губерний, чаще всего правительство отдавало решение этого вопроса на откуп местных властей. Но нередко, даже если такое решение на местах и принималось, оно не приводилось в жизнь, т.к. солдаты все чаще отказывались исполнять подобные приказы.

Очевидно, что общий вектор политики центральных властей, направленный в марте-июне 1917 г. на мирное развитие революции отражал взгляды и позиции политических партий, которые они представляли. Подавляющее их большинство и, прежде всего, партия эсеров, имевшая в то время наибольшее влияние в крестьянской среде и значительный вес в правительстве, выступали за скорейшее и радикальное решение аграрного вопроса. Однако дальнейшее углубление революции, которое эти партии зачастую невольно под-

талкивали, сопровождалось все большей поляризацией политических сил. При этом их размежевание происходит и в системе центральной власти: от коалиции к открытому противостоянию Временного правительства с советами рабочих и солдатских депутатов, а затем и с советами крестьянских депутатов; и в системе местного самоуправления между представителями беднейшего и зажиточного крестьянства, эсеро-меньшевистским и большевистским представительством в деревне, и во взаимоотношениях между центральной и местными органами власти.

После июльского кризиса Временное правительство все чаще прибегает к силовому способу разрешения конфликтов, возникающих в деревне, принимает ряд решений, ущемлявших деятельность земельных, исполнительных комитетов и других органов крестьянского самоуправления. С другой стороны, органы крестьянской власти в своих резолюциях, решениях все больше высказывают недовольство политикой Временного правительства и игнорируют его решения.

Противоборство между «верхами» и «низами» усиливается и по частным, но значимым для того времени проблемам. Одной из таких проблем была продовольственная. В конце марта постановлением Временного правительства во всех губерниях предписывалось создание специальных административных единиц волостных, уездных и губернских продовольственных комитетов. Однако на низовом уровне подобные структуры либо не были организованы вообще, либо оказались под контролем сельских и волостных исполнительных комитетов. Кроме того, нередко вновь образованные продовольственные комитеты передавали свои полномочия исполнительным комитетам на основании решений сельских сходов. Например, Никольский волостной сход Кузнецкого уезда Саратовской области, заслушав вопрос о деятельности продовольственного комитета, постановило: «Так как организация отдельного комитета сопряжена с дополнительными денежными расходами, продовольственное дело возложить на волостной исполнительный комитет, Президиум которого будет президиумом продовольственного комитета»⁶.

Таким образом, к осени 1917 г. уровень крестьянского самоуправления был настолько высок, что оно вполне обходилось без «заботы о нем» Центральной власти. Что касается Временного правительства, то оно своими действиями объективно лишь усиливало

⁶ Саратовский листок. 1917. 14 сент.

крестьянскую власть. Развитие данного процесса на фоне усиливающегося паралича значительной части местных органов центральной власти и эффективности деятельности крестьянского самоуправления превращали десятилетиями существовавшее в российской деревне двоевластие (государственная и общинная власть) в крестьянское единовластие.

Однако в ходе дальнейшего противоборства политических сил происходило все большее сосредоточение власти и в центре, и на местах в руках большевиков. Временное правительство, не успевшее оседлать мощную и скоротечную волну революционного процесса, не сумевшее укрепить свою власть тесными связями с низовыми организациями в деревне, было без особых усилий сметено этой волной с исторической арены. В свою очередь, крестьянство, поддержавшее большевиков, обещавших немедленно решить все их насущные проблемы, в конечном счете, оказалось в крепостной зависимости от большевистской власти. Демократические институты власти в лице советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с осени 1917 г. постепенно превращаются большевиками в органы борьбы с политическими оппонентами и уступают место их диктатуре.

Литература

1. Бурутин В.К., Бородин И.Ф., Титаев В.Н., Романченко В.Я. Жива и будет жить. 80 лет потребительской кооперации Саратовской области. Саратов, 1996.
2. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: мемуары / Пер. с англ. М., 1993.
3. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 31. С. 13–118.
4. Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
5. Осипова Т.Н. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.
6. Посадский А.В. Военно-политические аспекты самоорганизации российского крестьянства и власть в 1905–1945 годах. Саратов, 2004.
7. Революционное движение в России после свержения самодержавия: документы и материалы. М., 1957.
8. Романченко В.Я. К вопросу о самоорганизации российского крестьянства в революции 1905–1907 гг. // Россия – СССР – РФ в условиях реформ и революций. XX–XXI вв.: материалы междунар. науч. конф. 27 мая 2016 г. Саратов, 2016. С. 20–25.
9. Романченко В.Я. Российское крестьянство и власть в Первой мировой войне // Научный проект «народ и власть». М., 2016. Вып. 5. Русское крестьянство и Первая мировая война. С. 357–372.

Крестьянский «мир» в революции 1917 года (на материалах Тамбовской губернии)

Дан анализ крестьянского движения 1917 г. в Тамбовской губернии. Установлены формы и методы борьбы тамбовских крестьян за землю. Выяснена роль сельской общины в аграрных беспорядках.

Ключевые слова: революция 1917 г.; крестьянство, община; аграрное движение; Тамбовская губерния.

Проблема революции 1917 г. и ее составляющей, крестьянского движения, продолжает оставаться для исследователей актуальной. В частности, рядом историков была признана существенная роль в революционном процессе общины и общинного менталитета крестьянства, подлинной идеологией деревни был назван традиционализм, а не революционность.

Цель настоящей статьи состоит в изучении роли крестьянской общины в революционных событиях 1917 г. Исследование направлено на решение следующих задач: выяснение характера и форм аграрного движения в Тамбовской губернии; оценка ответственности общинных методов борьбы за землю; анализ деятельности губернских властей по борьбе с захватом земли и погромами имений; установление значения «Распоряжения № 3» на процесс земельного передела. Новизна настоящего исследования обусловлена введением в научный оборот ранее неиспользованных источников, содержание которых позволяет внести существенные коррективы в традиционную оценку значения крестьянского движения в Великой русской революции.

Развитие событий в деревне после февраля 1917 г. доказало живучесть общинных традиций. Для обозначения того, что происходило на селе, некоторые историки использовали понятие «общинная революция», подразумевая под ним сопротивление общинного традиционализма власти, сделавшей ставку на индивидуализацию землевладения и форсированное развитие капиталистических отношений.

Падение царской власти развязало руки крестьянам в захвате помещичьих земель. Деревня ожидала от Временного правительства

¹ *Безгин Владимир Борисович*, доктор исторических наук, Тамбовский государственный технический университет, vladuka62@mail.ru, Россия, г. Тамбов.

справедливого и скорого решения земельного вопроса. Но цейтнот, в котором оказалась власть в деле подготовки аграрной реформы, подтолкнул крестьян к самовольному захвату владельческих и иных земель. Тамбовское крестьянство было одним из лидеров этого движения. Решающим условием общинного «мятежа» явился захват крестьянами пахотных земель и изгнание прежних владельцев. Проведенная явочным порядком «социализация» на некоторое время сделала «миры» единственными властителями на земле.

Аграрные беспорядки начались в Тамбовской губернии уже в начале весны. Крестьянские выступления в марте были отмечены в половине уездов губернии. Активными участниками движения стали солдаты воинских частей, расквартированных на территории губернии. Их участие в аграрных беспорядках, как правило, сопровождалось применением насилия. Так, владелица имения при с. Вельможино Кирсановского уезда г-жа Горяинова в телеграмме от 9 марта 1917 г., прося защиты, утверждала, что «солдаты взяли лошадей и сбрую и отдали крестьянам, а управляющего избили»².

17 марта 1917 г. губернский комиссар Давыдов докладывал министру внутренних дел, что «потрясения ограничились беспорядками в Кирсановском уезде, произведенными солдатами, оставленными в критический момент начальством без руководства и разбежавшимися по уезду. В грабежах имений Маркова, Рейтерна, Горяиновой принимали участие только солдаты, из населения присоединились лишь хулиганы»³. Тремя днями ранее уездный комиссар информировал губернское начальство, что «солдаты грабили скот, фураж и домашние вещи». Он также сообщал о том, что в «местной тюрьме содержатся 4 солдата за грабеж, 3 за кражи, 11 человек за разграбление имений и один за поджог»⁴. Из телеграммы от 28 марта 1917 г. в адрес Временного правительства явствует, что «принятыми мерами разгром имений в Кирсановском уезде прекращен, виновных задержано двадцать три, содержатся в тюрьме, беспорядки совершались исключительно разбежавшимися солдатами»⁵. Жесткая реакция со стороны губернской власти несколько остудила пыл погромщиков, да и местные крестьяне пока занимали выжидательную позицию. Она, по мнению исследователя О.А. Суховой,

² Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 1058. Оп. 1. Д. 21. Л. 20.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

была обусловлена как боязнью репрессии, так и присущим для массового сознания крестьян консерватизмом» [3, с. 451–452].

Затишье было недолгим, и в начале апреля выступления против помещиков вспыхнули с новой силой. О сильном волнении крестьян Котеленской и Черменской волостей под предводительством отпускных солдат 10 апреля 1917 г. поступили известия из Елатомского и Темниковского уездов губернии⁶. «Масло в огонь» добавили прибывшие в родные села для полевых работ солдаты-отпускники. Их «правда» о падении самодержавия фактически и стала сигналом для «черного передела» [3, с. 442]. Таким образом, именно солдаты как отпускники и дезертиры, так и местных гарнизонов оказались в первых рядах борцов с помещичьим землевладением, возглавив «общинную революцию».

Другим фактором роста радикальных настроений в деревне стало создание новых органов власти на местах. Со стороны власти крестьяне поддерживали лишь те инициативы, которые соответствовали их менталитету. Постановление Временного правительства от 19 марта 1917 г. об образовании на местах волостных комитетов, был воспринято крестьянством как призыв к созданию «своей» власти. Состав сельских и волостных комитетов избирался местными жителями на сходах соответствующего уровня. Именно эти низовые органы исполнительной власти придавали легитимный характер захватным действиям. Крестьяне быстро оценили преимущества «своей» власти в деле ликвидации помещичьего землевладения.

Первым шагом стала борьба за справедливую плату за арендованную у помещиков землю. Известия о принуждении помещиков сдавать землю в аренду по фиксированной цене поступали из уездов губернии с завидной регулярностью [1, с. 41, 49, 50]. В ряде мест решение о понижении арендной платы уездными комитетами в дальнейшем подвергалось существенной корректировке посредством инициативы «снизу». Так, Кирсановский уездный комитет постановил понизить арендную плату на 25 %, а волостные понизили эти цены на 60 %, местами крестьяне захватывали землю даром⁷.

Крестьяне, как правило, не договаривались с землевладельцами, а диктовали им свои требования. Так, помещик Васильев-

⁶ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 39. Л. 76.

⁷ ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 71. Л. 1.

ской волости Кирсановского уезда П.И. Арсеньев сообщал губернскому комиссару, что 11 апреля он был приглашен на волостной сход, где ему Комитетом было заявлено о снятии всех военнопленных, не допуске рабочих, и предложено сдать землю в аренду гражданам⁸. Землевладелец с. Карай-Салтыково Перовский 20 апреля 1917 г. отправил телеграмму следующего содержания: «В моем имении Салтыковском происходят серьезные беспорядки. Снимают рабочих, служащих. Требуют хлеба, лошадей». Наряду с понижением арендных платежей, под давлением крестьян землевладельцы вынуждены были повысить поденную плату наемным работникам. Требование об увеличении поденной платы выдвигалось на сельских сходах во всех уездах [2, с. 145]. Благодаря солидарным действиям сельских обществ и земельных комитетов, местным помещикам не оставалось иного выбора, как принять крестьянские требования.

В конце весны 1917 г. крестьяне, не удовлетворившись достигнутым, прибегли к мерам по «выдавливанию» из деревни помещиков. Все эти действия явно носили характер «зондажа» с целью выяснить реакцию новой власти. С учетом сезона полевых работ приемы, которые использовала община, были вполне предсказуемы. Это потрава барских лугов, самовольная запашка ярового клина господской земли и т.п. Так, например, 6 мая 1917 г. Васильевское волостное собрание (фактически волостной сход) разрешило крестьянам выгонять скот на выпас луга помещика Арсеньева¹⁰. Из телеграммы уездного комиссара Елатомского уезда от 15 мая 1917 г. следовало, что «крестьяне Петрослободки, Вознесенки, Раковки, Соловьяновки травят луга посевного клевера имения Демидовых¹¹. Управляющий имения Чернышовой 24 мая 1917 г. жаловался, что «крестьяне с. Рогожки травят луга, самовольно запахивают и не дают пахать пар»¹². 30 мая 1917 г. в с. Полтевые Пенки «толпой крестьян решено отбирать у помещиков землю и скот, разорить их»¹³.

Таким образом, крестьянские выступления в губернии весной 1917 г. сводились в основном к тому, чтобы затруднить или

⁸ ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 21. Л. 114.

⁹ Там же. Л. 135.

¹⁰ Там же. Л. 167.

¹¹ Там же. Д. 20. Л. 87.

¹² Там же. Л. 118.

¹³ Там же. Л. 155.

остановить работу в экономиях. С этой целью крестьяне препятствовали использованию сельскохозяйственных рабочих, а в ряде случаев и избивали управляющих именьями. Отмечались факты самовольной запашки барской земли, захвата частновладельческого скота и хищение господского инвентаря, но до погромов дело пока не доходило. Как правило, каждому такому «демаршу» предшествовало решение сельского схода, которое и санкционировало «самоуправство» крестьян.

С наступлением лета 1917 г. действия крестьян становились все более агрессивными, чаще звучали угрозы в адрес прежних владельцев. Землевладелец Мичурин в телеграмме от 13 июня 1917 г. сообщал, что «крестьяне угрожают убийством, погромом, лес расхищают, луга захвачены, племенной скот обречен на гибель»¹⁴. По сообщению от 17 июля 1917 г., в имении Апушкиной «крестьяне пустили стадо коров в огороженный сад, ломают деревья, изгородь, дерут лыко, бесчинствуют»¹⁵. Из заявления служащих экономии Шабер от 5 августа 1917 г. следует, что «крестьяне д. Глуховки Софинской волости явились в имение, запустили скотину на луга в люцерну и в сад, поломали деревья, избili служащих, творят бесчинства»¹⁶. Мария Ермолина сообщала, что в ее имении в с. Трескино Кирсановского уезда 7 августа 1917 г. крестьяне д. Назаровки самовольно захватили у нее сено и хлеб¹⁷.

Летом 1917 г. в губернии было зарегистрировано 358 крестьянских выступлений [1, с. 11]. В борьбе с землевладельцами жители села использовали весь арсенал «оружия слабых»: снятие урожая, захват продовольствия и фуража, потрава хлебов и лугов. Аграрное движение приобретало все более острые формы, в августе начались погромы имений, а местные помещики все чаще обращались в губернский центр с просьбой о присылке войск.

Жертвами захвата земли крестьянами становились не только помещики, но и все земельные собственники в целом. Крестьянская «жажда земли» помимо экономий распространялась на церковные земли и на земельную собственность хуторян и отрубников. Так, «13 мая 1917 г. в с. Акаева Темниковского уезда прихожане произвели захват причтовой земли насиланием»¹⁸. Священник

¹⁴ Там же. Л. 178.

¹⁵ Там же. Д. 21. Л. 271.

¹⁶ Там же. Л. 325.

¹⁷ Там же. Л. 331.

¹⁸ Там же. Д. 39. Л. 143.

Максим Гурьев 5 июня 1917 г. телеграфировал из Елатымы, что «сельским комитетом с. Иванчина самовольно отобрана причтовая земля и разделена обществом между собой»¹⁹. О том, что «крестьяне с. Дмитриевщина насильственно отнимают церковную землю» сообщал 3 июля 1917 г. священник с. Дегтянка Козловского уезда, и просил «принять меры для защиты церковной собственности от захвата»²⁰.

Волна «черного передела» буквально смела ростки индивидуального земледелия, возникшие в ходе аграрной реформы начала XX в. «Общинная революция» покончила со столыпинской реформой, почти полностью уничтожив ее результаты. А Временное правительство 28 июня 1917 г. по инициативе министра земледелия В.М. Чернова приняло решение, запрещающее разверстку земли и фактически частную собственность на землю. Сельские общества начали распределять между собой земли хуторян и отрубников. В заявлении крестьян – землевладельцев Павловской волости на имя Козловского уездного комиссара от 21 июля 1917 г. сообщалось, что общинники «не дают убирать хлеб, прогоняют с полей рабочих, выгоняют с хуторов владельцев». Из донесения в Липецкий продовольственный и земельный комитеты от 5 августа 1917 г. стало известно, что «крестьяне сел Горицы и Кореневщины Бутырской волости землю отобрали не только у крупных собственников, но даже у таких, у которых земли имеется не более 3–5 десятин»²¹.

Другой характерной чертой аграрных беспорядков лета – осени 1917 г. являлась массовая рубка крестьянами барского леса. О расхищении леса крестьянами сообщил в телеграмме от 13 июля 1917 г. землевладелец Елатомского уезда Мичурин²². Из доклада районного начальника 2-го участка Елатомского уезда Д. Гусева, датированного 28 августа 1917 г., следует, что «из леса, принадлежащего Языкову, Чубаровским, крестьянами вывезено около 300 возов древесины»²³. Землевладелец того же уезда Иванов 21 сентября 1917 г. телеграфировал в Тамбов о «самовольном массовом захвате местными жителями частных лесов, увоз хвороста-сушняка, а также и сырого леса»²⁴. Согласно донесению лесничего

¹⁹ Там же. Д. 20. Л. 155.

²⁰ Там же. Д. 38. Л. 154.

²¹ Там же. Д. 22. Л. 20.

²² Там же. Д. 20. Л. 178.

²³ Там же. Л. 389.

²⁴ Там же. Л. 262.

Теньгушевского лесничества Темниковского уезда от 19 сентября 1917 г., «крестьянами похищено более 10000 деревьев дубового и хвойного леса»²⁵. 4 ноября 1917 г. у владельца Герасимова Чернавской волости и того же села Кирсановского уезда крестьяне с Чернавка самовольно вырубili около двадцати десятин леса²⁶. Уездный комиссар Спасского уезда А. Хохлов в донесении от 7 октября 1917 г. признавал, что местная милиция совершенно бессильна бороться с массовой порубкой и расхищением как казенных, так и частновладельческих лесов²⁷. Показательны слова порубщиков, которыми они объясняли свои действия, говоря, что «им дана воля и свобода, и, поэтому рубят не казенный лес, будто свою собственность»²⁸.

Летом – осенью 1917 г. все сделки с землей на местах были прекращены. Документы свидетельствуют, что все прошения крестьян о сделках купли-продажи земельных наделов уездными земскими управами не утверждались²⁹. На местах неприятие частной собственности на землю было особенно явным. В протоколе Градо-Стрелецкого волостного земельного комитета читаем: «продажу земли считать недопустимым, т.к. создает рознь и междоусобие против трудового земледельческого крестьянства, а также земля никоим образом не должна считаться каким-либо товаром и подлежать продаже»³⁰.

Настроения крестьян конца лета 1917 г. хорошо иллюстрируют сообщения из Кирсановского уезда Тамбовской губернии. В нем, в частности, отмечалось: «Образовались волостные комитеты. Это водворило сознание в народе, что при новом праве, как выражались крестьяне, воля народа, высказываемая в комитетах, есть высший закон страны, и над постановлениями народоправства никакого контроля нет. Крестьяне выводили такое мнение ввиду того, что ни одно из постановлений комитетов как бы незаконно оно не было не отменено властью»³¹. О торжестве идеи «крестьянской» свободы на местах свидетельствует и доклад районного начальника 2-го участка Елатомского уезда Д. Гусева. В нем, в частности, говорилось: «Кре-

²⁵ Там же. Д. 39. Л. 387.

²⁶ Там же. Д. 21. Л. 435.

²⁷ Там же. Д. 26. Л. 369–369об.

²⁸ Там же. Д. 39. Л. 387 об.

²⁹ ГАРФ. Ф. 930. Оп. 1. Д. 40. Л. 16, 32, 36, 50.

³⁰ Там же. Л. 114.

³¹ Там же. Д. 71. Л. 143.

стьяне производят самоуправство и насилие: творят ежедневно дневные и ночные грабежи скота и инвентаря <...> На вопрос владельцев, почему они так делают, отвечали: “по распоряжению продовольственного комитета” <...> На убеждения и разъяснения всех распоряжений Временного правительства граждане не обращают никакого внимания»³².

Все чаще в ходе погромов крестьяне применяли физическое насилие. В том числе, и к представителям органов власти. Крестьяне д. Аниной Никольской волости Козловского уезда 24 августа 1917 г. схватили начальника милиции, связали и били милиционеров³³. А 28 августа 1917 г. был арестован и избит начальник одного из отделов в Елатомском уезде³⁴. Оценка потерпевшим произошедших событий весьма показательна. В своем докладе он отмечал: «Народ озверел до невозможных размеров. Силы у меня нет, приходится только составлять протоколы, на которые крестьяне не обращают никакого внимания, даже говорят: “Напрасно господин начальник тратишь бумагу, судов никаких нет, и быть не может. Придут солдаты с оружием и Вас вместе с владельцем порежут”. Свободу народ понял как свободу грабежа и насилия и непризнания властей»³⁵.

Апогей погромного движения в губернии пришелся на осень 1917 г. В сентябре было зарегистрировано 89 случаев разгрома имений, в октябре их было 36, в ноябре – 75 [1, с. 12]. Из Козловского уезда 13 сентября 1917 г. с отчаянием телеграфировали в губернский центр: «В уезде за три дня сожжено двадцать четыре имения. Организованные грабежи, поджоги продолжают, грозят распространиться на весь уезд. Присланная воинская команда, по видимому, бессильна. Грабители частью вооружены»³⁶. На совещании представителей общественных организаций, созванным Липецким уездным комиссаром 16 октября 1917 г. для выработки мер по борьбе с анархией, представитель от земельных собственников А.В. Бланк, вопрошал: «Какое это аграрное движение?! Просто население почувствовало, что может безнаказанно грабить, и действительность подтвердила это»³⁷.

³² ГАТО. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 20. Л. 389.

³³ Там же. Д. 38. Л. 244.

³⁴ Там же. Д. 20. Л. 389 об.

³⁵ Там же. Л. 389–389 об.

³⁶ Там же. Л. 296.

³⁷ Там же. Д. 22. Л. 202 об.

Значительную роль в борьбе со стихией крестьянских погромов сыграло известное «Распоряжение № 3». Документ предписывал проводить учет и брать под контроль частновладельческие экономии. В большинстве случаев (400, или 79 %) охрану брало на себя сельское общество, в 10 случаях она возлагалась на сельскую администрацию, в 24 – на земельный комитет [1, с. 14]. Таким образом, помещичьи имения не переставали быть под контролем крестьян.

В ряде мест общины противодействовали разгрому барских имений, беря их под свою защиту [2, с. 188]. Например, газета «Русское слово» в информации из Козловского уезда от 2 октября 1917 г. писала, что «среди общего разгрома имений остались совершенно нетронутыми два крупнейших имения – Вырубова и Рымарева. Уцелели они вследствие того, что на защиту рымаревского имения выступили крестьяне соседнего села Бибикова, а вырубовское имение взялись охранять крестьяне села Вырубова»³⁸.

В развитие крестьянских чаяний тамбовская уездная управа 5 декабря 1917 г. приняла постановление, действие которого было распространено на территорию всей губернии. Этим документом разрешалось волостным земельным комитетам производить сокращение хозяйств помещиков путем продажи части скота, инвентаря и построек инвалидам, солдаткам и беднейшим крестьянам.

Опираясь на эти постановления, крестьяне практически повсеместно произвели сокращение хозяйств, и перешли к их полной ликвидации. Так, на практике находили воплощение традиционные установки крестьянского менталитета. Инициатива крестьянских сходов, собраний, комитетов носила ярко выраженную антипомещичью направленность, отражала стремление сельского населения к немедленному решению земельного вопроса, обретения земли «без всякого выкупа».

Литература

1. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2003.
2. *Мещряков Ю.В.* Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. Тамбов, 2012.
3. *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.

³⁸ Русское слово. 1917. 4 окт.

Сельский социум 1920-х годов в материалах Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР

В статье на основе материалов федеральных и региональных архивов, поставлена проблема определения потенциальных информативных ресурсов комплекса документальных данных Наркомата РКИ РСФСР по обследованию взаимоотношений общины и сельского совета в 1920-е гг.

Ключевые слова: община; сельский совет; крестьянство; рабоче-крестьянская инспекция; источники.

Исследование советской доколхозной деревни невозможно представить без характеристики взаимоотношений двух главных организационно-оформленных составляющих аграрной повседневности сельского социума 1920-х гг.: частноправовой (община, по Земельному кодексу РСФСР 1922 г. – земельное общество) и публично-правовой (сельский совет). Этот своеобразный дуализм властных структур на селе, а главное обнаружившаяся к середине 1920-х гг. повсеместная зависимость официальных органов советской власти от земельных обществ по всем параметрам внутридеревенской жизни в канун предполагаемых глобальных социально-экономических преобразований приобретала в СССР острое политическое звучание и входила в противоречие с провозглашенными планами социалистического переустройства общества.

Общедоступными свидетельствами подобного положения были не только отдельные частные эпизоды, попадавшие в печать и выступления партийно-государственных лидеров, но и результаты ежегодных обследований низового советского аппарата. Далее с таким положением руководство страны мириться не могло. Требовалось убедительное, по возможности максимально представительное, обоснование предстоящих мероприятий по ограничению влияния общинных органов управления на сельские советы и на деревенскую жизнь в целом. В роли теоретической базы для этого выступило обследование Инспекции советского строительства Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР (НК РКИ) 1926–1927 гг. Показательно, что подобного рода исследование за первые десять лет после революции было предпринято

¹ Иванов Алексей Ананьевич, доктор исторических наук, Марийский государственный университет, anani@marsu.ru, Россия, г. Йошкар-Ола.

впервые. До него земельные общества относились к ведению Народного комиссариата земледелия, а сельские советы находились под наблюдением специальных структур ВЦИК и местных исполкомов.

Результаты обследования НК РКИ легли в основу выработки последующего законодательства по интересующему нас вопросу, причем динамика появления всех последующих нормативных актов была запрограммирована его выводами и, главное, предложениями [5]. При этом богатейший фактический материал, полученный в ходе обследования, особенно важный для изучения региональных аспектов этой проблемы, по-прежнему недостаточно востребован исследователями. Помимо отдельных статей [4, 5] и ссылок на наиболее яркие места итоговых документов обследования весь комплекс отложившихся в центральных и региональных архивах материалов малоизвестен (опубликованы документы только по Марийской автономной области [1]), особенно в археографическом и источниковедческом ракурсах. Именно в таком плане сама проблема впервые была поставлена на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [2, 3].

Обследование взаимоотношений сельских советов, сельских сходов и земельных обществ было предпринято в последние месяцы 1926 г., а подведение общесоюзных итогов завершилось весной 1927 г. Всего работами было охвачено 284 населенных пункта, 213 земельных обществ и 53 сельских совета, располагавшихся соответственно в 26 волостях (районах) 18 уездов (округов, кантонов) 10 губерний (областей, краев). Дополнительно были собраны сведения по Тамбовской губернии и некоторым местностям Украины, что в совокупности дало данные по 108 сельсоветам в 12 губерниях, 39 уездах и 25 волостях европейской части СССР. Таким образом, организаторы обследования попытались, по возможности, охватить наиболее показательные для различных экономико-географических зон административные субъекты, особо выделяя при этом национальные автономии. По РСФСР были представлены, не считая Тамбовской, Ленинградская, Новгородская, Тверская, Орловская, Сталинградская губернии, Северо-Кавказский край, Уральская область, Башкирская АССР, Марийская и Северо-Осетинская АО².

² ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 1. Д. 760. Л. 12.

Основные цели и задачи, параметры предстоящих работ были сформулированы в рабочей программе НК РКИ, разосланной на места 22 октября 1926 г. Общей целью обследования ставилось «установление основных положений, уточняющих права и обязанности и устраняющих параллелизм в работе сходов, сельсоветов и земельных обществ». Конкретно предполагалось изучить во-первых, роль общих собраний граждан, имеющих избирательные права (далее заменяемых понятием «сельсходов» – сельских сходов), и сходов земельных обществ (земсходов) в системе советских органов; во-вторых, выяснить условия, способствующие «столкновению компетенции сельских сходов с компетенцией сельсоветов и земельных обществ»³.

Выбор объектов обследования на губернском уровне определялся программой Инспекции советского строительства и местными реалиями. Были определены пять типов сочетаний официальных и неофициальных органов управления деревни: а) совпадение границ сельского совета, одного населенного пункта и одного земельного общества; б) объединение одним сельским советом нескольких населенных пунктов, входящих в одно земельное общество; в) совпадение границ сельского совета с одним населенным пунктом, состоящим из нескольких земельных обществ; г) объединение одним сельским советом нескольких населенных пунктов, каждый из которых состоит из одного или нескольких земельных обществ; д) объединение одним земельным обществом нескольких населенных пунктов, входящих в разные сельские советы⁴. Как показала действительность, все пять типов присутствовали не во всех административных образованиях. Особенно уникальным был последний из них, сохранившийся как «редкий исторический пережиток преимущественно в степной полосе»⁵.

В рамках решения поставленных целей и задач органам рабоче-крестьянской инспекции на местах предлагалось раскрыть три блока проблемных вопросов:

- взаимоотношения сельского совета и общего собрания граждан;
- взаимоотношения общих собраний граждан и сходов земельных обществ;

³ Там же. Оп. 11. Д. 1006. Л. 59.

⁴ Там же. Л. 60–61.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 760. Л. 56.

– взаимоотношения сельского совета и земельного общества.

Каждый блок включал от двух до пяти конкретных положений. Например, давая оценку взаимоотношениям сельсходов и земсходов необходимо было пояснить: «1) не отождествляются ли общие собрания граждан со сходами земельных обществ; причины отождествления: неясность законодательства или условия социального и бытового характера; 2) если сельсходы отличаются от земсходов, то по каким признакам проводится различие и состава и компетенции. Выясняя соотношение компетенции сельских советов и земельных обществ, требовалось ответить на вопросы: «1) в какой мере становится сельсовет исполнительным органом земобщества; 2) не вторгается ли сельсовет в компетенцию земобщества; 3) не отождествляются ли уполномоченные земобщества с уполномоченными сельсовета»⁶. Ответам на проблемные итоговые вопросы должны были предшествовать подробные разъяснения по каждому из изучаемых объектов по линии *сельский совет – сельский сход – земельное общество* (8–10 пунктов на каждый объект)⁷. Условием успешной реализации программы обследования в целом являлся рекомендованный сбор первичных данных, как имеющихся в распоряжении сельских советов (статистическая информация, делопроизводственные документы и др.), так и выявленных путем личного опроса работников органов управления и населения. Для этого были разработаны пять табличных форм, каждая из которых, на наш взгляд, имеет самостоятельное источниковедческое значение и не только по изучаемой проблеме.

Форма № 1 «Сведения о состоящих в сельсовете земобществах, населенных пунктах и населении» включала информацию о названии населенного пункта, вхождении его в то или иное земельное общество, расстоянии до сельского совета, количестве дворов, в том числе освобожденных от сельскохозяйственного налога, численности населения и избирателей (по полу).

Форма № 2 «Личный состав сельского совета» подробно расписывала анкетные данные членов каждого сельского совета и его комиссий. Наиболее интересными представляются в этом случае указания на хозяйственную обеспеченность деревенских управленцев, стаж их работы и занятия до и после избрания на должность. Вторая форма распространялась также на работников

⁶ Там же. Оп. 11. Д. 1006. Л. 60.

⁷ Там же. Л. 61–64.

всех расположенных в пределах территории сельсовета общественных и кооперативных организаций⁸.

Уникальным по своему содержанию источником, выходящим по этому критерию за рамки ведомственного обследования НК РКИ, следует признать форму № 3. Она составлялась одновременно для сельских советов, сельских сходов и сходов земельных обществ. Главным ее компонентом была фиксация «экстрактов» рассмотренных вопросов и принятых по ним решений перечисленных правотворческих объектов в течение последних одного-двух лет (также указывались дата заседания, председатель, количество присутствующих и инициатор повестки дня)⁹. Простое сравнение постановлений формальных и неформальных органов власти на местах – сельского совета и общины – служит наглядным свидетельством истинного положения в распределении властных полномочий в деревне, компетенции различных управленческих структур и доверия к ним населения. Добавим, что обследование НК РКИ, не преследуя эту цель специально, сыграло выдающуюся роль в сохранении общинного документального наследия крестьянства всех без исключения исследованных регионов.

Формы под номерами 4 и 5 составлялись по данным налоговой статистики. Их главное предназначение заключалось в определении социальной дифференциации сельского населения путем определения натуральных показателей. Поэтому в них указывались ФИО домохозяина, его возраст, состав семьи (число едоков) – взрослых и детей, обеспеченность землей и посевами, количество скота и неземледельческие занятия¹⁰. Данные формы, также как и форма № 3, могут быть востребованы не только исследователям общественно-политической жизни советской доколхозной деревни. Именные списки домохозяев и сопутствующие им сведения, за отсутствием других аналогичных по емкости источников, безусловно, будут полезны в краеведческих и генеалогических поисках.

Рабочая программа НК РКИ завершалась отдельно выделенным разделом «Общие вопросы, необходимые для выяснения причин, обусловивших данную форму взаимоотношений сельсовета, сельсхода и земельного общества». В нем необходимо было раскрыть процессы социальной дифференциации деревенского мира,

⁸ Там же. Л. 61.

⁹ Там же. Л. 62.

¹⁰ Там же. Л. 64–65.

четко выделив бедняцкую, середняцкую и кулацкую составляющие, определить виды зависимости менее имущих от более зажиточных, выделив общие тенденции социально-экономического развития (например, переход бедняцких хозяйств в середняцкие и т.п.). Далее следовало выяснить следующее: учитывают ли в своей работе государственные и общественные учреждения классовую структуру деревни, и в чем именно это выражается; какие происходят столкновения на классовой почве при проведении различных вопросов через сельский совет, сельский сход и сход земельного общества. В заключение данного раздела предлагалось дать краткую характеристику развития социальной сферы села: обеспеченность путями сообщения, культурно-просветительными и медицинскими учреждениями и т.п.¹¹ Аналитическая часть последнего раздела предусматривалась в традиционном (текстовом) варианте, но по инициативе ряда местных отделений (управлений) РКИ данные о социальной дифференциации с попыткой определения классового состава обследованных населенных пунктов по ряду объектов были объединены в табличном варианте и вошли в сводный комплект документации¹².

Необходимо также отметить, что знакомство с документами, отложившимися в ходе работы Инспекции советского строительства НК РКИ РСФСР, предполагает обязательное использование региональных (областных, республиканских, краевых) архивных фондов. В ряде случаев отдельные первичные материалы (формы) по различным причинам не поступили в свое время в центральный аппарат наркомата, но сохранились в тематических делах управлений и отделений рабкрина в провинции¹³. Кроме этого, региональные архивные фонды, а иногда и периодическая печать содержат дополнительные материалы, выходящие за рамки номенклатуры документов НК РКИ (например, протоколы заседаний и другие делопроизводственные документы губернских и уездных исполкомов) и важные для всестороннего изучения повседневной жизни нэповской деревни.

Таким образом, имеющиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и региональных архивных учреждений материалы – аналитические документы, подготовленные цен-

¹¹ Там же.

¹² Там же. Д. 951. Л. 16, 33, 50.

¹³ Государственный архив Республики Марий Эл. Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–108.

тральным аппаратом НК РКИ и его местными отделениями, а также первичные данные – позволяют подробно охарактеризовать каждый из трех выделенных институтов (сельский совет, общее собрание граждан с избирательными правами, земельное общество и его органы) сельского социума 1920-х гг. по отдельности, и проследить их взаимоотношения на почве разделения властных полномочий в целом по стране и в отдельных регионах, что в перспективе должно существенно обогатить отечественную историографию.

Особое место в обследовании НК РКИ, как ведущий компонент общественно-политической и социально-экономической действительности советской доколхозной деревни, заняли земельные общества. Не случайно основная проблема, поднятая в нем, касалась как раз органов крестьянского самоуправления – сельских сходов. В первую очередь требовали разрешения вопросы: «Что же представляет собой “сход”, к которому должен апеллировать сельсовет во всех серьезных случаях? Сход ли это земобщества или общее собрание граждан?».

С формально-юридической точки зрения, опираясь на действующее положение о сельских советах, таковыми должны были быть общие собрания граждан, пользующихся избирательными правами, проживавших в данной местности, вне зависимости от рода своих занятий (т.е. не только крестьяне). Другой вариант предусматривал под теми же «сходами» общие собрания членов земельных обществ. В этом случае они попадали под юрисдикцию Земельного кодекса РСФСР 1922 г., согласно которому на сходе принимали участие все землепользователи без различия пола с 18 лет, а в некоторых случаях и более молодые, при наличии определенного кворума.

Практика мест показала, что повсеместно доминировал второй случай, часто преломляясь в весьма специфические формы. Общие собрания – сельские сходы, предусмотренные положением о сельских советах, встречались лишь как участковые избирательные собрания в крупных населенных пунктах или в виде общих сходов селений, состоявших из нескольких земельных обществ. Повестки дня подобных собраний были посвящены заслушиванию отчетов сельских советов, проведению советских праздников, различных кампаний и т.п., а основными посетителями выступали представители дворов (домохозяева), в редких случаях дополнявшиеся тем или иным количеством прочих сельских жителей, соби-

раемых в моменты выступлений докладчиков губернского-уездного уровня.

Многочисленные примеры, собранные региональными органами рабоче-крестьянской инспекции, бесспорно свидетельствуют, что во всех районах страны сельские сходы носили одновременно черты и общих собраний граждан, и общих собраний земельных обществ. Никакого разграничения не существовало. Показательно, что общую картину не меняло даже принятие некоторыми губисполкомами (в Тамбовской и Ленинградской губерниях) местных положений о сельских сходах. «В итоге приходится признать, – констатировала Инспекция советского строительства, – что обычный деревенский “сход” или “общее собрание” есть повсюду сход (или собрание) земобщества с представительством дворов, а не всех членов земобщества <...> это собрание решает и земельные, и все прочие вопросы в одном и том же составе участников». Далее следовал закономерный вывод: «Освещенный материалами обследования “сход” все более приближается по типу своему к дореволюционному “сельскому сходу”, который являлся органом управления “сельского общества” и который, по-видимому, невредимо прошел сквозь всю эпоху революции».

Действительно, сопоставление компетенции общих собраний крестьян 1920-х гг. с пунктами дореволюционного Положения о сельском состоянии, проведенное в НК РКИ, показало, что, за единичными исключениями, она не изменилась. Причем юридическая неграмотность сельского населения, отсутствие в его среде элементарных представлений о сфере правотворчества различных управленческих структур в деревне не являлись основной причиной сложившейся ситуации. Главным, судя по отчетам инспекторов рабоче-крестьянской инспекции из различных губерний, было сохранение специфических бытовых условий в сельском образе жизни, неизменность семейно-патриархального уклада крестьянского хозяйства, немыслимость для крестьянства отделения земельных дел от прочих «общественных».

Материалы вводимого в научный оборот документального комплекса еще раз убедительно показывают, что традиционный институт крестьянского самоуправления – община – в новых, советских, условиях ничуть не изменился по своей сути, более того, пережил своего рода второе рождение, показал себя необычайно жизнеспособным и всеобъемлющим, способным обойтись без

внешней политической надстройки в лице привнесенных в деревню органов советской власти. Другое дело, что политические реалии второй половины 1920-х гг. не оставили ей выбора. Необходимая теоретическая база для наступления на традиционные сельские сообщества появилась, а классовая ее составляющая стала лейтмотивом последовавших вскоре мероприятий. Расширение прав и полномочий сельских советов и аналогичные действия по отношению к земельным обществам, но с противоположным знаком, оставили российской сельской общине лишь несколько лет для существования. Община, как могла, сопротивлялась наступлению на свои права, и примеров тому множество, в том числе в рассматриваемых источниках. Еще достаточно долго она могла бы мимикрировать в изменяющихся условиях, и защищать своих членов, но массовая коллективизация в кратчайшие сроки окончательно поставила точку в этом вопросе. Как известно, в районах масштабного производственного кооперирования земельные общества ликвидировались. В большинстве случаев это произошло уже в начале 1930-х гг.

Литература

1. *Иванов А.А.* Община и сельский совет в доколхозной деревне Марийской автономной области. (По материалам Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР): Исследование. Документы. Комментарии. Йошкар-Ола, 2009.
2. *Иванов А.А.* Общинное самообложение в доколхозной деревне по материалам Наркомата РКИ РСФСР // Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. : XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Самара, 23–26 сентября 2014 г. М., 2014. С. 155–158.
3. *Иванов А.А.* Общинное самоуправление в доколхозной деревне по материалам Наркомата РКИ РСФСР // Итоги и перспективы исследования аграрной истории России X–XXI вв. : XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Брянск, 24–28 сентября 2018 г. М., 2018. С. 176–198.
4. *Иванов Е.П.* Политическая жизнь деревни и община накануне коллективизации (1926–1929 гг.) // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа, 1984. С. 115–123.
5. История советского крестьянства: В 5 т. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917 – 1927.
6. *Кудюкина М.М.* Органы управления в деревне: сельсовет и сход. 1926–1929 гг. // Историческое значение нэпа. М., 1990. С. 110–124.

**Материалы по управлению сельским хозяйством
послевоенного периода в фондах
Государственного архива Калининградской области:
к вопросу о репрезентативности**

В статье на материалах Государственного архива Калининградской области рассматриваются информативные возможности делопроизводственных управленческих материалов для исследования сельского хозяйства региона в период с 1945 до конца 1950-х гг.

Ключевые слова: управление сельским хозяйством; колхозы, совхозы; делопроизводственные источники; Калининградская область.

Проблема источников по истории сельского хозяйства в советскую, особенно послевоенную, эпоху остро не стоит: к середине XX в. система делопроизводства в учреждениях управления и на производственных предприятиях, в основном, была унифицирована на ведомственном уровне, устоялась практика обязательной сдачи на архивное хранение установленной документации; больших катаклизмов, заставлявших в срочном порядке эвакуировать и размещать архивные фонды после Второй мировой войны также не было.

Вместе с тем, исследовательский интерес способен поставить вопросы, на которые даже огромные массивы статистической, организационно-распорядительной и другой управленческой документации не могут дать исчерпывающих ответов. И дело здесь не только в традиционном скепсисе (или предвзятости), с которым подходят к проблеме достоверности статистики советского периода. Основной причиной выступает здесь сама функциональная природа делопроизводственной документации, которая позволяет ей, как историческому источнику, давать прямые ответы лишь на те вопросы, ради освещения которых она создавалась в процессе документирования управленческой деятельности.

В контексте вышесказанного предполагается рассмотреть проблему репрезентативности архивных делопроизводственных материалов применительно к конкретному сюжету, а именно управлению в первые послевоенные десятилетия сельским хозяй-

¹ Полх Павел Петрович, кандидат исторических наук, Балтийский Федеральный университет им. И. Канта, p.polkh@mail.ru, Россия, г. Калининград.

ством в образованной на «трофейной» территории в 1946 г. (и заселенной специально прибывшими жителями центральных областей РСФСР и Беларуси) Калининградской области. Данные материалы содержит Государственный архив Калининградской области (ГАКО), образованный в 1949 г. и на данный момент, оставшийся единственным государственным архивом на территории субъекта федерации.

Попробуем обозначить направления исследования сельского хозяйства и управления им, которые представляются проблемными. Во-первых, специфика (или даже уникальность) ситуации с аграрным сектором Калининградской области в сравнении с союзной. К концу войны колхозно-совхозная система в общих чертах сложилась и даже показала свою эффективность в чрезвычайных условиях. Насколько она была воспроизводима на новых территориях (пусть уже и со знакомым с колхозным строем населением)? Достаточно ли для ее воспроизводства было создать региональные структуры центральных ведомств и поручить им выполнение соответствующих задач? К этому добавляется ситуация с наличием структур, которые должны были заниматься обустройством прибывающего населения и взаимодействовать с производственными трестами, снабженцами, заготовителями.

Во-вторых, необходимость существования сельского хозяйства на вновь присоединенных территориях. Безусловно, проблема может показаться надуманной: есть сельскохозяйственные угодья, значит, должно быть и аграрное производство. На первых порах действия новой власти на территории, вошедшей в состав СССР, этим и были обусловлены. На месте бывших поместий возникли подсобные хозяйства расквартированных частей 11-й Гвардейской армии и Балтийского флота (так называемые военхозы [3, с. 26]), которые взялись обрабатывать землю и содержать сохранившийся после боевых действий скот. Основным контингентом работников здесь оказались немцы. В 1947 г., когда военхозы передавались в ведение вновь образованного треста совхозов, численность немецких работников абсолютно преобладала: совхоз № 46 – 693 немецких работника из 753, № 52 – 150 из 242, № 76 – 630 из 700 и т.п.² Такое положение до выселения немецких жителей устраивало всех: землю кто-то должен был обрабатывать, а жителям нужно было где-

² Государственный архив Калининградской обл. (ГАКО). Ф.П-1. Оп.1. Д.90. Л. 151.

то трудиться, чтобы получать карточки. Далее работниками совхозов становились прибывающие переселенцы. Наверняка люди, которых убедили переехать на новые советские земли, задавались вопросом о том, с какой целью они должны обустроиваться на этой земле. Тем более для современного историка значимо, ставились ли задачи обеспечить только себя самих и население городов области, предполагалось ли на перспективу полноценное снабжение расквартированных войск, когда и в какой мере сельское хозяйство должно было интегрироваться в систему обеспечения продовольствием всей страны.

Исследования по истории заселения Калининградской области [4, с. 50] и даже художественная литература [1, с. 10–12] отмечают наличие у переселенцев страха за свою судьбу в связи с меняющейся международной обстановкой и угрозой возможной войны, выражавшееся в постоянном вопросе о временности своего пребывания на территории Калининградской области. Более того, эти настроения отмечены и в опубликованном сборнике воспоминаний переселенцев [2, с. 318]. Безусловно, в официальных документах эта тема не ставилась, либо давались заверения, что к РСФСР эти земли присоединены навсегда, но на характере хозяйственной деятельности подозрения не могли не сказываться. Партийные документы содержат обращение подполковника К. Носачева в обком, присланного во главе команды солдат помочь на уборке урожая колхозу им. Тельмана Черняховского района. Он был поражен представлениями колхозников, не читавших газет, но уверенных, в скором начале войны с Западом и тем, что переселенцев сюда привезли на верную смерть³.

Насколько могут помочь в разрешении данных проблем управленческие документы по организации сельского хозяйства, хранящиеся в ГАКО? Утвердительный ответ даже на вопрос о системе учреждений требует существенных пояснений. Массивный фонд Областного управления сельского хозяйства сформирован из документов, отражающих работу отделов по землеустройству, земледелию, животноводству, техническому обеспечению и другим значимым отраслям. Специфика здесь прослеживается лишь там, где работу было необходимо начинать «с нуля»: отводить

³ Там же. Оп. 4. Д. 57. Л. 2–4.

земли под обустроивавшиеся колхозы⁴. Сам по себе землеотвод не затрагивал сложившихся ранее имущественных отношений. Переселенцы прибывали туда, где их можно было разместить в сохранившихся поселках и хуторах, постепенно освобождаясь от немецкого населения. Главной проблемой оказывалось соседство воинских частей и их подсобных хозяйств [4, с. 91–92].

Дело не только в том, что некоторые угодья командование предпочитало оставить за собой, но и транспортной доступности тех или иных земельных массивов после разграничения. Документы организационно-колхозного отдела указывают на данные проблемы, планы хозяйств, выполненные на кальке, указывают на соседство со спецобъектами (помимо собственно частей это могли быть и лагеря военнопленных⁵, а также железная дорога, не желавшая делиться прилегающими участками⁶).

Информацию о специфике обустройства следует искать в районных материалах. Как правило, именно районные отделы сельского хозяйства подробно рассматривают ситуацию с дворами и количеством живущих в них, рисуя фактически неразрешимую проблему. С одной стороны, область должна заселяться, на одного колхозника приходится неподъемное количество обрабатываемых угодий, перспективы роста поголовья крупного рогатого скота требуют большого количества рабочих рук. С другой, обустроенного жилья не хватает, процесс подготовки зданий срывается, поскольку люди заняты текущими производственными делами, многие покидают колхозы, сохраняя при этом жилье. Вот какие сведения содержат материалы по организационно-хозяйственному укреплению колхозов Гусевского райисполкома: колхоз им. Кирова – 36 семей, 80 трудоспособных, 12 семей проживают на хуторах, 9 хозяйств в 4 домах; колхоз «Новое строительство» – 34 семьи, 74 трудоспособных, доярок не имеется, штат переменился три раза, имеется 14 свободных домов, 27 квартир; совхоз им. Молотова – 30 семей, 70 трудоспособных, имеется 53 свободных дома, из которых 16 коробки и 37 – фундаменты; колхоз им. Сталина – 21 семья, 107 трудоспособных, на хуторах проживает 12 семей, 8 семей занимают 4 дома, имеется один свободный

⁴ См.: там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 99, 146, 198.

⁵ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 146. Л. 46–47.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 96. Л. 113.

дом⁷. Отметим, что проживание на хуторах означало необходимость добираться на работу за 5–15 км. Сселением хуторов в области занимались до 1970-х гг.

Чрезвычайно информативными являются и документы статистического ведомства. Сложившиеся требования к группировке хозяйств позволяют охватить общие тенденции к формированию именно небольших колхозов со столь же малым количеством трудоспособных и с весьма незначительными выдачами на трудодень хлеба, картофеля и денег⁸. Показательной здесь выглядит и статистика движения населения, фиксирующая не всегда объяснимые всплески выбытия населения из колхозов⁹. Понятно, что стремление уйти от колхозной жизни, устроившись на работу в городе, в лесхозе, подсобным рабочим в воинской части не могло не присутствовать у селян и не только в Калининградской области. Переписка о возвращении работников в колхозы (не всегда успешном) в фондах также присутствует¹⁰.

Фонды ГАКО содержат документы многочисленных организаций, выполнявших функции по управлению сельским хозяйством и его инфраструктурой: трестов совхозов, снабженческих и сбытовых организаций, отделения Сельхозбанка, развернувшего бурную деятельность по выдаче кредитов на строительство домов, а затем по их возвращению (ссуды на обустройство требовались почти всем)¹¹. Сюда же можно отнести назначенных уполномоченных от Госплана, Совета по делам колхозов, группы главного контроллера Министерства государственного контроля.

Интересно, что заготовительные организации сформировались в области чуть раньше, чем оформилась сеть колхозов и совхозов¹². Если к этому добавить то, что переселенцев освобождали от сельхозналогов на первые три года пребывания на новой земле [2, с. 38–39], то поле деятельности заготовителей сужалось до весьма скромных размеров. Тем не менее, вопросы обязательных поставок, работы незарегистрированных мельниц, обязательных сдач молока с имевшихся в личных хозяйствах коров требовали работы уполномоченных по заготовкам как в области, так и в рай-

⁷ Там же. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 13, 26, 66.

⁸ Там же. Ф. Р-181. Оп. 4. Д. 10. Л. 12–14.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 3–7об.

¹⁰ Там же. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 112. Л. 47–48.

¹¹ См.: Там же. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 18, 26; и др.

¹² Там же. Ф. Р-384. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

онах¹³. Отметим, что на рубеже 1940–1950-х гг. центральные власти не определились, что именно они хотели бы получать с государственных, общественных и личных хозяйств. Действуя часто методом проб и ошибок, они то сокращали обязательные хлебопоставки, то, обнаружив успехи в овцеводстве, увеличивали объемы заготовок шерсти (наивно полагая, что можно получать не только грубую, но и тонкую шерсть), сетовали на невыполнение планов по пуху и перу, кишечному сырью, козам и дикорастущим травам¹⁴. Жесткость учета недоимок зачастую смягчалась незначительностью санкций. Минимум переданных в судебные инстанции дел¹⁵ указывает на то, что сам факт пребывания людей на обустриваемой территории рассматривался как жизнь в тяжелых условиях, в чем-то сродни наказанию.

Специфика калининградского сельского хозяйства проявлялась и в обеспечении техникой, прежде всего тракторами и комбайнами. Отметим при этом, что фондов специализированных учреждений, таких, как контора «Тракторосбыт» в составе ГАКО не сохранилось. Однако отчеты колхозов, данные совещаний механизаторов свидетельствуют о том, что трофейных тракторов в МТС и совхозов было не так уж и мало. Само собой, главной проблемой становились запчасти, точнее их полное отсутствие. Именно этим можно объяснить расширенные поставки в конце 1940-х гг., когда область одной из первых в стране получила и самоходные комбайны «Сталинец» [3, с. 169]. Правда, к существенным изменениям в объемах сбора хлебов (как и урожайности) это не привело, да и проблема запчастей, теперь уже отечественных, сохранилась.

К началу 1950-х гг. относится существование нескольких баз сельскохозяйственного снабжения в поселках области (Фрунзенское, Жилино), далеких от райцентров, но находившихся при железнодорожных станциях с европейской колеей¹⁶. Указания на разгрузку семян, минеральных удобрений, скота соседствуют с фактами кражи мебели и музыкальных инструментов¹⁷. Все это наводит на мысль, что базы создавались для вывоза трофейного имущества,

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 12. Л. 48; Д. 21. Л. 32; и др.

¹⁴ Там же. Д. 65. Л. 48, 52, 70.

¹⁵ Там же. Ф. Р-506. Д. 7. Л. 3.

¹⁶ См.: там же. Ф. Р-391, Р-392, Р-393.

¹⁷ Там же. Ф-393. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

прежде всего сельскохозяйственного, но и не только. Сам факт их закрытия в 1953 г. с передачей имущества и штата в областную базу, куда объемы поставок техники должны были увеличиваться, подтверждает это предположение. Документы таких организаций как областной Ремснабсбыт¹⁸, облконтора по заготовке мясной и молочной продукции, отдельно существовавшая сбытовая контора продуктов животноводства, контора треста «Заготзерно»¹⁹, содержат минимум информации по взаимодействию с калининградскими совхозами и колхозами, но немало указаний на транспортировку прибывающей и перенаправляемой продукции. Опять же, позволим себе предположить, что данные структуры в значительной мере были перевалочными пунктами для снабжения как войск, расквартированных в Европе, так и различных экспортно-импортных поставок через калининградский порт.

Не может не обращать на себя внимание и специфика калининградской мелиорации, ранее уже становившаяся предметом нашего исследования [5]. В целом же следует признать, что архивные документы опосредованно отражают особенности организации аграрного производства Калининградской области, но общая системная картина именно специфической организации управления не прослеживается: изобретать что-либо принципиально новое у центральных и местных властей не было ни возможностей, ни желания: в конце концов, хотелось увидеть Калининградскую область рядовой, обычной областью среди российского Нечерноземья, специфика которой сводилась бы к минимуму.

В данной связи обозначенная выше проблема стратегических целей аграрного производства могла перед калининградским руководством и жителями вообще не ставиться: коль скоро область заселена, то ее сельское население должно воспроизвести традиционные для них занятия, а применение продуктам их труда всегда найдется. Однако в партийных документах, и в особенности на совещаниях активов и передовиков говорилось о задаче сделать область самодостаточной в плане производства основных сельскохозяйственных продуктов²⁰. Какой смысл вкладывался в эти слова? – Полагаем, что речь шла о прекращении организованного завоза хлеба, мяса, картофеля для ее жителей (что касается молока, то

¹⁸ Там же. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

¹⁹ См.: там же. Ф. Р-189, Р-266, Р-291.

²⁰ Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 82.

развитые лугопастбищные угодья позволили уже к концу 1940-х гг. показывать удои, к которым центральные российские области пришли лишь к 1960-м гг.).

Материалы областного исполкома содержат обращения на самый высший уровень (подкрепленные руководством обкома) о выделении области дополнительных резервов²¹. Правда, чаще всего в них речь идет о концентрированных кормах для животных²². Вечная для советского животноводства проблема заготовки кормов, безусловно, калининградской специфики не имеет. Однако в условиях, когда создававшиеся совхозы с колхозами наращивали поголовье, а прибывающее население «ликвидировало свою бескоровность», появлялись объективные обстоятельства просить корма у центра, чтобы пережить очередную зиму. Соответственно, все разговоры на совещаниях могли вестись для того, чтобы мобилизовать граждан на трудовые свершения, в том числе и с моральной стороны: Родина многое дала калининградцам, теперь надо бы и самим доказывать свою состоятельность²³.

Ставилась ли задача снабжения расквартированных контингентов вооруженных сил? Прямо об этом в архивных документах указаний нет, однако есть жалобы местных руководителей на то, что армейские части предпочитают ввозить продовольствие из других районов страны, тогда как многое (например, овощи), можно было бы приобрести и на месте. Совершенно уникальный эпизод содержит письмо руководителя Славского райкома компартии Анциферова в обком о том, что склады военторга затоварены маслом и молоком, а военные закупают только мясо. Если учесть, что жалоб на нехватку продуктов от жителей области и в 1949 г. (когда было написано письмо) было предостаточно [2, с. 140–141; 4, с. 156–157], то следует признать, что единой системы в руководстве сельским хозяйством области и ведомственном обеспечении не было.

Что же касается интеграции в сельскохозяйственное производство страны, то расчеты на специализацию в производстве семян многолетних трав, производство товарной свинины в целом не оправдались, но это уже связано с аграрной политикой страны в целом. Вместе со страной калининградская область пережила «ку-

²¹ Там же. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 146. Л. 3, 11, 24, 31.

²² Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 156. Л. 31.

²³ Там же. Д. 157. Л. 24; Д. 158. Л. 41.

курузную эпопею», которая также не решила кормовую проблему, хотя в нынешнее время промышленные посадки кукурузы на землях области практикуются. Данные об урожайности зерна и картофеля в 1950-е гг. свидетельствуют, что даже до показателей 1943 г. (в условиях военной Германии) сельское хозяйство Калининградской области «не дотягивало»²⁴, но среднероссийских показателей по Нечерноземью вполне достигло. Попытки сравнить сельскохозяйственное производство области с немецкими показателями на совещаниях поднимались не часто, опять же, для того чтобы устыдить местных руководителей²⁵.

Возвращаясь к заявленной в заглавии теме, о репрезентативности материалов областного архива для решения вопросов характера управления сельским хозяйством, считаем важным отметить, что фонды ГАКО вполне достаточны, чтобы сделать вывод о том, что стратегической ясности относительно того, каким и зачем быть сельскому хозяйству на калининградской земле ни у местного, ни у центрального руководства не было. Однозначно определить, в какой мере была решена проблема самообеспечения населения области продуктами питания, наверняка не позволит и обращение к данным федеральных архивов. Однако можно уверенно заявить, что фонды региональных архивов (не только калининградского) принесут еще немало интересных открытий, которые позволяя лучше понимать не только местную, но и общероссийскую аграрную политику государства в советскую эпоху.

Литература

1. *Адерихин А.* Танцы под радиолло: [роман]. СПб, 2016.
2. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. 3-е изд., доп. Калининград, 2018.
3. История сельского хозяйства Калининградской области. 1945–2006. Калининград, 2006.
4. *Костяшов Ю.В.* Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области. 1946–1953 гг. М., 2015.
5. *Полх П.П.* Колхозы и мелиораторы: специфика взаимоотношений в Калининградской области // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М.; Брянск, 2012. С. 532–540.

²⁴ Там же. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 6. Л. 43.

²⁵ Там же. Ф. Р-139. Оп. 9. Д. 458. Л. 101.

Частная собственность на средства производства в сельском хозяйстве Советской России в оценках ученых-экономистов русской эмиграции 1920-1930-х гг.

В статье показано отношение ученых русской эмиграции 1920-х – 1930-х гг. к политике обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России. Русские экономисты считали целесообразным сделать ставку на индивидуальные крестьянские хозяйства, превратив их в частные фермы.

Ключевые слова: аграрное производство; частная собственность; ученые-эмигранты; коллективизация; сельское хозяйство.

Эмиграция русских ученых после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. стала одним из самых трагических для отечественной науки событий в XX в. Независимо от политической позиции, масштаба научной деятельности, идеологической ориентации русские ученые в различных отраслях знания могли быть полезны своей стране, продолжать традиции российской науки конца XIX – начала XX столетия, способствовать технической модернизации производства, улучшению агрономии. Сказанное в полной мере относится к послереволюционной эмиграции экономистов, представлявших различные школы российской аграрной науки, совершившей заметный рывок в своем развитии на фоне очевидных успехов в сельском хозяйстве России после реформ П.А. Столыпина.

Политическая победа большевиков и укрепление их власти после окончания гражданской войны привели к вытеснению немарксистских парадигм научного знания, в том числе либеральной и неонароднической теорий аграрного производства. В вынужденной эмиграции оказались выдающиеся экономисты, теоретики и практики аграрного производства С.Н. Прокопович, Б.Д. Бруцкус, А.Н. Анцыферов, С.С. Маслов, Н.Н. Зворыкин, С.О. Загорский и другие. В числе насильственно высланных из страны летом и осенью 1922 г. 225 ученых более 30 человек составляли экономисты в

¹ Берлов Артур Валерьевич, кандидат исторических наук, Военный Университет Министерства обороны Российской Федерации, Arberlov@mail.ru, Россия, Москва

области сельского хозяйства, агрономы и теоретики кооперативного движения.

В основе заочной дискуссии русских ученых-эмигрантов с представителями официальной марксистской экономической науки лежала проблема частной собственности на средства производства в сельском хозяйстве. Ссылаясь на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», В.И. Ленин отмечал, что «всякое государство, в котором существует частная собственность на землю и на средства производства, где господствует капитал, как бы демократично оно ни было, – оно есть государство капиталистическое, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство» [6, с. 81]. Стремясь к построению идеальной общественной модели, теоретики и практики марксизма-ленинизма стремились утвердить господство общественной (по факту – государственной) собственности на средства производства, освободить трудящихся от эксплуатации и обеспечить справедливое распределение материальных благ.

С точки зрения теоретиков марксизма, земля в качестве основного средства производства в аграрном секторе подлежала экспроприации у частных хозяев и обобществлению в интересах трудящихся масс. Характеризуя основы будущего социалистического общества, Ф. Энгельс писал о том, что «общественная собственность простирается на землю и другие средства производства, а индивидуальная собственность на остальные продукты, т.е. на предметы потребления» [13, с. 123].

Стремление большевиков отменить право частной собственности на средства производства, в том числе на землю, которую марксизм рассматривал как средство производства в аграрной сфере, проявилось не только в эсеровском по своей сути «Декрете о земле» но и в «Основном законе о социализации земли», подписанном В.И. Лениным в феврале 1918 г. В дальнейшем государственная монополия на землю была закреплена Земельным кодексом РСФСР 1922 г. Разумеется ученые-экономисты русской эмиграции критиковали установившуюся в Советской России систему исключительных прав государства на землю, все сделки с которой – купля-продажа, аренда, залог – были запрещены.

Ученые экономисты русской эмиграции, особенно либерального направления, крайне негативно оценивали большевистские

тенденции обобществления земельных фондов и средств производства в сельском хозяйстве Советской России. Критикуя ленинскую практику создания товариществ по совместной обработке земли (ТОЗов) и сельскохозяйственных артелей с объединением инвентаря и техники, русские ученые-эмигранты настаивали на том, что наилучшей социальной формой организации труда на земле является крестьянская семья, в частной собственности которой находится и земля, и технические средства труда на ней. По мнению Б.Д. Бруцкуса, крестьянская семья, как миниатюрное фермерское хозяйство, способна оптимально организовать сельскохозяйственное производство, приспособиваясь к неравномерному ходу аграрных работ, сезонности, климатическим изменениям, динамике рыночной конъюнктуры и прочим экономическим, социальным и политическим обстоятельствам. Ученый пишет о том, что обеспеченная собственными средствами производства крестьянская семья «представляет собой в подавляющем большинстве случаев наиболее благоприятную комбинацию разнородных работников, кровно заинтересованных в успешном ведении хозяйства, обеспечивающего их существование» [3, с. 94].

Обогащенные европейским опытом аграрного производства с опорой на частную собственность, русские ученые-эмигранты считали полезным для России сделать ставку на индивидуальные крестьянские хозяйства, превратить их в частные фермы с использованием личного инвентаря и техники. Убежденные сторонники капиталистических отношений в деревне, они резко негативно оценивали советскую политику ограничения хозяйственной самостоятельности крестьянства и ликвидации частной собственности, в том числе на землю и средства производства.

Резкой критике ученых русской эмиграции подверглась советская политика национализации земли, которая оценивалась как крупнейшая в истории российского крестьянства катастрофа. Экономисты русского зарубежья считали частное землевладение основным средством обогащения сельских тружеников, тогда как большевики были убеждены в том, что национализация земли уничтожит абсолютную ренту, которой земельные собственники обложили общество, как данью. Стремясь ликвидировать единоличное крестьянское землевладение, В.И. Ленин руководствовался тем, что частная собственность на землю является препятствием для рационального ведения сельского хозяйства, создает в деревне неспра-

ведливые капиталистические отношения. Известно ленинское высказывание о том, что «мелкое производство рождает капитализм постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [7, с. 6].

Профессор политэкономии Люблянского университета А.Д. Билимович в своих трудах показывал абсурдность утверждений В.И. Ленина и большевиков о том, что национализация всей земли является требованием широких масс крестьянства и соответствует их коренным интересам. Крестьяне, по его мнению, не могли требовать национализации земли, находящейся в их частной собственности [2, с. 51]. С точки зрения ученых русской эмиграции, главная ошибка большевиков заключалась в том, что вместо поддержки социально сильных и зажиточных слоев крестьянского общества, т.е. потенциальных фермеров, советская власть искусственно разжигала огонь классовой борьбы в деревне, преследуя цель изъятия земельных фондов у богатых крестьян в пользу государства. Об этом, кстати, прямо говорил Я.М. Свердлов на заседании ВЦИК 20 мая 1918 г., посвященном задачам Советов в деревне: «Только в том случае, – если мы сможем расколоть деревню на два враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенских буржуев, только в этом случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов» [10, с. 213].

Ученые русской эмиграции считали исторической ошибкой, и даже преступлением, раскол деревни большевиками по имущественному признаку с опорой на комитеты бедноты. По их мнению, в крестьянском мире не могло быть такой острой классовой борьбы, как в городских промышленных центрах. В одном из отчетов по обследованию крестьянских дворов в Пензенской губернии за 1924 г. приводятся слова сельских жителей в адрес кулачества: «Что же из того, что он кулак, но зато он давал нам заработок, мы от него кормились, а теперь этого заработка нет» [9, с. 45]. По мнению ученых русского зарубежья, в результате постигшей Россию катастрофы сельское хозяйство потеряло свои производительные силы. В докладе Б.Д. Бруцкуса, прочитанном на съезде экономистов русской эмиграции в апреле 1924 г., отмечалось, что посевная площадь в Советской России «сократилась на 64 % (считалась за 100 % площадь 1913 г.). Количество скота упало на 63 %, принимая

за 100 % количество скота в 1916 г. Площадь зерновых хлебов сократилась на 22 %, интенсивная площадь сахарной свеклы на 92 %, конопля на 61 %, льна на 58 %»².

Наиболее негативные оценки ученых русского зарубежья получила политика коллективизации, сопровождавшаяся экспроприацией земельных фондов и инвентаря зажиточных крестьян. Оценивая беспрецедентный масштаб данного явления, С.С. Маслов писал: «По глубине переворота, его размаху и темпам – это действительно величайшая из революций, какие переживало крестьянство всех народов и на всей памяти человеческой истории» [8, с. 83]. Получая сведения о событиях в России не только из официальных источников, но и от бежавших за рубеж крестьян, ученые русской эмиграции разрушали миф о добровольности коллективизации, который транслировался властью. С.С. Маслов подчеркивал, что сельских жителей поставили в такие условия, когда отказ от вступления в колхоз ставил крестьянина в положение изгоя: «в колхоз загоняли непомерными налогами, угрозами раскулачивания, вменением каких-либо нарушений с последующей высылкой в назидающие остальные» [8, с. 91].

В 1933 г. в статье «Голод и коллективизация» Б.Д. Бруцкус писал, что в процессе сплошной коллективизации для большевиков «дело шло совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном укреплении их власти над крестьянством» [4, с. 207]. Лишенные частной собственности крестьяне теряли не только хозяйственную самостоятельность, но и способность к общественной самоорганизации, гражданскому сопротивлению. По мнению Б.Д. Бруцкуса, власть рассматривала крестьян «как батраков, сидящих на государственной земле, обязанных вести хозяйство под диктовку власти и сдавать весь продукт государству» [5, с. 32]. Разумеется, никакой личной заинтересованности в результатах своего труда при такой системе у крестьян не оставалось, и они превращались в аморфную социальную массу, выполняющую хозяйственные задания власти на не принадлежащей им земле, на не принадлежащей им технике.

Обобществление земельных фондов и хозяйственного инвентаря советской властью в годы коллективизации вызвало критику не только либеральных экономистов, но и ученых-эмигрантов, при-

² ГАРФ. Ф. Р-5937. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

держивавшихся социалистических взглядов. Оказавшись в эмиграции, теоретики неонародничества были вынуждены признать, что почти все советские коммуны, артели и совхозы пребывали в «жалком состоянии и едва прокармливали собственных работников» [1, с. 22]. Независимо от идейной направленности, ученые русской эмиграции считали программу большевиков по изъятию частной собственности на средства производства у личных крестьянских дворов экономически нерациональной и социально опасной. Больше всего они опасались того, что большевики окончательно ликвидируют крестьянство, заменив его сельским пролетариатом, работающим на обобществленных земельных фондах.

Анализируя данные статистики, статьи советской прессы, выступления партийных лидеров и законодательные документы, ученые имели достаточно полное представление о процессах, происходивших в советской деревне. Особое их негодование вызывало отделение тракторных отрядов (в дальнейшем – машинно-тракторных станций) от колхозов, что свидетельствовало о стремлении власти окончательно отделить крестьян от средств производства в аграрном секторе. Впервые продать технику МТС колхозам предложили В.Г. Венжер и его жена А.В. Санина, в своих письмах И.В. Сталину. Они писали о неразумности отделения собственности на средства производства от колхозного производства, исходили из того, что, если колхозы, как официально считается, действительно кооперативные предприятия, то они должны стать собственниками средств производства и результатов своего труда [12, с. 220].

Разумеется, советская власть не могла допустить хозяйственную самостоятельность колхозов и наличие товарных отношений в деревне. Об этом убедительно свидетельствует ответ И.В. Сталина: «Предлагая продажу МТС в собственность колхозам, тт. Санина и Венжер делают шаг назад в сторону отсталости и пытаются повернуть назад колесо истории <...> Основная ошибка тт. Саниной и Венжера состоит в том, что они не понимают роли и значения товарного обращения при социализме, не понимают, что товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму. Они, видимо, думают, что можно и при товарном обращении перейти от социализма к коммунизму, что товарное обращение не может помешать этому делу. Это глубокое заблуждение, возникшее на базе непонимания марксизма» [12, с. 221].

В середине 1930-х гг. ученые русской эмиграции констатировали факт окончательной передачи всех средств производства и распределения в собственность государства. Считалось, что тем самым частная собственность, т.е. отношения частной собственности, были ликвидированы. Конституция СССР 1936 г. закрепила социалистическую собственность в трех формах: государственной, кооперативно-колхозной и личной. При этом государственная собственность в Конституции была обозначена, как общенародная. В докладе на чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР» Сталин утверждал: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй, то есть осуществило то, что у марксистов называется иначе первой, или низшей, фазой коммунизма. Значит, у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» [11, с. 127].

Главная проблема строительства социализма в СССР заключалась даже не в том, что советская власть была ориентирована на обобществление земельных фондов и насильственное изъятие частной собственности крупных крестьянских хозяйств, а в том, что на момент революции капитализм в России еще не исчерпал своих прогрессивных возможностей, особенно в деревне. Это прекрасно осознавали ученые-эмигранты, предлагавшие либерализацию общественно-экономических отношений в аграрном секторе, легализацию купли-продажи земли, сосредоточение средств производства в руках справных хозяев-кулаков. Их предложения оказались невостребованными победившей в России властью, что повлекло за собой комплекс известных исторических последствий.

Литература

1. *Анциферов А.Н.* Революция и русское земледелие // Земледелие. Ежемесячный журнал общественной агрономии, земледельческой кооперации и аграрной политики. Прага, 1921. С. 14–29.
2. *Билимович А.Д.* Экономический строй освобожденной России. М., 2006.
3. *Бруцкус Б.Д.* Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922.
4. *Бруцкус Б.Д.* Голод и коллективизация // Современные записки. 1934. Т. 52. С. 414–431.
5. *Бруцкус Б.Д.* Рец. на кн. С.Н. Прокоповича «Идея планирования и итоги пятилетки» // Современные записки. 1934. Т. 56. С. 401–409.
6. *Ленин В.И.* О государстве // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1970. Т. 39. С. 64–84.

7. *Ленин В.И.* Детская болезнь левизны в коммунизме // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1981. Т. 41. С. 1–104.
8. *Маслов С.С.* Колхозная Россия. М., 2007.
9. *Росницкий Н.* Полгода в деревне. Пенза, 1925.
10. *Свердлов Я.М.* Избранные произведения. М., 1959. Т. 2.
11. *Сталин И.В.* О проекте Конституции Союза ССР // Сочинения. М., 1997. Т. 14. С. 119–147.
12. *Сталин И.В.* Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г. // Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 216–223.
13. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1953.

**Земельная политика Советского государства
и подворно-участковое землепользование в первое
послереволюционное десятилетие
(по материалам Московской губернии)**

В статье рассмотрены изменения подворно-участкового землепользования подмосковных крестьян вследствие революционных деформаций и уравнительной земельной политики советского государства в первое десятилетие его существования. Выявлены процессы социальной мимикрии владельцев отрубных и хуторских хозяйств, которые по политическим мотивам симулировали возвращение к общинным порядкам, сохраняя при этом обособленное пользование землей.

Ключевые слова: советское государство; земельная политика; крестьянство; землепользование

Вопрос о судьбе подворно-участкового землевладения в послереволюционной России весьма неоднозначно трактуется в аграрно-исторической литературе. Подобная противоречивость обусловлена не только концептуальными различиями среди исследователей, но и в гораздо большей степени – многообразием естественноисторических и социально-экономических условий эволюции крестьянского хозяйства в отдельных регионах огромной страны и, как следствие, перемен, переживаемых им в результате революции – от полного разрушения до разного рода мимикрии. В этом смысле немалый интерес представляет опыт наиболее динамично развивающихся губерний Центральной России, где доминирующее положение занимало Подмосковье.

Подмосковное крестьянство, являвшееся в массе своей достаточно консервативным, на начальном этапе революции, как правило, воздерживалось от крайних форм проявления недовольства и борьбы за свои интересы. Главный источник социальных конфликтов в российской деревне – земельная проблема – для Подмосковья не была столь болезненной. Тем не менее социально-политическую обстановку в подмосковной деревне послефевральского периода нельзя было назвать благополучной. Данные видного отечественно-го статистика П.И. Попова, в это время возглавлявшего отдел сель-

¹ Ковалев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Государственный социально-гуманитарный университет, dmitrij-kovalev@yandex.ru, Россия, Московская область, г. Коломна

скохозяйственной переписи Министерства земледелия, убедительно демонстрируют, что деревенская жизнь в регионе была далека от социальной идиллии. Исследователь обработал сведения опросных листов министерства по изучению аграрного движения, направленных осенью в губернские земельные комитеты, а уже оттуда – разосланных по уездам незадолго до свержения Временного правительства.

События октября 1917 г. помешали завершить эту работу, и к тому же многие из местных земельных комитетов не располагали достаточным объемом информации. Поэтому в большинстве своем анкетирование не было проведено. Однако сведения, полученные по ряду губерний, в том числе – Московской, характеризуются относительной полнотой и дают вполне определенное представление о характере процессов, происходивших в сфере земельных отношений весной – летом 1917 г.² Согласно материалам, собранным Поповым по 263 селениям тринадцати уездов губернии за март–июнь, примерно в 14 % обследованных селений губернии было выявлено стремление отрубников вернуться в общину, авторитет которой ощутимо возрос в связи с формированием волостных земельных комитетов. Этому в известной мере способствовало широко распространенное в крестьянской среде убеждение, что Учредительное собрание передаст помещичьи земли исключительно общинникам. Очевидно, в подобных случаях владельцы отрубных хозяйств, в отличие от хуторян не избалованные земельными излишками, рассчитывали, опираясь на поддержку общества, улучшить свое положение в ходе грядущих аграрных преобразований. Однако гораздо чаще (почти в каждом пятом из учтенных обследовании селений) община сама пыталась добиться распространения своих прав на земли выделенцев³.

К тому же правительственный кабинет, сам того не желая, предпринимал шаги, которыми во многом провоцировал земельные столкновения между общинным крестьянством и единоличниками. Так, стремясь погасить назревающие конфликты сельских обществ с выделенцами, правительство Керенского в конце июня вынесло постановление, которым приостанавливалось действие законов от 14 июля 1910 г. о крестьянском землепользовании и от 29 мая 1911 г. о

² См.: ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 72; РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2. Д. 370.

³ РГАЭ. Ф. 105. Оп. 3. Д. 370. Л. 7.

землеустройстве. Согласно постановлению, землеустроительные комиссии упразднились, а дела, касающиеся крестьянского землепользования, поступали в ведение губернского и уездных земельных комитетов и в основной своей массе откладывались до Учредительного собрания. Спустя две недели последовало принятие закона «О прекращении земельных сделок». По мысли министров, прекращение действия столыпинского аграрного законодательства должно было удержать общину от самовольного выяснения отношений с отрубниками и хуторами. Однако мужик понял их по-своему, зачастую усматривая в этих решениях начало ревизии земельных порядков, сформировавшихся в ходе реформы.

Тем не менее, общинный реванш в отношении участковых хозяйств не состоялся ни в первый год революции, ни в ходе большевистской социализации, насколько позволяет судить содержание обзоров земотдела Моссовета⁴. Более того, уже после окончательной ликвидации помещичьего землевладения, когда схлынула волна самочинных земельных переделов, участково-единоличное землепользование не только сохранилось, но и получило дальнейшее распространение в деревне столичной губернии. Его притягательность для крестьянства становилась столь явной, что с этим поначалу не могла не считаться и новая власть. Как подчеркивал один из наиболее авторитетных исследователей данной проблемы П.Н. Першин, в ряде регионов, где подобно Подмосковию «участковое хозяйство успело рационализироваться, приобрести культурный характер путем введения травосеяния, перехода к многополью и улучшению животноводства, <...> уже признается необходимым сохранить эти хозяйства и предупредить или пресечь попытки их ликвидации» [3, с. 37]. Запрет принудительного раскассирования «трудовых» хуторских и отрубных хозяйств при переделах был закреплен уже в 36-й ст. Основного закона о социализации земли. Московский губернский комиссариат земледелия, придерживаясь этого положения, в рекомендациях уездным земельным отделам указывал на «бесцельность и бесполезность» действий по их разрушению. А Инструкция о переделах земли внутри обществ, изданная Земотделом Моссовета в октябре 1918 г., хотя и допускала частичное урезание единоличного крестьянского землевладения, но только в случае *значительных*

⁴ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 221 об.

(курсив наш. – Д.К.) излишков, которые могли быть отрезаны в пользу общества, но лишь «с таким расчетом, чтобы не разорить и не расстроить хуторского или отрубного хозяйства»⁵.

Благодаря вмешательству Центрозема, удалось оградить от передела земли двух хуторов, образованных на купленной земле в Муриковской волости Волоколамского уезда общей площадью свыше 150 дес. Хотя наиболее крупный из них, размером в 118 дес., все же лишился половины угодий, переданных решением местных властей в пользование общины с. Волочанова. Причем, возражения Мосземотдела были отклонены с весьма назидательной мотивировкой, напоминавшей, что задачей советской власти «является поддержание, а не расстройство хозяйств вышеназванной категории, хорошо оборудованных, богатых частной инициативой и в отношении системы полеводства выгодно отличающихся от большинства соседних землепользований».

Подобным же образом избежали раздела своих участков между общинниками с. Троице-Голенищева 42 отрубных хозяйства и хуторянин Козловской волости Московского уезда И.Н. Баканов⁶. Но частичные и ограниченные по размерам изъятия из единоличных земель в пользу безнадельных или малоземельных крестьян встречали бóльшую благосклонность уполномоченных НКЗ. К примеру, жалоба отрубника Елмановской волости Можайского уезда Ф.Я. Яковлева на отчуждение у него четвертой части из имевшихся 9,5 дес. (на 7 едоков) в интересах нуждающихся граждан деревни Бабаево была оставлена без последствий. Поиски справедливости у вышестоящих инстанций оказались тщетными. «Вол[остной] зем[ельный] отдел, – объяснял Яковлев, – мотивировал свое постановление тем, что моя земля очень хорошая, но он не обратил никакого внимания на то, почему она стала лучше, чем у моих однодеревенцев. Действительно, мой участок хороший потому что я все свои силы и старания в течение 11 лет отдавал этому участку, я корчевал его, срезал кочки, удобрял его не только удобрением от своего скота, но даже скупал навоз по всей округе у духовенства, трактирщиков и т.д. и все возил на участок. Обработку вел самую старательную и вот в течение 11 лет я довел свою землю до совершенства, у меня стал родиться хороший хлеб и не пустовало ни одного клочка

⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 793. Л. 6 об.; ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 14. Л. 221 об.

⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 101. Л. 33, 34, 40, 123–133; ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 519. Л. 13–15, 19–22 об.

земли. Разверстка [...] в течение последних трех лет выполнялась мною сполна». Из материалов дела видно, что в распоряжении местного земотдела имелся запасной фонд в 48 дес. Но резервируемые общиной земли, как известно, требовали слишком больших издержек на освоение. Поэтому Коллегия Центрозема⁷ по земельным спорам встала на сторону «малоземельных» общинников⁸.

Безусловно, в ходе «всеобщего поравнения», развернувшегося после октября 1917 г., многие крестьяне-единоличники и, прежде всего, хуторяне, лишились части своих земель. Причем, стремление решать земельные проблемы за их счет и со стороны общины, и со стороны государства возрастало по мере упрочения советской власти. В «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятом ВЦИК в феврале 1919 г, хотя и не содержалось прямых указаний на прекращение или запрет работ по отводу хуторских и отрубных хозяйств, тем не менее, признавался необходимым переход от них к товарищеским формам землепользования, а все виды единоличного хозяйствования рассматривались как «преходящие и отживающие». Исходя из этого Мосземотдел счел целесообразным отказать домохозяевам данной категории в праве на получение правительственных ссуд и других мер поддержки.

Подобные установки, хотя и косвенно, но способствовали усилению противодействия земельных и землеустроительных органов распространению нежелательных форм землепользования. Ревизионная комиссия Наркомата государственного контроля после обследования летом 1919 г. Подольского уезда сообщила в центр, что земледельческое население на сходах выносит «массу приговоров о разбивке земель на отруба (хутора)», но, наталкиваясь на отказы уездного земотдела в осуществлении таких намерений, «естественно, раздражается»¹⁰.

Тем не менее индивидуализация крестьянского землепользования в явных и скрытых формах продолжала развиваться. Поэтому для сдерживания стихийного распространения единоличных форм хозяйствования на земле явно требовались более конкретные и от-

⁷ Центральный отдел землеустройства Народного комиссариата земледелия РСФСР.

⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 101. Л. 33, 34, 40, 123–133.

⁹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 4. Ст. 43. С. 41; РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1591. Л. 92 об.–93.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1589. Л. 216.

кровенные меры ограничительного характера. В октябре 1920 г. Наркомзем уже разослал циркулярный запрос о мерах борьбы губземотделов с выходами на хутора¹¹.

В результате, по данным В.П. Данилова, к 1922 г., когда было принято либеральное земельное законодательство, признававшее равноправный с другими формами землепользования статус хуторов и отрубов, их удельный вес в Московской губернии по сравнению с 1916 г. снизился с 9,3 до 3,3 %, сократившись в абсолютном выражении вдвое (подсчитано по: [1, с. 107]).

Однако в целом, как признал впоследствии один из сотрудников Земельного отдела Моссовета, губревизор С. Протасов, обобщая данные обследований крестьянского землепользования в губернии для доклада в Центрозем, сформировавшиеся в ходе столыпинской реформы хутора и отруба, оказались достаточно жизнеспособными и «безболезненно пережили эпоху хозяйственного упадка 17 и 18 гг.»¹². Такая оценка, на наш взгляд, дает серьезные основания полагать, что фигурирующие в исследовательской литературе данные о значительном сокращении в регионе участковых хозяйств на самом деле не были связаны с их полным исчезновением, а лишь отразили тот факт, что многие из единоличников номинально вошли в состав земельных обществ, не утратив права обособленного пользования своим земельным участком. Подобный шаг, диктовался, прежде всего, стремлением обрести защиту «мира» в случае возможных посягательств на свое хозяйство со стороны властей либо соседей, и в сложившейся ситуации был совершенно логичным. Формальное возвращение в общину позволяло сохранить, по крайней мере, основную часть земельных угодий, сведенных в отруб. К примеру, владелец хутора «Михайловское» Бородинской волости Можайского уезда Н.Н. Полянский, вынужденный отстаивать перед уездным земотделом права на свою землю, приговором крестьян деревни Татариново в мае 1919 г. был принят в их общество, полностью сохранив при этом свой хуторской участок в 10 дес. «Такой пример вступления в крестьянское общество, – свидетельствовал он, – не единичный»¹³.

Очевидно, что аналогичная тактика была присуща и владельцам отрубных участков. Правда, для отрубников такого рода транс-

¹¹ Там же. Д. 2010. Л. 1.

¹² ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 22 об.

¹³ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1590. Л. 149–157.

формация облегчалась тем, что в основном они образовались при разверстании целых селений, а значит – на основе добровольного согласия домохозяев. Поэтому формальное возвращение к общинному землепользованию в данном случае не являлось слишком болезненным для объединяющихся, так как, в сущности, не предполагало изменения межевых границ.

Из нескольких тысяч отрубков, земли которых после 1917 г. перешли в разряд общинных, около 90 % находились в Московском уезде. Однако несмотря на восстановление общины и даже возвращение в ряде случаев к подворно-чересполосному землепользованию, введения общего севооборота здесь отмечено не было¹⁴. Таким образом, объединение отрубных хозяйств в земельное общество не сопровождалось сплошным переделом их угодий. Надо полагать, что в других районах губернии, где спрос на землю был не столь значителен, как вблизи столицы, и где имелись немалые площади пустошей, участковые хозяйства оказались еще менее ущемлены в ходе социализации.

По данным Московского губземотдела на 1928 г., из 689 земельных обществ с отрубным землепользованием лишь 303 произвели разверстание на единоличные участки в течение послереволюционного десятилетия¹⁵. Следовательно, численность остальных, полностью разверставшихся на участки в ходе столыпинского землеустройства, почти не изменилась: 386 против 388 в 1917 г. [4, с. 428]¹⁶. Таким образом, в селениях, которые до революции в полном составе перешли к единолично-участковому (по существу, отрубному) землевладению, земельная организация в первые годы советской власти не претерпела значительных деформаций, не говоря уже о коренной ломке. Изменился лишь формальный статус хозяйств в этих обществах.

Сокращение же размеров хуторского и отрубного землепользования произошло, прежде всего, за счет одиночных многоземельных выделенцев, располагавших существенным количеством земли, превышающей принятые нормы, и часто образовавшихся наперекор мирским приговорам. Разумеется, сохранить всю свою землю им

¹⁴ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 127.

¹⁵ Подсчитано по: Москва и Московская губерния: статистико-экономический справочник г. Москвы и Московской губернии. 1923/24–1927/28. М., 1929. С. 382; ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 110.

¹⁶ Произведенные расчеты основываются на данных в границах 1927 г.

было непросто. По данным на 1924 г., в среднем на участковое хозяйство приходилось 5,27 дес., что оказалось на 17 % меньше в сравнении с 1917 г. (6,37 дес.). Таким образом, лишившись земельных «излишков», оно приблизилось по землеобеспеченности к общинному двору, в свою очередь увеличившему за указанный период земельную площадь с 4,85 до 5,22 дес. (подсчитано по: [4, с. 429])¹⁷. Однако выделившиеся крестьяне вовсе не были обречены на принудительный возврат в общину. Так, отруб жителя д. Порхово Тимошевской волости Волоколамского уезда Павла Мурина в 6 дес., образованный в ходе столыпинского землеустройства после тяжбы с местным обществом, в условиях социализации полностью уцелел, и даже после смерти хозяина в 1919 г. сохранился уже в пользовании вдовы¹⁸.

Таким образом, «общинная революция» и социализация земли в подмосковном регионе не вызвали сплошной повсеместной перекройки крестьянского землепользования, подобно, большинству губерний Европейской России. Региональные особенности хозяйствования и условия, сформировавшиеся в результате модернизационных преобразований в аграрной сфере к 1917 г., препятствовали разрушению крестьянского земельного уклада и в значительной части сделали необратимыми те прогрессивные изменения, которые он претерпел в процессе своей эволюции на данный исторический момент. Не отвергая пропагандируемого большевиками эгалитаризма в решении земельного вопроса, подмосковное крестьянство стремилось действовать, опираясь на богатый опыт предшествующих десятилетий, сочетавший в себе принципы как общинного, так и единоличного землепользования различной степени обособленности. Тем самым вносились значительные коррективы в проводимые государством землеустроительные мероприятия, становившиеся более неоднозначными и гибкими, несмотря на известную политическую заданность и левацкие перехлесты в действиях местных властей. Как отмечал А.В. Чайнов, выступая перед членами Центрозема в октябре 1919 г., «агрономическая и землеустроительная практика последнего времени выдвинула новые типы поселения в виде хуторских гнезд и комбинационных поселений, где сохраняются и наделенные (так в тексте. – Д.К.) угодья и отруба и социаль-

¹⁷ Подсчитано по: ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 72.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 7. Д. 101. Л. 22 об.

ное бытие деревни»¹⁹. Поэтому наряду с укреплением общины участково-единоличное хозяйство в целом не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие уже в ближайшем будущем, чему в немалой степени благоприятствовало и земельное законодательство 1920-х гг.

В рамках государственной собственности на землю, подтвержденной Земельным кодексом РСФСР 1922 г., крестьянам предоставлялась свобода выбора форм землепользования вплоть до выхода из общины со своей землей на хутора и отруба с одобрения сельского схода. Если же большинство не давало согласия на такое решение, то при очередном переделе можно было обратиться в земчасть с заявлением о принудительном выделе земли, судьбу которого затем решало земсовещание.

Конечно, такой механизм значительно осложнял реализацию права на подворно-участковое землепользование. Миновать решение схода позволял лишь одновременный выход из общины не менее одной пятой всех дворов, что было маловероятным, учитывая крестьянское малоземелье и хозяйственный упадок деревни в предшествующие годы. Тем не менее, в перспективе подобная мера существенно расширяла возможности для преодоления зависимости от общества, как показало ближайшее будущее. Обеспечение четкой правовой регламентации земельных отношений и закрепление соответствующих гарантий, стимулировали стремление крестьянства к индивидуализации, несмотря на ряд серьезных законодательных ограничений. За первые два года, прошедших со времени вступления в силу нового земельного закона, численность хуторов и отрубов в подмосковной деревне выросла более, чем в два раза, составив в 1924 г. 24641, или 7,5 % всех крестьянских дворов, а размеры земельных площадей, занятых под ними, достигли почти 130 тыс. дес. (7,6 %) [1, с. 107]²⁰.

Особенно характерной тяга к единоличным формам землепользования была для земледельческих уездов. В эти годы местная пресса часто сообщала о происходивших там случаях массового выделения крестьян из общины. Так, в 1922 г. в течение месяца после утверждения Земельного кодекса сразу три села Воскресенского уезда (Петровское, Пятница и Александровское) полностью развер-

¹⁹ Там же. Оп. 6. Д. 1698. Л. 4.

²⁰ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 91 об.

стались на единоличные участки, а в Звенигородском уезде за одно лето того же года возникло 250 отрубов²¹. Не случайно удельный вес подворно-участковых хозяйств в уездах западной, земледельческой части Подмоскovie в среднем уже к 1924 г. превысил 10 %, а в Московском уезде каждый пятый домохозяин перешел к отрубному или хуторскому землепользованию²².

Представляется особенно красноречивым и заслуживающим внимания, что новая экономическая политика пробудила индивидуалистические устремления в крестьянстве и тех районов, где в дореволюционный период община оказалась достаточно крепкой и единоличное землеустройство не получило сколько-нибудь значительного развития. В частности, немалый резонанс вызвало разрушение общинного землепользования в деревне Волоколамского уезда, где после либерализации земельного законодательства крестьянские общества десятками стали производить разверстания на отруба. Только в течение одного 1924 года такое желание изъявили 40 селений. К 1928 г. численность обществ с хуторским и отрубным землепользованием в уезде, несмотря на заметно возростающее противодействие партийных и государственных органов, утроилась (с 42 до 131), составив уже более 21 %²³. Между тем, за все время столыпинской реформы на отруба здесь разверсталось всего 14 обществ.

Неожиданное массовое обособление хозяйств в селениях, которые, по общему мнению, были прекрасно устроены в земельном и агрономическом отношениях, вызвало настоящий скандал. Официальная пропаганда, раздраженно сообщая, что волоколамские мужики «как раки разлезлись на отруба», сразу нарекла случившееся «прорывом агрономического фронта». Начались поиски виновных. Стали говорить и писать о недосмотре партии, попустительстве земельных органов, подстрекательстве кулаков. Обвинялись также и землеустроители, якобы, прельстившиеся высокой платой «за нарезку отрубов и потому их усиленно насаждали». Однако вскоре губернское руководство было вынуждено признать, что эти события имели под собой вполне объективные причины: экономически окрепшие, высокоинтенсивные земледельческие хозяйства перерос-

²¹ Московская деревня. 1922. 17, 26 нояб.

²² ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 72.

²³ Подсчитано по: Производительные силы и народное хозяйство Московской губернии: Труды I-ой губернской конференции по изучению производительных сил и народного хозяйства Московской губернии 9–11 октября 1924 г. М., 1924. С. 25–26; ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 34 об.; Москва и Московская губерния ... С. 382–383.

ли «общинную оболочку»²⁴. Впрочем, разверстания могли быть спровоцированы и усилением общины, активизацией ее земельно-распределительной деятельности в первые послереволюционные годы. И в данной связи стремление обособиться явилось в какой-то мере ответной реакцией крестьянства на возросшее влияние «мира» в сфере землепользования.

Несмотря на относительную дороговизну землеустроительных работ (1 р. 10 к. с десятины)²⁵, их динамика в 1922–1924 гг. убедительно иллюстрирует усиление интереса крестьян к единоличным формам землепользования²⁶:

Годы	Землеустройство			
	групповое		единоличное	
	тыс. дес.	%	тыс. дес.	%
1922	141,4	92,3	11,8	7,7
1923	130,0	90,9	13,0	9,1
1924	207,9	88,8	26,2	11,2

На фоне внушительного преобладания группового землеустройства, характерного для общинного землепользования, площадь земель, охваченных землеустроительными работами в единоличных хозяйствах, возрастает с каждым годом как в абсолютном, так и в относительном выражении. Стремление подмосковных крестьян Московской губернии к выходу из общины определенно усиливалось. Согласно данным опроса, произведенного земорганами в 1924 г., более половины из 285 домохозяев-общинников Богородского, Волоколамского, Дмитровского, Московского и Серпуховского уездов сочли для себя желанным переход к участковому хозяйству, тогда как ни один из опрошенных единоличников не высказал намерения вернуться в состав земельного общества²⁷. За 1924–1926 гг. число отрубных и хуторских хозяйств в Подмоскovie увеличилось с 24641 до 30157, а их удельный вес вырос с 7,5 до 9,2 % при увеличении площади занимаемых земель с 129,9 до 166,6 тыс. дес. (с 7,6 до 9,7 %) [2, с. 280].

²⁴ Производительные силы и народное хозяйство ... С. 25–26.

²⁵ Волости Московской губернии по данным обследования, произведенного членами губисполкома летом 1924 года. М., 1925. С. 35.

²⁶ Составлено по: Московское хозяйство в 1925 году: опыт составления единого хозяйственного плана по г. Москве и Московской губернии на 1924–25 год.: с прилож. адм.-экон. карты Моск. губернии. М., 1925. С. 34.

²⁷ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 111.

В подобных условиях позиция властей оставалась достаточно противоречивой. С одной стороны, решения апрельского пленума ЦК ВКП(б) 1925 г. рекомендовали «не ставить административных преград для выделения на отруба и хутора» и содействовать росту последних, относя их к формам землепользования, «которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»²⁸. Таким образом, единоличные формы землепользования уже, казалось бы, признавались не только полноправными, но и экономически вполне прогрессивными. Однако реальная практика регулирования земельных отношений показывала, что даже в период расцвета нэповского либерализма земорганы во многом продолжали придерживаться прежних, идеологически ориентированных подходов, стремясь в той или иной мере сдерживать набиравший силу процесс индивидуализации крестьянского землепользования. Московское губернское земельное управление в циркулярном распоряжении «О классовом подходе, о формах землепользования и об учете экономических результатов при землеустройстве» от 26 марта 1925 г. нацеливало местные органы: «При всякого рода землеустроительных работах необходимо иметь в виду, что единственно желательной, целесообразной и выгодной формой землепользования является коллективно-товарищеская», хотя одновременно признавалось отсутствие условий для ее «широкого развития» на данном этапе. Тем не менее, общинно-передельная и подворно-отрубная формы землепользования оценивались как «временные» и предписывалось «принимать все меры к смягчению» их «отрицательных сторон <...> в смысле дальнейшего и безболезненного перехода <...> к новым формам коллективно-товарищеским». При этом, осуждая «применение чисто административных методов борьбы с нецелесообразными стремлениями населения» в ходе землеустройства, земельное управление предостерегало работников на местах от «пассивного следования за желаниями» земледельцев в осуществлении ими свободы выбора, предоставляемой Земельным кодексом²⁹.

Подобные рекомендации еще более усиливали и без того активные попытки местных властей воспрепятствовать организации подворно-участковых хозяйств. Сотрудники Мосземотдела в ре-

²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3. С. 349.

²⁹ Сборник законоположений и распоряжений по землеустройству. М., 1927. С. 148–149.

зультате обследований, проведенных в течение 1924–1927 гг., были вынуждены признать наличие тенденции к «административно-му зажиму» в отношении участкового землепользования «со стороны уездных советских и партийных организаций». «Требования закона о свободном выборе населением форм землепользования, – констатировалось в одном из обзоров, составленных в земельном ведомстве губернии, – фактически упраздняются вследствие *негласного административного запрета* (курсив наш. – Д.К.) некоторых [отрубных и хуторских] форм»³⁰.

Пытаясь преодолеть сопротивление системы, крестьяне изыскивали такие пути хозяйственного обособления, которые позволяли избавиться от общинной зависимости в землепользовании, минуя установленную в законодательстве процедуру выделения на отруба и хутора. С этой целью они целыми обществами переходили на широкие полосы, производили отвод одной полосы в пашне, тем самым избавляясь от общего принудительного севооборота. В Подмосковье существовало немало общин, которые, как отмечалось в материалах Мосземотдела за 1927 г., «прекратили у себя всякие переделы и ввели индивидуальные севообороты, т.е. потеряли главные признаки общины. По существу, они являются обществами с участково-чересполосным порядком пользования и с той лишь разницей от обществ с участково-отрубным порядком, что в последних чересполосность уничтожена в порядке землеустройства»³¹. Наибольшее распространение такие формы получили в районах с интенсивным товарным земледелием, хотя точными данными об их количестве Земельный отдел не располагал. По мере проведения новой экономической политики возрастала вероятность того, что они со временем перейдут к полноценному подворно-участковому землепользованию, как это уже происходило в Волоколамском уезде.

Таким образом, реальное содержание процессов в крестьянском землепользовании все больше расходилось с большевистской стратегией обобществления сельского хозяйства. Даже в условиях государственной собственности на землю и господства общинных традиций в подмосковной деревне процесс индивидуализации крестьянского землепользования быстро набирал обороты, вызывая

³⁰ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 75–76, 79, 83, 93, 128.

³¹ ЦГАМО. Ф. 4997. Оп. 1. Д. 1929. Л. 121.

серьезные сомнения относительно перспектив дальнейшего переустройства аграрной сферы на коллективно-государственных началах в обозримом будущем. Подобное противоречие становилось одним из весомых аргументов в пользу отказа от нэповских хозяйственных механизмов и ужесточения экономического курса в целом.

Литература

1. *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
2. *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века (по материалам Московской губернии). М., 2004.
3. *Першин Н.П.* Участковое землепользование в России. Хутора и отруба их распространение за десятилетие 1907–1916 гг. и судьба во время революции (1917–1920 гг.). М., 1922.
4. *Першин Н.П.* Земельное устройство дореволюционной деревни. М.; Воронеж, 1928. Т. 1.

**Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 гг.
в публикациях историков и экономистов
советской эпохи**

Анализируются взгляды советских историков и экономистов на развитие и функционирование колхозно-совхозной системы СССР в 1946–1964 гг. Выявлена роль идеологии и политических установок в формировании историографии проблемы.

Ключевые слова: колхозно-совхозная система, аграрный строй, сельское хозяйство, историография.

Колхозно-совхозная система – организационно - хозяйственная основа аграрного строя СССР 1930–1980-х гг. Ее базовые структуры – колхозы (коллективные хозяйства) и совхозы (советские хозяйства) – были созданы в ходе массовой коллективизации. Первые являлись производственно-кооперативными организациями (де-юре), вторые – государственными. Элементами системы были также машинно-тракторные станции (МТС), существовавшие до 1960 г., подсобные предприятия организаций (подхозы), личные хозяйства населения (ЛПХ) и др.

Термин «колхозно-совхозная система» стал широко использоваться в годы горбачевской перестройки благодаря работам публицистов и писателей, освещавшим вопросы развития деревни. Доминировало представление о том, что этот социально-экономический институт крайне неэффективен и в принципе не может быть эффективным, поскольку является ослабленным неизлечимыми родовыми травмами детищем насильственной сталинской коллективизации. При этом утверждалось о существовании альтернативных путей социалистической реконструкции сельского хозяйства. В текущей ситуации альтернативой колхозам и совхозам определялось крестьянско-фермерское хозяйство [23]. В постсоветский период для исследователей аграрного строя СССР, в том числе для многих историков-аграрников, данный подход стал определяющим (см.: [8; 16] и др.).

¹ Андреенков Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, andreenkov_sn@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

В начале XXI в. в силу ряда объективных причин значительная часть ученых стала по-иному смотреть на развитие и функционирование колхозно-совхозной системы. Новый взгляд на нее стал закрепляться в научной литературе в связи с увеличением среди исследователей числа сторонников мнения о том, что сталинская коллективизация – насильственная, но необходимая мера, без которой были невозможны индустриализация, укрепление обороны страны, победа в Великой Отечественной войне, а также быстрое восстановление народного хозяйства и достижение военно-стратегического паритета с США в послевоенные годы. Колхозно-совхозная система в этом плане представляется как крайне несовершенный, но востребованный и своевременный социально-экономический институт, позволивший стране ответить на важнейшие исторические вызовы, модернизировать сельское хозяйство. Данные взгляды смогли укорениться в историографии во многом благодаря работам таких авторов, как А.Г. Вишневский [5], В.А. Бондарев [2].

Анализ истории колхозно-совхозной системы в рамках вышеназванной парадигмы актуализирует изучение результатов ее исследования советскими учеными. В настоящей статье мы попытаемся выявить особенности освещения историками и экономистами СССР проблем развития и функционирования колхозно-совхозной системы в период послевоенного двадцатилетия.

В научных трудах по аграрной истории СССР, вышедших в свет в 1950-е – первой половине 1980-х гг., термин «колхозно-совхозная система» использовался довольно редко. Колхозы, МТС, совхозы и другие организационно-производственные структуры, как правило, анализировались по отдельности. Методология исследований, а зачастую и их результаты зависели от мнения высших партийно-государственных функционеров.

Изначально в экономической и исторической литературе доминировала колхозно-крестьянская проблематика, что обуславливалось признанием колхозов по итогам коллективизации решающей силой социалистической реконструкции села. Хотя в конце 1920-х гг. подходы к соотношению двух основных типов социалистических сельхозпредприятий было иным. И.В. Сталин на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г призывал к созданию и колхозов, и совхозов [17, с. 1465]. Совхозы рассматривались как ведущий тип хозяйств, колхозы – как ведомый. В среднесрочной пер-

спективе колхозная собственность должна была сблизиться с государственной, а в долгосрочной, т.е. в коммунистической перспективе, – слиться с ней.

Однако совхозы стали одним из самых досадных разочарований: ведение хозяйства в них требовало больших вложений и при этом не давало ожидаемого объема сельхозпродукции. Поэтому было решено сделать ставку на приоритетное развитие колхозов, создание которых обходилось дешевле. В них можно было экономить на оплате труда работников. За работу в общественном хозяйстве колхозники получали минимальную оплату и выживали благодаря личному приусадебному хозяйству (ЛПХ).

В начале 1950-х гг. И.В. Сталин заявил о том, что коммунистические хозяйства вполне можно создавать на базе колхозов и без участия совхозов. Против окончательного огосударствления сельхозартелей выступил экономист В.Г. Венжер, являвшийся сторонником развития товарно-денежных отношений, усиления кооперативных начал колхозов и укрепления их собственности, в том числе путем продажи техники МТС [3]. И.В. Сталин категорически отрицал целесообразность реорганизации МТС, полагая, что она разорит колхозы и ослабит материально-техническую базу сельского хозяйства [19, с. 76–84]. Следует отметить, что во взглядах И.В. Сталина и В.Г. Венжера было и много общего. Оба скептически относились к совхозам и делали ставку на колхозы и предсказывали естественное отмирание ЛПХ и стирание различий между городом и селом.

После смерти И.В. Сталина проекты В.Г. Венжера оказались востребованы и реализовывались на практике Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущевым. Последний зашел по пути аграрной «десталинизации» довольно далеко. При нем в сельском хозяйстве были отменены натуральные расчеты, введены экономически обоснованные цены, продана колхозам техника МТС. Идеи В.Г. Венжера оставались востребованными и после отставки Н.С. Хрущева. В работах экономистов 1960–1980-х гг. В.Г. Венжера [4], К.И. Могильницкой [14], Т.И. Заславской [9], И.Н. Трегубова и др. [4; 14; 9; 22] осуждались внеэкономические рычаги управления колхозами, использовавшиеся при И.В. Сталине, и обосновывалась важность шагов по аграрной либерализации, предпринятых в середине 1950-х гг. В первую очередь подчеркивалась целесообразность реорганизации МТС, несмотря на все ее издержки. В пози-

тивном ключе об этой реформе, в частности, написано в 6-м томе фундаментального издания «История социалистической экономики СССР», вышедшего в 1980 г. Положительно оценивалось укрупнение колхозов, проводившееся в 1950-е гг. в целях ускорения развития в них индустриальных форм хозяйствования.

В научно-исторической литературе второй половины 1960-х – 1980-х гг., раскрывавшей проблемы развития колхозов (работах И.М. Волкова, М.А. Вылцана, Р.С. Русакова, а также фундаментальных трудах – 4-м томе «Истории крестьянства СССР», 4-м и 5-м томах «Истории крестьянства Сибири»), даны более осторожные оценки постсталинской аграрной либерализации [6; 7; 18; 10; 12; 13]. В частности, М.А. Вылцаном продажа техники МТС колхозам показана как поспешное и плохо продуманное начинание, имевшее альтернативу [7, с. 238].

Куратор науки из ЦК КПСС историк С.П. Трапезников вывел следующую формулу развития советского аграрного строя. Социалистическая реорганизация сельского хозяйства, по его мнению, осуществлялась по трем направлениям: по линии создания совхозов, МТС и колхозов. Появилось два однородных типа общественных хозяйств – государственные и кооперативные. Включив МТС в число структур, целенаправленно создававшихся в рамках массовой коллективизации, С.П. Трапезников подчеркнул большую значимость этих предприятий и нецелесообразность их ликвидации [21, с. 560–561].

В публикациях 1960–1980-х гг. по истории колхозного крестьянства помимо обозначенных выше экономических вопросов на общесоюзном и региональном материале детально прорабатывались проблемы осуществления партийного руководства сельхозартелями, обеспечения их кадрами, производства сельхозпродукции, шефства промышленных предприятий над сельскохозяйственными и др.

Периодизация истории сельского хозяйства в целом и колхозов в частности совпадала с периодизацией истории советского общества. Ключевыми вехами являлись 1945, 1958 и 1965 гг. 1945 г. – окончание войны, первый мирный сельскохозяйственный год. 1958 г. – завершение полной и окончательной победы социализма и преддверие эпохи создания материально-технической базы коммунизма, упрочение колхозного строя, начало сближения колхозно-кооперативной собственности с общенародной. 1965 г. – исправление волонтаристских перегибов в аграрной политике,

вступление в эпоху «развитого социализма», старт реализации программы интенсификации сельского хозяйства.

О предпосылках и природе кризисных явлений в сельском хозяйстве, как и вообще о недостатках колхозного строя, историки высказывали разные мнения. В частности, они полемизировали по вопросу о том, какие факторы – субъективные или объективные, внутренние или внешние – в наибольшей степени обусловили те или иные трудности.

В годы хрущевского «десятилетия» ученые пытались обосновать тезис о том, что замедление темпов роста колхозного хозяйства в начале 1950-х гг. было вызвано причинами субъективного порядка. По мнению Н.С. Погорелова, кризисное развитие колхозов являлось следствием ошибочной политики И.В. Сталина [15, с. 58]. В годы правления Л.И. Брежнева акценты сместились: трудности начала 1950-х гг. были названы следствием объективных и в значительной степени внешних факторов. А вот замедление темпов развития сельского хозяйства в начале 1960-х гг. считалось результатом действия субъективных факторов и прежде всего волюнтаризма Н.С. Хрущева.

В 1960-е гг. в научную литературу по экономике и истории сельского хозяйства стремительно вошла совхозная тематика (М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин [1], Н.С. Погорелов [15], Н.С. Тонаевская [20] и др.). Интерес к ней обуславливался масштабным строительством государственных хозяйств, инициированным Н.С. Хрущевым. Новая «совхозизация» являлась продолжением реализации программы коллективизации, принятой в конце 1920-х гг. В период нахождения у власти Н.С. Хрущева массовое совхозное строительство, естественно, рассматривалось исследователями как важное позитивное мероприятие. Но и после октября 1964 г. его в целом считали прогрессивным шагом. Строительство совхозов на новых землях и освоение целины как способ быстрого решения зерновой проблемы не могли не оправдываться, поскольку одним из руководителей целинной кампании являлся Л.И. Брежнев. Данная акция стала приобретать образ мероприятия, продвигавшегося именно Л.И. Брежневым, а не Н.С. Хрущевым. Хотя чаще целинную эпопею называли инициированным партией «всенародным движением». К числу недостатков «совхозизации» отнесли чрезмерные масштабы реорганизации отстающих колхозов в совхозы, во многом обусловившие низкую эффективность

вновь образованных хозяйств. После отставки Н.С. Хрущева партийная верхушка заявила о необходимости одновременного и соразмерного развития колхозной и совхозной формы хозяйствования. Слияние двух типов хозяйств в единую общенародную собственность объявлялось делом отдаленного будущего.

О коммунистической перспективе вообще старались не говорить. Эпоха создания материально-технической базы коммунизма, о начале которой еще в 1959 г. возвестил внеочередной XXI съезд КПСС, стала называться эпохой «развитого социализма». Если в первом варианте данный период общественного развития имел свой финал и был преддверием «новой светлой эпохи», то во втором – являлся особой стадией, которая имела заверченный характер и могла длиться сколь угодно долго.

Однако ради истины следует отметить, что установка равномерно развивать обе формы социалистического хозяйствования родилась уже при Н.С. Хрущеве. В конце своего правления лидер партии признал ошибочность сплошного преобразования отстающих колхозов в совхозы и отметил важность принятия мер по оздоровлению экономики сельхозартелей. В книге Н.С. Погорелова обосновывался тезис о том, что Н.С. Хрущев всегда выступал за равномерное развитие и колхозов, и совхозов. А И.В. Сталин, напротив, противопоставлял их друг другу. По мнению автора, в 1930-е – начале 1950-х гг. многие колхозы были настолько истощены экономически необоснованной ценовой, заготовительной и налоговой политикой государства, что самостоятельно уже не могли встать на ноги, и после смерти И.В. Сталина правительству пришлось взять их на госбюджет. Однако в конце 1950-х – начале 1960-х гг. данный процесс зашел слишком далеко, и виновны в этих пережестях «некоторые экономисты», «отдельные товарищи» и «местные руководители», которые убеждали верховное руководство в необходимости форсированной «совхозизации» колхозов, фактически являвшейся ошибочной мерой [15, с. 58-74].

В годы перестройки отношение экспертов к советскому строю стало более критическим. Верховная власть предоставила исследователям доступ к ранее засекреченным архивам и в то же время направила творческую энергию ученых на первоочередное выявление недостатков сложившегося уклада. В связи с этим широко распространилось мнение о бесперспективности колхозно-

совхозной системы. Его разделяли не только публицисты, но и ученые, например, академик ВАСХНИЛ В.А. Тихонов и историк В.П. Данилов. На круглом столе с повесткой «Коллективизация: истоки, сущность последствий», проходившем в Москве 24 октября 1988 г., В.П. Данилов говорил: «Сталинский вариант коллективизации не был запрограммирован ни социалистической теорией, ни объективными обстоятельствами <...>. Трактовка кооперирования крестьянских хозяйств не как самостоятельной задачи <...>, а как средства для решения других задач была принципиальным нарушением ленинского кооперативного плана, повлекшим за собой все другие нарушения и искажения. <...> Со времени коллективизации колхозы были поставлены по отношению к государству в такое положение, которое резко ограничивало их самостоятельность и инициативу, а тем самым и хозяйственный рост. <...> Конечным результатом всего этого явилось бегство крестьян от земли, запустение деревень. <...> Попытки решать проблемы колхозно-совхозного производства с позиций “крупнопромышленного” догматизма предпринимались и в 60-х, и 70-х гг. вплоть до самого последнего времени. Уяснение порочности таких попыток, прежде всего несостоятельности беспредельного “укрупнения” производства, стало одной из важнейших предпосылок перестройки в сельском хозяйстве» [11, с. 16–17].

Оппоненты данной позиции утверждали, что в постсталинский период колхозно-совхозная система лишилась наиболее одиозных черт и была способна к дальнейшей трансформации посредством развития подрядных кооперативных, хозрасчетных и товарно-денежных отношений. Такого мнения, в частности, придерживался Н.Я. Гуцин [12, с. 18–21]. Однако первая из вышеназванных точек зрения оказалась более популярной и доминировала в последующие годы.

Таким образом, в 1950–1980-е гг. деятельность колхозов, совхозов и других организационных форм аграрного производства в рассматриваемый период анализировалась широким кругом ученых, которые ввели в научный оборот значительный объем конкретно-исторической информации. В то же время введенных в научный оборот данных для полного и объективного отображения анализируемых процессов было недостаточно. Созданию достоверной картины развития колхозно-совхозной системы мешала необходимость учитывать доктринальные установки верховной

власти. До середины 1980-х гг. на первый план в публикациях выдвигались достижения крупных социалистических сельхозпредприятий, а направленность и жесткость критики недостатков в их работе и функционировании аграрной системы в целом зависели от текущей политической конъюнктуры. В годы перестройки, наоборот, с подачи руководства страны отрицательные стороны существующего аграрного строя исследователи выпячивали, а о положительных – предпочитали не говорить.

Литература

1. *Богденко М.Л., Зеленин И.Е.* Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М., 1976.
2. *Бондарев В.А.* Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.
3. *Венжер В.Г., Санина А.В.* Письма в ЦК КПСС // Аграрный строй в России: прошлое, настоящее, будущее: сб. стат. / Под ред. В.Е. Есипова. СПб., 1999. С. 36–94.
4. *Венжер В.Г.* Социально-экономические перспективы развития колхозного строя. М., 1979.
5. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
6. *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972.
7. *Вьлцан М.А.* Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958 гг.). М., 1976.
8. *Денисова Л.Н.* Государственная власть и колхозы // Государственная власть и крестьянство в XX – начале XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф.: сб. стат. / Отв. ред. А.И. Шевельков. Коломна, 2007. Ч. 1. С. 392–403.
9. *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
10. История советского крестьянства: [кол. моногр.] / Отв. ред. И.М. Волков. М., 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 1950-х гг.
11. Коллективизация: истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. 1989. № 3. С. 3–62.
12. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.: [кол. моногр.] / Отв. ред. Н.Я. Гушин. Новосибирск, 1991.
13. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма: [кол. моногр.] / Отв. ред. В.Т. Анисков, Н.Я. Гушин. Новосибирск, 1985.
14. *Могильницкая К.И.* Экономическое стимулирование колхозного производства Западной Сибири через заготовительные цены (1958–1965 гг.) //

- Проблемы истории советской сибирской деревни: сб. науч. тр. Новосибирск, 1977.
15. *Погорелов Н.С.* Совхозы на пути к коммунизму (Роль совхозов в развитии производительных сил и совершенствовании социалистических производственных отношений в сельском хозяйстве). Киев, 1964.
 16. *Попов В.П.* «Второй и важнейший этап» (об укрупнении колхозов в 1950-е – начале 1960-х гг.) // Отечественные архивы. 1994. № 1. С.27-37.
 17. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г.: стеногр. отчет. М., 1962. Т. II.
 18. *Русаков Р.С.* Укрепление колхозов Западной Сибири кадрами специалистов (1953-1957 гг.) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1965. № 9. Серия общественных наук. Вып. 3. С. 64–69.
 19. *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. Государственное Издательство Политической Литературы. 1952 год. М., 2011.
 20. *Тонаевская Н.С.* Рабочие совхозов Западной Сибири. 1959–1965 гг. Новосибирск, 1978.
 21. *Трапезников С.П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1974. Т. 2: Исторический опыт КПСС в осуществлении ленинского кооперативного плана.
 22. *Трегубов И.Н.* Колхозное производство и его экономическая эффективность (по материалам колхозов Восточной Сибири). Иркутск, 1966.
 23. *Черниченко Ю.Д.* Дело было в России. М., 1997.

Аграрная политика и сельское хозяйство Западной Сибири в 1960-е – первой половине 1980-х гг.

В статье анализируется эволюция аграрной политики и развитие сельского хозяйства Западной Сибири в середине 1960-х – I половине 1980-х гг. Сделан вывод, что система взаимоотношений государства и сельхозпредприятий эволюционировала от попыток либерализации во второй половине 1960-х гг. к усилению администрирования в последующее десятилетие.

Ключевые слова: сельское хозяйство; аграрная политика; мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г.; колхозы; совхозы; Западная Сибирь.

В начале 1960-х гг. в сельском хозяйстве Западной Сибири складывается кризисная ситуация. В 1961–1963 гг. значительно сократился валовой сбор зерна. Уменьшение производства повлекло за собой снижение объемов государственных закупок. В 1959–1963 гг. среднегодовые закупки по сравнению с 1954–1958 гг. уменьшились на 37 %. Сложности в развитии полеводства сказывались на развитии животноводства. В 1963 г. произошло значительное сокращение поголовья скота. Количество свиней в общественном секторе Западной Сибири уменьшилось на 73,8 %, в Алтайском крае оно сократилось в 5,9 раз, в Омской области – в 3,7 раза. Поголовье овец и коз сократилось на 17,4 %, крупного рогатого скота – на 8,3 % [1, с. 215].

Главной причиной аграрного кризиса 1962–1963 гг. стала разбалансировка действующего хозяйственного механизма. Неблагоприятные погодные условия начала 1960-х гг. выступили катализатором и ускорили проявление проблем. Подрыв экономического положения колхозов путем продажи им сельскохозяйственной техники МТС, несоответствие закупочных цен себестоимости произведенной продукции, рост численности убыточных хозяйств, осложнение экологических проблем, многочисленные организационные перестройки стали причиной кризисных явлений в аграрном секторе.

Очевидное банкротство административно-командных методов управления заставило руководство страны вновь обратиться

¹ Орлов Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, orlovd2010@mail.ru, Россия, Алтайский край, г. Бийск.

внимание на проблемы экономики сельского хозяйства и социальные вопросы. В 1963–1964 гг. центральная власть приняла ряд решений, направленных на повышение доходов сельхозпредприятий и их работников. В марте 1964 г. с колхозов списали задолженности за технику, приобретенную у МТС, предоставили льготы по кредитам, уменьшили подоходный налог, ввели для механизаторов ежемесячную оплату труда с доплатой до уровня совхозных тарифных ставок. Также впервые в истории советской деревни устанавливалась государственная система социального обеспечения колхозников.

В соответствии с решениями мартовского (1965) пленума ЦК КПСС был реализован ряд мероприятий по экономическому стимулированию и финансовой поддержке сельхозпредприятий. От выплаты подоходного налога освобождались колхозы с рентабельностью менее 15%. Работы по коренному улучшению земель в колхозах страны стали оплачиваться за счет государственного бюджета. Предусматривалось ассигнование 41 млрд руб. государственных капитальных вложений на строительство объектов производственного назначения и приобретение техники. Плановые показатели стали доводиться до хозяйств по ограниченному числу важнейших показателей (объем закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы и прибыль). Планы продажи продукции государству объявлялись твердыми, неизменными на всю пятилетку, их показатели были ниже фактических закупок предыдущих лет.

Установление твердого плана производства сельхозпродукции для предприятий, введение доплат за сдачу сверхплановой продукции, повышение закупочных цен, расширение производственной самостоятельности сельхозпредприятий стали результативными мерами, особенно в годы восьмой пятилетки. Среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции во второй половине 1960-х гг. были одними из самых значительных за всю историю советского государства и составляли 4,2 % по стране и 3,9 % по Сибири [2, с. 150–151]. В восьмой пятилетке в целом валовая продукция аграрного сектора западносибирского экономического района выросла на 19,9 %.

С конца 1960-х гг. усиливаются административно-командные начала в управлении колхозами и совхозами, сужается их производственная самостоятельность. Налоговая система обеспечивала изъятие почти всех свободных оборотных средств сель-

хозпредприятий, лишая тем самым наиболее рентабельные из них заинтересованности в выполнении планов и получении высоких доходов. Продолжал усиливаться диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности. Быстрыми темпами росла себестоимость производимой продукции растениеводства и животноводства.

Несмотря на заявления о приверженности курсу мартовского пленума, административные методы управления стали восстанавливать свои позиции и в тех сферах, из которых их попытались частично вытеснить, в том числе в сфере планирования. Принцип планирования «снизу» был фактически дезавуирован. Вместо одного твердого плана появилось несколько. Возродилась практика их частых и необоснованных изменений. Хозяйствам вновь стали навязывать структуру посевных площадей, диктовать технологические решения. Была фактически свернута система хозрасчета. Усилился контроль за финансово-хозяйственной деятельностью колхозов и совхозов. Кредит потерял свои стимулирующие функции и превратился в практически безвозмездную форму бюджетного ассигнования. Целевое распределение средств государственного бюджета осуществлялось в строго централизованном порядке и ограничивало хозяйства в выборе решений [3, с. 175–176].

Вместо проведения реальных экономических реформ был взят курс на технологическую интенсификацию аграрного сектора. Магистральным путем увеличения производства сельхозпродукции была избрана «интенсификация сельского хозяйства на прочной основе механизации, электрификации и химизации производства, а также широкое развитие мелиорации» [4, с. 19]. Осуществление этого курса планировалось с помощью наращивания капитальных вложений в сельское хозяйство, рост квалификации работников, их материальное стимулирование. Также увеличились масштабы механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда, расширилось применение минеральных удобрений, химических средств химизации, в целом выросла культура земледелия и животноводства.

В качестве базового экономического стимула развития сельхозпроизводства подразумевалось не предоставление совхозам и колхозам хозяйственной самостоятельности, а повышение зарплаты их работникам. Рост оплаты труда опережал темпы роста его производительности.

Продолжалась «совхозизация» сельского хозяйства. Во второй половине 1970-х гг. в стране совхозы по производству валовой продукции сельского хозяйства опередили колхозы. Параллельно происходило укрупнение оставшихся колхозов. Увеличивались размеры традиционных внутривоспроизводственных форм организации труда – бригад, ферм, отделений. Многие хозяйства перешли от территориальной к отраслевой структуре управления. Вместо комплексных подразделений в них создавались специализированные цеха.

В 1971–1975 гг. в Западной Сибири среднегодовой валовой прирост сельхозпродукции снизился до 11,4 %. В 1976–1980 гг. падение темпов валового производства ускорилось. За пятилетие оно выросло на 2,7 %.

Негативное влияние на ситуацию в аграрном секторе экономики оказывала усилившаяся сельско-городская миграция, которая приводила к сокращению сельского населения. Острый характер приобрел дефицит трудовых ресурсов.

В десятой пятилетке значительно расширились масштабы использования шефства промышленных предприятий над колхозами и совхозами. Увеличение объемов шефской помощи свидетельствовало о нарастании кризисных явлений в сельском хозяйстве. Другим механизмом, направленным на компенсацию снижения темпов развития в колхозно-совхозном секторе, стало создание подсобных предприятий на заводах и фабриках.

Проводившийся в середине 1960-х – первой половине 1980-х гг. курс на расширения масштабов специализации и межхозяйственных кооперативных имел противоречивые последствия. В условиях ухудшения продовольственного снабжения населения проводилась политика стимулирования развития личных подсобных хозяйств населения.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Обстановка, сложившаяся в аграрном секторе страны к началу 1980-х гг., требовала принятия мер, способствующих ускорению темпов аграрного производства. На это была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом партии Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. [5, с. 227–314]. В качестве основных методов достижения поставленных в ней задач предлагалось наращивание капиталовложений, техническое перевооружение, увеличение масштабов химизации и мелио-

рации, внедрение достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта. В Западной Сибири среднегодовой валовой прирост сельхозпродукции в одиннадцатой пятилетке вырос до 4,4 %.

Сформировавшаяся во второй половине 1960-х – середине 1970-х гг. модель модернизированной аграрной экономики, сочетавшая в себе элементы экономической децентрализации и планового администрирования, позволила сельскому хозяйству быстро восстановиться в восьмой пятилетке и в девятой пятилетке развиваться ускоренными темпами. Но по мере достижения хозяйственных успехов, в руководстве аграрной отрасли стала довлеть идеологическая составляющая, и главным фактором роста аграрного производства стало считаться повышение социалистической сознательности в труде колхозников и рабочих совхозов. На практике происходило усиление командно - бюрократического диктата, что вкупе с иными негативными факторами, привело к снижению производственных показателей в десятой пятилетке и к кризисной ситуации в начале 1980-х гг. Выход из аграрного кризиса начала 1980-х гг. был осуществлен с помощью механизмов, определенных в очередном программном документе – Продовольственной программе 1982 г. Большинство предложенных мер повторяли решения мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г.: повышение закупочных цен, списание долгов колхозов и совхозов, смягчение налогового бремени и др. В одиннадцатой пятилетке темпы прироста валовой продукции аграрного сектора Западной Сибири повысились, однако были ниже показателей второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг.

Литература

1. *Андреенков С.Н.* Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск, 2016.
2. *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // *Долголюк А.А., Ильиных В.А., Ламин В.А., Пленкин В.Ю., Тимошенко А.И.* Сибирь: проекты XX в. (начинания и реальность). Новосибирск, 2002.
3. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / *В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рышков* [и др.] Новосибирск, 2012.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 11.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1987. Т. 14.

Эволюция форм и видов землепользования на Юге России в 1990-е гг.

Анализируется ход земельной реформы 1990-х гг. на Юге России. Показан процесс перехода государственной собственности на земли сельскохозяйственного назначения к коллективно-долевой и частной.

Ключевые слова: сельское хозяйство; земельная реформа; приватизация; рыночная экономика.

Всеобъемлющий кризис в экономике страны в начале 1990-х гг. потребовал перехода к рыночным отношениям. Пути перехода к рыночной экономике в сельском хозяйстве были намечены в «Основных направлениях стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», одобренных Верховным Советом СССР в октябре 1990 г. В них было заявлено, что альтернативы перехода к рынку нет, что только он в состоянии обеспечить удовлетворение потребностей людей, справедливое распределение благ, социальные права и гарантии граждан, укрепление свободы и демократии. Одним из ключевых направлений реализации программы становления рыночной экономики в аграрной сфере было определено проведение земельной реформы и создание условий для эффективного функционирования различных форм собственности и хозяйствования, устранение монополии на землевладение, формирование многоукладной экономики в аграрном секторе.

В соответствии с принятым документом, республики должны были разработать земельные кодексы и другие законодательные акты прямого действия, регулирующие земельные отношения, применительно к особенностям отдельных регионов страны, создать условия для предоставления земли всем, кто желает и способен эффективно ее использовать для сельскохозяйственного производства.

Для организации этой работы создавались комитеты по земельной реформе, которым следовало провести инвентаризацию и оценку земельных угодий, выявить неэффективно используемые

¹ Серогодский Николай Александрович, доктор исторических наук, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, serogodskyna@mail.ru, Россия, г. Славянск-на-Кубани.

земли, осуществить работу по преобразованию неэффективных колхозов и совхозов с предоставлением их земель кооперативам, арендаторам, крестьянским хозяйствам, промышленным и другим предприятиям для организации товарного сельскохозяйственного производства, а также для ведения личного подсобного хозяйства, коллективного садоводства и огородничества. Вопрос о собственности на землю должен был решаться волеизъявлением народа [6, с. 39].

Однако распад СССР и создание независимых республик привел к формированию различных путей перехода к рыночной экономике. Началом аграрных реформ в России стал Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». В Указе ставилась задача проведения приватизации земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности. Колхозы и совхозы обязывались в 1992 г. провести реорганизацию и обозначить свой статус в соответствии с законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Местным органам власти поручалось обеспечить контроль за реализацией права членов колхозов и работников совхозов на беспрепятственный выход их из сельхозпредприятий для создания крестьянских (фермерских) хозяйств.

До 1 февраля 1992 г. органы исполнительной власти краев и областей должны были установить предельные размеры земельных участков, предоставляемых крестьянским (фермерским) хозяйствам, в зависимости от специализации, численности работников, качества земли. Колхозы и совхозы обязывались до 1 марта 1992 г. принять решение о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности². В результате реформы владельцы земельных долей могли объединить свои участки в товарищества, акционерные общества, кооперативы, создать крестьянские хозяйства. В случае коллективно-долевой собственности на землю, их доли, не обозначенные в натуре, оставались в хозяйстве. Если владелец земельной доли сам работал в объединившемся коллективе, то его доход зависел от результата работы предприятия, а если не работал в хозяйстве и сдавал ее в качестве вноса, то его доход определялся соответствующими договорами с главой сельхозпредприятия, где определялся размер дивидендов.

² АПК: экономика, управление. 1992. № 3. С. 7–9.

Порядок реорганизации хозяйств был определен в постановлении правительства РСФСР «О порядке реорганизации колхозов и совхозов», принятом в соответствии с Указом президента. Для этого в каждом колхозе и совхозе создавались специальные комиссии, в состав которых включались представители местных органов власти, администрации хозяйств, трудовых коллективов, районных управлений сельского хозяйства, комитетов по земельной реформе. Руководство было возложено на председателей колхозов и директоров совхозов с персональной ответственностью за исполнение данного постановления. Все члены колхоза и работники совхоза, в том числе и ушедшие на пенсию, имели право на бесплатный земельный и имущественный пай в общей долевой собственности. По решению коллектива пай мог быть предоставлен и работникам социальной сферы, обслуживающим данное хозяйство. Размер земельного пая устанавливался в натуральном или стоимостном выражении. При среднем качестве земли земельный пай в натуральном выражении не должен был превышать, утвержденной в районе предельной нормы бесплатной передачи земли в собственность. Размер имущественного пая устанавливался в зависимости от трудового вклада. Допускалось их объединение в единый пай с указанием его стоимости и выдачей акций и иных свидетельств собственности [1, с. 51].

На основании этих документов работниками Министерства сельского хозяйства РФ и учеными-аграрниками были подготовлены «Рекомендации по реорганизации колхозов и совхозов», в которых были конкретизированы задачи по приватизации и реорганизации сельскохозяйственных предприятий. Реорганизация колхозов и совхозов могла осуществляться тремя основными путями:

- раздел хозяйства на крестьянские хозяйства и малые предприятия с последующим их добровольным объединением в ассоциацию или кооперативы;
- реорганизация хозяйства или его части в акционерное общество открытого или закрытого типа;
- реорганизация хозяйства или его части в производственный кооператив (коллективное предприятие). Направление реорганизации выбиралось коллективом хозяйства на добровольной основе [1, с. 52].

Создавалась специальная комиссия, в функции которой входили:

- разработка проекта реорганизации хозяйства;
- обеспечение процесса реорганизации хозяйства;
- организация и контроль за оценкой и разделом на паи имущества и земель хозяйства;
- обеспечение рациональной системы землеустройства на территории реорганизуемого хозяйства при выделении из него более мелких предприятий;
- определение правопреемников реорганизуемого хозяйства по ранее заключенным договорам и полученными кредитами;
- правовое и экономическое консультирование работников при выборе ими организационно-правовой формы предприятия;
- информирование населения о ходе и процедурах реорганизации [1, с. 53].

До 1 марта 1992 г. трудовые коллективы колхозов и совхозов должны были провести общие собрания и принять решения о:

- форме собственности на землю в своих хозяйствах: индивидуальной, коллективно-долевой или иной, предусмотренной Земельным кодексом РФ;
- выкупе или аренде сельскохозяйственных угодий сверх причитающихся хозяйству бесплатно по районной норме;
- целесообразности получения в собственность земель, занятых лесными массивами, водоемами и соответствующими инженерными сооружениями при них, другими объектами общего пользования [1, с. 60].

Каждый владелец после определения индивидуальных имущественных и земельных долей мог использовать их такими способами, как:

- получить земельный участок и другие средства производства в размерах своих долей при выходе из хозяйства с целью ведения индивидуального хозяйства;
- ввести их в уставной капитал акционерного общества, если хозяйство или его часть в него реорганизуется;
- внести их в качестве вступительного пая в производственный кооператив, если хозяйство в него реорганизуется;
- продать их целиком или частично другим владельцам долей;
- передать по наследству как имущество в рамках действующего законодательства [1, с. 55].

Собрание работников, не заявивших о своем выходе из хозяйства, принимало решение о направлениях дальнейшей реорга-

низации своего колхоза или совхоза. При этом были возможны следующие варианты решений:

- создание нескольких самостоятельных предприятий, каждое из которых принимало свою организационно-правовую форму;
- реорганизация в акционерное общество или производственный кооператив всего хозяйства (без выходящих работников).

При реорганизации колхозов и совхозов в акционерные общества его учредителями могли быть все владельцы имущественных и земельных паев, оставшихся в хозяйстве. Их вкладами в уставной капитал общества становились имущественные паи и права пользования земельными паями. На сумму уставного капитала выпускались акции. Каждый же учредитель на сумму своей доли в уставном капитале получал сертификат акций. Акционерное общество могло быть открытого и закрытого типа (товарищества с ограниченной ответственностью). Имущество общества открытого типа формировалось за счет вкладов учредителей, открытой продажи акций, доходов и других законных источников и принадлежало акционерам на правах общей долевой собственности. Каждый владелец акций общества мог передавать их другим собственникам без ограничений в рамках законодательства РФ.

Имущество общества закрытого типа формировалось за счет вкладов учредителей, доходов и других законных источников. На переход акций от собственника к собственнику требовалось согласие других акционеров. При выборе типа акционерного общества следовало учитывать, что акционерное общество открытого типа имело потенциальные возможности для привлечения дополнительного капитала со стороны для развития производства, в то время как в товариществах на паях (акционерного общества закрытого типа) эта возможность ограничивалась [1, с. 66].

О том, как на практике происходила реорганизация сельхозпредприятий можно проследить на примере совхоза «Гигант» Мартыновского района Ростовской области. При определении стоимости имущества «Гиганта», предназначенной к распределению на паи, была рассчитана стоимость средств производства сельскохозяйственного и иного типа назначения, незавершенного производства, оборотных средств. В результате, общая стоимость паевого фонда составила 58,2 млн руб. Из нее вычли задолженность предприятия по долгосрочным кредитам, зачислили в резерв 15 % для

распределения на паи работникам соцкультбыта, а также временно отсутствующим (служба в армии, учеба в вузах). Распределяемый паевой фонд составил 45,1 млн руб., а численность работников хозяйства, претендующих на получение пая в сфере материального производства, насчитывала 2393 чел., в сфере соцкультбыта – 105, пенсионеров – 889 чел. Всего претендентов было 3282 чел.

Трудовой вклад каждого рассчитывался по среднему заработку за все время работы в хозяйстве и общему стажу. Для постоянных членов коллектива применялся средний заработок за последние пять лет и общий стаж работы в «Гиганте». Для пенсионеров – средний заработок, из которого начислялась пенсия, с соответствующей индексацией и общий стаж работы в хозяйстве. При определении имущественных паев выявился ряд спорных моментов. Прежде всего, по методике Госимущества основная часть имущества, подлежащего распределению на паи, оценивалась по остаточной стоимости, а другая часть (скот, оборотные средства) – в текущих ценах. Это создавало серьезные диспропорции в формировании коллективно-долевой собственности. Другая проблема заключалась в том, что между отдельными подразделениями в хозяйстве имели место различия как в размере имущества, приходящегося на рубль трудового вклада, так и в абсолютной величине стоимости имущества, находящегося в подразделении. Все это требовало дополнительных способов регулирования имущественных отношений [5, с. 32–33].

Однако переход от государственной собственности на землю к коллективно-долевой или частной в силу своей незавершенности не создал стимулов для эффективной работы сельскохозяйственных предприятий. Переход к коллективно-долевой собственности на землю во многом носил формальный характер, так как права собственников земельных паев не получили законодательного закрепления. В связи с этим в 1996 г. был принят Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю». В этом документе отмечалось, что до принятия Земельного кодекса РФ все земельные участки, полученные гражданами до 1 января 1991 г. и находившиеся в их пожизненном наследуемом владении и пользовании, сохраняются за ними в полном размере. Запрещалось обязывать граждан, имеющих указанные земельные участки, выкупать их или брать в аренду. Органы местного самоуправления, в целях укрепления индивидуального сектора на селе, обязы-

вались увеличить за счет земельных долей (прав) предельные размеры земельных участков, предоставленных гражданам для ведения личного подсобного хозяйства. В 1996 г. намечалось завершить выдачу членам сельскохозяйственных организаций и другим гражданам – владельцам земельных долей свидетельств на право собственности. Все пользователи земельных участков должны были в течение 1996 г. заключить договоры с собственниками земельных долей, которые получали право:

- передать земельную долю по наследству;
- использовать земельную долю для ведения крестьянского (фермерского) и личного подсобного хозяйства;
- продать земельную долю;
- подарить земельную долю;
- обменять земельную долю на имущественный пай или земельную долю в другом хозяйстве;
- передать земельную долю в аренду крестьянским (фермерским) хозяйствам, сельскохозяйственным организациям, гражданам для ведения личного подсобного хозяйства;
- передать земельную долю на условиях договора ренты и пожизненного содержания;
- внести земельную долю или право пользования этой долей в уставной капитал или паевой фонд сельскохозяйственной организации.

Выделенные в натуре в счет земельных долей земельные участки могли использоваться только для производства сельскохозяйственной продукции³. Тем самым была создана правовая основа для становления земельного рынка, как объективно необходимого атрибута рыночной экономики, а это способствовало активизации земельной реформы в регионах. Так, в Ставропольском крае к декабрю 1996 г. 95% собственников земли получили свидетельства на право собственности на земельные доли⁴.

В Ростовской области за этот же период документы на владение земельными паями получили 471300 владельцев земельных долей. Из них 49 115 чел. заключили договоры аренды, 25853 –

³ Указ Президента РФ от 07.03.1996 № 337 «О реализации конституционных прав граждан на землю». – URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-07031996-n-337> (дата обращения: 24.10.2018).

⁴ Междуведомственный архив Министерства сельского хозяйства и продовольствия Ставропольского края Ф. Р-2395. Оп. 8. Д. 11. Л. 3.

получили землю для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, 111 долей было продано⁵.

Однако далеко не все руководители хозяйств стремились заключать договора об аренде с владельцами земельных долей, многие просто отказывались это делать. Особенно ярко это проявилось в Краснодарском крае, где значительная часть руководителей сельхозпредприятий, в течение нескольких лет не заключала договоров об аренде с владельцами паев. Так, в АО «Сладковское» Славянского района Краснодарского края насчитывалось 1041 собственников земельных долей, для которых были подготовлены и переданы в хозяйство соответствующие документы. Но свидетельства о праве собственности на земельный пай акционерам не были вручены, договора на аренду не заключены, так что собственники не получали доходов от использования их земли⁶.

Все это вело к такой ситуации, при которой акционеры, не получающие арендной платы за землю, переходили в другое хозяйство, где были согласны заключить договор и выплатить арендную плату за пользование земельным паем. Так, например, триста пенсионеров колхоза им. Горького Труновского района Ставропольского края передали свои земельные паи общей площадью 3200 га соседнему колхозу им. Ворошилова. Благодаря более лучшей обработке и применению удобрений с них получили шесть тысяч тонн зерна, при средней урожайности 39 ц/га. В результате, использование земли стало более эффективным, и каждый пайщик от аренды в месяц получил доход в сумме 400 руб. Кроме этого было выдано по две тонны зерна, сахар и растительное масло⁷.

В результате этого хозяйство лишалось значительной части земель и большинства работников, что неминуемо приводило к его банкротству. На остроту данной проблемы обратил внимание и председатель Законодательного собрания Краснодарского края В.А. Бекетов, который отметил: «Когда мы проанализировали ситуацию, то увидели, что человек либо вообще ничего не получает на земельный пай и таких очень много, либо что-то получает за деньги, подчас по рыночной цене. Это называется льготной продажей, бесплатно ничего не дают и прикрываются тем, что, де-

⁵ Крестьянин. 1992. № 7.

⁶ Калинин В. Обманывают акционеров // Славянские известия. 2001. 29 июня.

⁷ Евтушенко А. Свиридов стал рыночником еще в советское время // Ставропольские губернские ведомости. 2001. 22 февр.

скасть, мы за него налоги заплатим. Не нужно быть добродетелями, владелец пая налоги сам за себя заплатит. Поэтому мы и поставили жестко вопрос об аренде. Человек должен знать: в случае сдачи земли в аренду, что он будет за нее иметь. Сегодня по-разному получается, но мы уже видим, что и зерно, и растительное масло, и сахар на земельный пай записали в договорах и отдают бесплатно. Таким образом, человек видит, что земля его кормит. <...> Мы видим свою задачу в том, чтобы человек почувствовал себя настоящим хозяином земли»⁸. Однако реализовать это право на практике было достаточно сложно, так как не были отрегулированы многие правовые условия взаимной ответственности арендодателей и арендаторов. Часто владелец не знал, какой конкретно участок земли ему принадлежит, на какой срок заключается договор аренды и как защитить свои права, которые ущемлялись почти повсеместно. В результате земля становилась бесхозной.

В силу своей незавершенности земельная реформа не создала стимулов для эффективной работы сельскохозяйственных предприятий. Так, в Ставропольском крае 60 % земельных долей были сосредоточены у части населения, не занятой в сельскохозяйственном производстве. Во многих хозяйствах около половины работающих так же не имели долей. Они, по существу, являлись лишь наемными работниками. В Ростовской области 46–50 % земли получили работники, непосредственно занятые в сфере сельскохозяйственного производства, руководители и специалисты получили 9–13 %, пенсионеры – 22–30 %, работники социальной сферы – 15–17 %. Таким образом, 37–40 % земли в Ростовской области находилось в частной собственности граждан, которые вообще не работали на земле [3, с. 170]. Аналогичная ситуация сложилась и в Краснодарском крае. Так, например, в хозяйстве Чебургольское Красноармейского района земельные пай получили 1605 чел., а работали в сельскохозяйственном производстве 704 чел. Остальные стали земельными ратье⁹.

Кроме того, по мнению губернатора Ставрополя А. Черногорова: «Весьма серьезным отрицательным последствием реорганизации сельскохозяйственных предприятий стало нарушение границ производственных подразделений и севооборотов. До

⁸ Бекетов В.А. У нас одна партия – наши избиратели // Заря Кубани. 2001. 6 нояб.

⁹ Кирей П. Земельный вопрос надо решать // Кубань сегодня. 1998. 15 сент.

начала осуществления земельной реформы все совхозы и колхозы имели научно обоснованные проекты внутрихозяйственного землеустройства и системы ведения сельского хозяйства. Площади пашни и других угодий, структура посевных площадей были увязаны со специализацией предприятий, общественным и индивидуальным поголовьем сельхозживотных. Закономерным следствием этого процесса стало снижение объемов сельхозпроизводства, в том числе в нашем крае»¹⁰.

В результате земельных преобразований значительные земельные площади перестали обрабатываться. Так, например, в конце 1990-х гг. в Ростовской области не обрабатывалось 1,6 млн га земли, состояние почв постоянно ухудшалось, не принимались меры по восстановлению их плодородия. Вместе с тем, эти сельхозугодия имели владельцев, которые не знали, что гибнет именно их земля. Предприятия-арендаторы вели себя на «чужом» участке, как временные пользователи, стремясь выжать из земли все возможное, не задумываясь о будущем. Продолжение подобной практики могло привести к необратимым последствиям для развития сельскохозяйственного производства¹¹.

В связи с этим, в Ростовской области в январе 1998 г. был принят закон «Об использовании и охране земель сельскохозяйственного назначения», в котором предусматривалось принудительное прекращение прав граждан и юридических лиц в случае использования земельного участка не по целевому назначению, при не использовании в сельскохозяйственном производстве земельного участка в течение трех лет, за вычетом установленного времени на освоение участка, мелиоративное строительство, случаев исключаящих такое использование [2, с. 31]. В ст. 18 Закона была предусмотрена и ответственность за использование земли не по целевому назначению, за невыполнение обязательных мероприятий по улучшению земель, осуществлению агротехнических работ методами, ухудшающими плодородие почв, несоблюдение севооборотов, системы земледелия и удобрения. Штрафы за нарушения земельного законодательства налагались комитетами по земельным ресурсам и землеустройству Ростовской области и его органами на местах, областными комитетами по охране окружаю-

¹⁰ Черногоров А. Землю не обманешь // Ставропольская правда. 2001. 23 февр.

¹¹ Тарасов А. Земля снова без хозяина // Экономика и жизнь. Юг. 1999. № 21. С. 4.

шей среды и другими государственными органами, что не освобождало виновных от устранения допущенных нарушений и возмещения причиненного ущерба, включая упущенную выгоду [2, с. 135–136]. Следовательно, с помощью земельного законодательства, государственные органы были способны осуществлять контроль за эффективным использованием земли.

Таким образом, в результате преобразований 1990-х гг. в сельском хозяйстве страны сложилась сложная и противоречивая система земельных отношений, которая не способствовала эффективному использованию земли. Подготовка Земельного кодекса в конце 1990-х гг. придавала земельному вопросу большую остроту. Споры шли, в основном, вокруг земель сельскохозяйственного назначения. И здесь мнения были явно противоречивы: одни выступали за вовлечение сельхозугодий в рыночный оборот, другие – были категорически против. Это отражало и региональные особенности сельского хозяйства.

В 2001 г. был принят Земельный кодекс Российской Федерации, в котором отмечалось, что использование земельных долей, возникших в результате приватизации сельскохозяйственных угодий, регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». После длительных дискуссий, в июле 2002 г. был принят Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», который создал правовой механизм регулирования земельных отношений в сельском хозяйстве. В законе определялись принципы оборота земель сельскохозяйственного назначения, предусматривающие сохранение их целевого использования, устанавливались размеры земельных участков, которые могли находиться в собственности граждан и юридических лиц в пределах одного административно-территориального образования. Закон давал преимущественное право субъекту РФ и органу местного самоуправления на покупку земель сельскохозяйственного назначения. Приватизация земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, должна была осуществляться с момента, установленного законом субъекта РФ¹².

Данный закон стал результатом компромисса между сторонниками и противниками купли-продажи земли. Фактически, зе-

¹² Закон РФ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Российская газета. 2002. 24 июля.

мельные участки могли купить только участники долевой собственности, так как продажа земли третьим лицам была серьезно затруднена. Это значит, что закон был принят, прежде всего, в интересах руководителей хозяйств, которые получили право сосредоточить в своих руках значительные земельные площади.

В связи с тем, что закон носил рамочный характер, региональные особенности регулирования земельных отношений отражались в местном законодательстве. Одним из первых на Юге России и в стране был принят закон Краснодарского края «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае», согласно которому для управления и распоряжения государственными земельными ресурсами администрация края создавала специальный орган, который решал вопросы, связанные с приватизацией земельных участков, заключал договоры купли-продажи, регулировал арендные отношения. В законе было предусмотрено создание казачьего земельного фонда для сельскохозяйственного производства. Приватизация и предоставление в собственность земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, согласно закону, осуществляется через 49 лет с момента вступления в силу.

В законе были предусмотрены санкции за ненадлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения. Так, если земельный участок не использовался в течение двух лет, то по решению суда он переходил в собственность Краснодарского края и поступал в фонд перераспределения земель. В данном законодательном акте, в отличие от федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» не была предусмотрена продажа арендного участка арендатору, что ограничивало передачу земли из государственной и муниципальной собственности в частную. Вместе с тем, запрет на куплю-продажу земельных участков сельскохозяйственного назначения не затрагивал процесс перераспределения земельных долей внутри самих хозяйств¹³. Так, например, в АО «Раздольное» в 1992 г. на момент реорганизации колхоза, один земельный пай составлял 4,58 га, а вся земля была разделена на 2936 участков. Через механизм биржи, внутри хозяй-

¹³ Закон Краснодарского края «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае» // Кубанские новости. 2002. 14 нояб.

ства, руководство и просто состоятельные члены АО скупали паи и акции у несостоятельных станичников. К 2000 г. на каждого из четырех членов АО «Раздольное» (председатель, зам. председателя, главный экономист, главный бухгалтер) приходилось в среднем около 300 га земли. Еще около 20 руководителей высшего и среднего звена хозяйства имели от 40 до 100 га земли. В то же время около 800 членов АО за это время наоборот лишились земельных паев [4, с. 20]. Аналогичные процессы происходили и в других хозяйствах края. Это означало, что и в условиях запрета на куплю-продажу земли, шел процесс ее концентрации в руках сельскохозяйственной элиты, а значительная часть селян превращалась в наемных рабочих.

Важной особенностью земельных отношений на Северном Кавказе являлось наличие казачьего землепользования. На территории Ростовской области и Краснодарского края были созданы казачьи земельные фонды в качестве постоянного неотчуждаемого резерва местных администраций для предоставления казачьим обществам земельных наделов. Предоставление казачьим обществам земельных участков из казачьего земельного фонда производилось органом местного самоуправления после регистрации устава этого общества. Размер земельного надела, выделяемого казачьему обществу, определялся, исходя из количества членов общества и среднерайонной земельной доли с учетом кадастровой оценки земли. Казачьи общества могли использовать земельные угодья на основе общинного владения землей либо общей совместной или общей долевой собственности участников общества. Незанятые земли казачьего земельного фонда передавались в аренду администрацией местного самоуправления на срок до одного года, по согласованию с казачьим обществом. В 1998 г. в Ростовской области насчитывалось 60 казачьих обществ, которые владели 31,5 тыс. га сельскохозяйственных угодий [5, с. 36].

Таким образом, в результате земельной реформы большая часть земель сельскохозяйственного назначения была передана из государственной в коллективно-частную и частную собственность. В связи с этим остро стоит вопрос об эффективном использовании земли. Эта проблема может быть решена в результате совершенствования земельного законодательства, которое с учетом региональных особенностей призвано обеспечить высокую эффективность использования земельных ресурсов страны.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что современное земельное законодательство является определенным шагом на пути к рыночному обороту земель сельскохозяйственного назначения. При этом свободная купля-продажа земельных участков затруднена, так как государственные и муниципальные органы власти имеют преимущественное право их приобретение. В то же самое время, создаются благоприятные возможности для концентрации земли у представителей сельскохозяйственной элиты, а это ведет к превращению значительной части акционеров в наемных рабочих.

Литература

1. Аграрная реформа в России: документы и материалы. М., 1992.
2. Законы Ростовской области. Ростов н/Д, 1999. Т. 2: 1994–1998.
3. *Кузнецов В.В.* Рыночная экономика (вопросы теории и практики). Ростов н/Д, 1997.
4. *Никулин А.М.* Кубанский колхоз – в холдинг или в асьенду? // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 18–22.
5. Организационно-хозяйственные аспекты использования и оценка земель / *А.С. Чешев, В.Ф. Вальков, О.Н. Бейчук* [и др.]. Ростов н/Д, 1998.
6. Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике. М., 1990.

Трансформация структуры землепользования на начальном этапе аграрной реформы 1990-х гг. (по материалам Центрального Черноземья)

В статье на основе статистических отчетов о наличии и распределении земель проведен анализ изменений, произошедших в структуре землепользования и сельхозпроизводителей в Центрально-Черноземном экономическом районе на начальном этапе аграрных преобразований 1990-х гг.

Ключевые слова: аграрная реформа; землепользование; сельхозпроизводители; Центральное Черноземье

В 1990-1991 гг. в соответствии с рекомендациями II Съезда народных депутатов был принят ряд законов: «О земельной реформе», «О крестьянском (фермерском) хозяйстве», «О плате за землю», «О собственности в РСФСР», «Земельный кодекс РСФСР», положивших начало одному из основных направлений аграрной реформы – земельному².

Закон «О земельной реформе» был направлен на перераспределение земли с целью создания условий для равноправного существования различных форм хозяйствования и формирования многоукладной экономики. Предлагалось поэтапное осуществление преобразований. Сначала земля переходила в федеральную собственность, выявлялась потребность в земле граждан, предприятий, организаций, формировался специальный фонд земель для их последующего перераспределения. Затем Советы народных депутатов и комитеты по земельной реформе передавали землю в собственность, владение, пользование (в том числе в аренду) гражданам, предприятиям и организациям³.

Анализ статистических отчетов, отражающих наличие земель и распределение их по категориям, угодьям, землевладельцам, землепользователям и собственникам в Центрально - Черноземном регионе (ЦЧР) за первые три года аграрной реформы, позволил сделать ряд наблюдений.

¹ Логунова Инна Викторовна, кандидат исторических наук, Финансовый университет при Правительстве РФ, Липецкий филиал, inna.logunova12@gmail.com, Россия, г. Липецк.

² Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 412; № 26. Ст. 327; № 30. Ст. 416; 1991. № 22. Ст. 768; № 26. Ст. 878; № 44. Ст. 1421.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26. Ст. 327; 1991. № 1. Ст. 4.

В рассматриваемый период произошло изменение структуры сельхозпроизводителей. Этот процесс основывался на принятых в декабре 1991 г. документах – президентском указе «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы» и постановлении правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов»⁴. В ходе реорганизации членам колхозов и работникам совхозов была предоставлена свобода в выборе организационно-правовых форм хозяйствования в соответствии с законом «О предприятиях и предпринимательской деятельности», который предусматривал создание государственных, муниципальных, индивидуальных (частных) предприятий, товариществ, акционерных обществ открытого и закрытого типов⁵. Кроме того, на основании закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» допускалось образование ассоциаций крестьянских хозяйств, а поскольку в то время в России продолжал действовать общесоюзный закон «О кооперации»⁶, то не было никаких оснований и для отказа в регистрации кооперативов, созданных в процессе реорганизации.

В первый год активной фазы преобразований (1991) функционировали следующие категории сельхозпроизводителей: колхозы, совхозы, государственные предприятия (племхозы, семеноводческие хозяйства, животноводческие комплексы), сельскохозяйственные кооперативы, межхозяйственные сельхозпредприятия и крестьянские (фермерские) хозяйства.

В сравнении с дореформенным периодом в 1990–1991 гг. в правовой статус совхозов было включено существенное новшество. В связи с внесением изменений в Конституцию РСФСР (ст. 12) от 1990 г. они утратили статус государственных и на основании приказов Министерства сельского хозяйства и продовольствия были преобразованы в коллективные сельскохозяйственные предприятия. Так, 19 ноября 1991 г. было издано 10 приказов по основной деятельности Минсельхоза РСФСР о преобразовании 10 совхозов Воронежской области («Хреновской», «Степной», «Фруктовое», «Каменно-Верховский», «Зареченский», «Горожанский», «Хоперский», «Поворинский», «Запрудненский», «Дон-

⁴ Ведомости съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 1. Ст. 53; Собрание постановлений РФ. 1992. № 1–2. Ст. 9.

⁵ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 418.

⁶ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

ское») в коллективные сельхозпредприятия⁷. Подобное преобразование позволяло сохранить крупные хозяйства со сложившейся производственной и социальной инфраструктурой, изменив при этом форму собственности. Ф.К. Шакиров отмечал, что коллективные предприятия следует рассматривать как «переходную к более совершенной форме хозяйствования, позволяющую на основе развития внутривладельческих отношений психологически подготовить работника к осознанию себя собственником» [2, с. 8]. Трудовые коллективы многих совхозов были склонны идти этим путем, поскольку он обеспечивал постепенное реформирование хозяйств [1, с.125]. Однако указ президента от 27 декабря 1991 г. и постановление правительства от 29 декабря 1991 г. фактически приостановили этот процесс, так как нацеливали на поспешный раздел колхозов и совхозов.

В 1992 г. из статистических отчетов исчезло понятие межхозяйственных сельхозпредприятий, вместо них появились такие организационно-правовые формы как акционерные общества и ассоциации крестьянских хозяйств; категория государственных предприятий расширилась за счет включения в нее муниципальных предприятий⁸.

В 1993 г. сложившаяся в первые годы реформы структура землепользователей, землевладельцев и собственников сохранилась. Единственным новшеством стало появление такой организационно-правовой формы как товарищество⁹. Сокращение численности прежних (советских) форм хозяйствования происходило при одновременном увеличении предприятий новых организационно-правовых форм. За три года реформы количество колхозов сократилось в 2,3 раза, совхозов – в 3,6 раза. При этом число сельскохозяйственных кооперативов возросло в 14,4 раз, крестьянских (фермерских) хозяйств – в 8,9 раз¹⁰.

Вместе со структурой сельхозпроизводителей менялась и структура землепользования. Наглядно данные изменения можно проследить по диаграммам, представленным на рис. 1, 2, 3.

⁷ ГАРФ. Ф. 10290. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–6.

⁸ Там же. Ф. 10218. Оп. 2. Д. 182. Л. 78.

⁹ Там же. Д. 275. Л. 75.

¹⁰ Там же. Д. 87. Л. 71; Д. 275. Л. 75 (рассчитано).

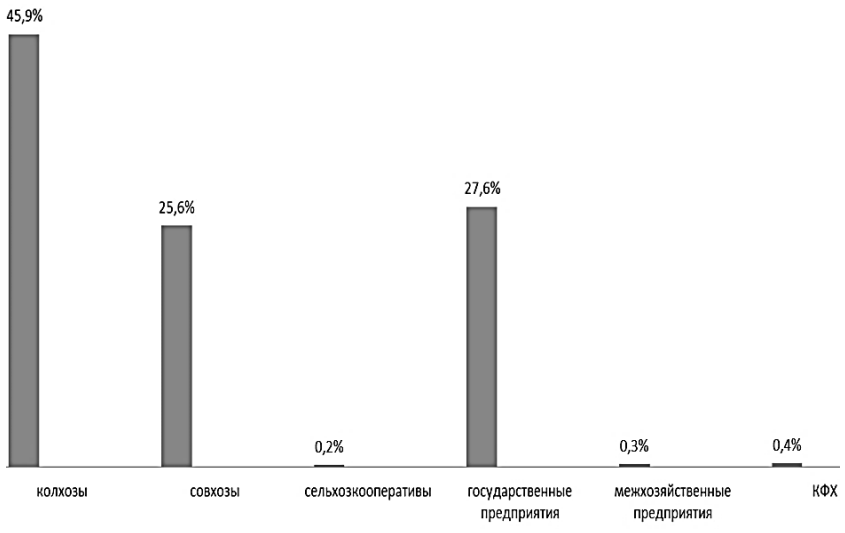

Рис. 1. Структура землепользования в ЦЧР в 1991 г.
(по категориям хозяйств)

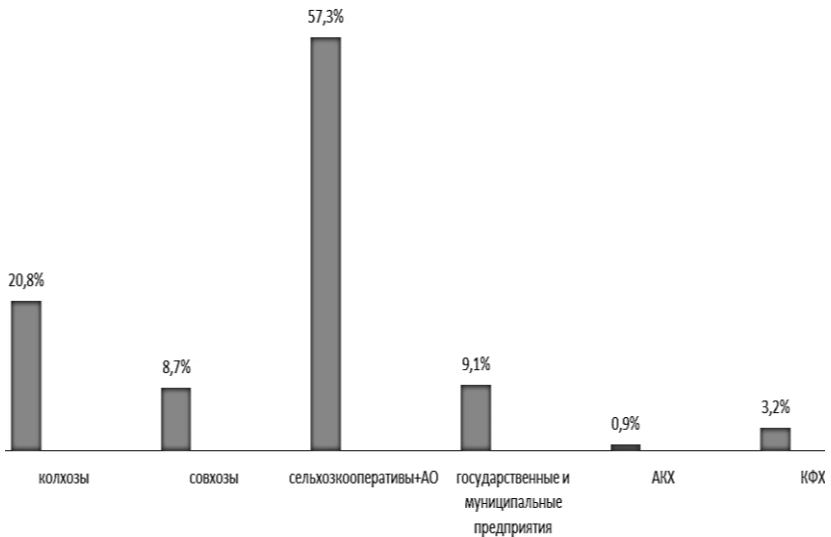

Рис. 2. Структура землепользования в ЦЧР в 1992 г.
(по категориям хозяйств)

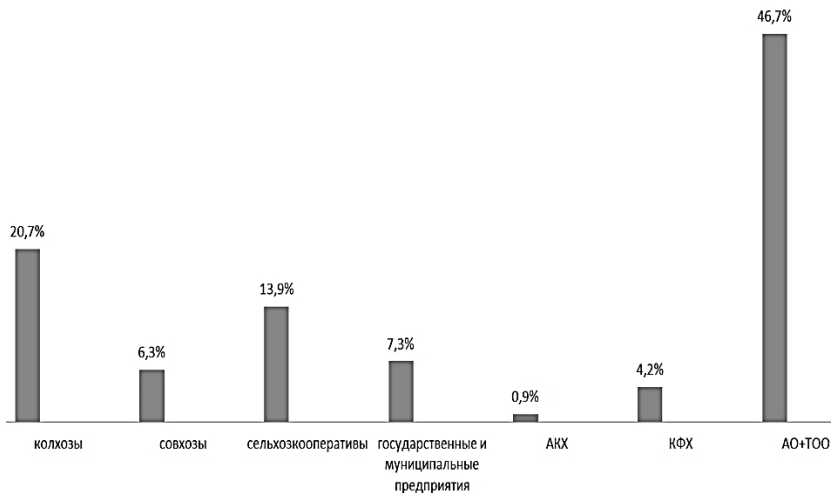

Рис. 3. Структура землепользования в ЦЧР в 1993 г. (по категориям хозяйств).

В первый год реформы основная часть сельхозугодий по-прежнему распределялась между колхозами, совхозами и госхозами. В конце 1991 г. принадлежавшие им земли в общем объеме составляли 99,1 %. Однако уже к концу 1993 г. их доля снизилась до 34,3 %. Земли сельскохозяйственных кооперативов на конец 1991 г. составляли всего 0,2 % от общей площади земель сельхозпредприятий областей Центрального Черноземья. К концу 1993 г. их доля заметно возросла и составила 13,9 %. Аналогичная ситуация сложилась с землями, отведенными под крестьянские (фермерские) хозяйства. Если в конце 1991 г. их доля в общем объеме составляла 0,4 %, то к концу 1993 г. она возросла до 4,2 %¹¹. В 1991 г. такие формы хозяйствования как акционерные общества и товарищества не были предусмотрены в формах статистических отчетов, тогда как к концу 1993 г. их доля в общей площади земель сельхозпроизводителей ЦЧР уже составляла 46,7 %¹².

Общая площадь используемых сельхозпроизводителями земель в период с 1991 по 1993 г. сократилась на 13 % (или на 1994,7 тыс. га). Если на конец 1991 г. она составляла 15249,9 тыс. га, то к

¹¹ Там же (рассчитано).

¹² Там же. Д. 275. Л. 75 (рассчитано).

концу 1993 г. - 13255,2 тыс. га¹³. Снижение связано в основном с передачей земель в ведение сельских (поселковых) Советов народных депутатов. В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР и Совета Министров РСФСР «О дополнительных мерах по ускорению проведения земельной реформы в РСФСР» от 15 марта 1991 г. они наделялись правом изымать у сельхозпредприятий без их согласия неиспользуемые земли, а при необходимости – до 10 % используемых сельскохозяйственных угодий¹⁴. Изъятые земли передавались в фонды перераспределения, из состава которых местные советы народных депутатов могли предоставлять их гражданам и коллективам, пожелавшим организовать фермерские хозяйства, заниматься ведением личного подсобного хозяйства, садоводства и огородничества; направлять их на расширение территорий городов, передавать неиспользуемые земли в запас.

Площадь пашенных земель, отведенных сельскохозяйственным предприятиям, также снизилась на 12% (или на 1440,5 тыс.га). В конце 1991 г. она занимала 11748,2 тыс.га, а к концу 1993 - 10307,7 тыс.га. При этом доля пашни в общей площади сельскохозяйственных земель осталась на прежнем уровне 77-78%. В то же время быстрыми темпами происходило увеличение суммарного числа сельхозпроизводителей. С 1991 по 1993 г. оно возросло с 4471 до 15914 (т.е. в 3,6 раза).¹⁵ На фоне снижения размеров земельной площади данное обстоятельство наглядно свидетельствует о процессе разукрупнения сельскохозяйственных предприятий.

Анализ изменения структуры земельных площадей по отдельным категориям сельхозпроизводителей выглядит так:

Количество колхозных земель в период с конца 1991 по конец 1993 г. сократилось в 2,5 раза (с 7002,6 до 2748,2 тыс. га)¹⁶. Земельные площади совхозов только за один год с конца 1991 по конец 1992 г. сократились в 3,3 раза (с 3900,5 до 1187 тыс. га)¹⁷. За следующий год они уменьшились еще на 356,8 тыс. га. В результате к концу 1993 г. в сравнении с концом 1991 г. земельные площади совхозов сократились в 4,7 раза. Следовательно, в Центральном

¹³ Там же. Д. 87. Л. 71; Д. 275. Л. 75 (рассчитано).

¹⁴ Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 12. Ст. 391.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10218. Оп. 2. Д. 87. Л. 71; Д. 275. Л. 75 (рассчитано).

¹⁶ Там же (рассчитано).

¹⁷ Там же. Л. 71; Д. 182. Л. 78 (рассчитано).

Черноземье процесс реорганизации совхозов проходил активнее, чем реорганизация колхозов.

За рассматриваемый период в 2,3 раза сократились земли иных государственных сельхозпредприятий (племенных и конных заводов, сортоиспытательных и опытных сельскохозяйственных станций, семеноводческих хозяйств). Земли сельскохозяйственных кооперативов с конца 1991 г. по конец 1993 г. рекордно возросли в 53,2 раза (с 34,8 до 1851,5 тыс. га). Это свидетельствует о том, что данная форма хозяйствования была наиболее популярна в первые годы реорганизации колхозов и совхозов. Крестьянские (фермерские) хозяйства увеличили свои земельные площади в 8,9 раз (с 61,9 до 551,3 тыс. га)¹⁸.

Такая организационно-правовая форма как ассоциация крестьянских хозяйств (АКХ) появилась в статистических отчетах только 1992 г. Земли АКХ в ЦЧР на конец 1992 г. составляли 108,4 тыс. га, к концу 1993 г. их площадь немного увеличилась до 122,9 тыс. Данная форма хозяйствования заняла свою нишу в структуре сельхозпроизводителей. Земли акционерных обществ и товариществ как отдельная категория появились в 1992 г. Из-за малого количества в статотчетах они были объединены с землями сельхозкооперативов. Лишь в 1993 г. земельные площади акционерных обществ и товариществ были подсчитаны независимо от кооперативов и составили 6187,3 тыс. га¹⁹.

Таким образом, уже в первые годы аграрной реформы произошли качественные изменения, как в структуре сельскохозяйственных товаропроизводителей, так и в структуре их землепользования. Прежние формы собственности и хозяйствования уступили место новым, продиктованным условиями перехода к рыночным отношениям.

Литература

1. *Логунова И.В.* Деревня Центрального Черноземья в условиях аграрного реформирования 90-х годов XX столетия. Липецк, 2011.
2. *Шакиров Ф.К.* Развитие форм хозяйствования в условиях рыночных отношений // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 1993. № 4. С. 5–8.

¹⁸ Там же. Д. 87. Л. 71; Д. 275. Л. 75 (рассчитано).

¹⁹ Там же (рассчитано).

Динамика посевных площадей в Сибири в конце XX – начале XXI в.: источники реконструкции

Определяются причины внесения поправок в данные о посевных площадях в статистические сборники, изданные после Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. Реконструируется динамика посевных площадей в Сибири без учета и с учетом поправок.

Ключевые слова: сельское хозяйство; аграрная политика; статистический мониторинг, посевные площади; Сибирь.

Анализ развития сельского хозяйства относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения результативности проводимых государством аграрных реформ. В современных условиях одной из наиболее значимых исследовательских проблем являются экономические последствия аграрной реформы начала 1990-х гг. Изучение темы в масштабах всей страны невозможно без реконструкции динамики сельскохозяйственного производства в отдельных регионах. Сибирь относится к числу ведущих аграрных регионов страны.

Историография сельского хозяйства Сибири в конце XX – начале XXI в. находится на стадии становления. Наиболее существенный вклад в изучение проблемы внесли новосибирские историки И.Б. Карпунина и А.П. Мелентьева. Ими написаны соответствующие разделы в коллективных трудах сектора аграрной истории Сибирского отделения РАН (см. [1; 2]), в которых, в частности, осуществлена реконструкция развития сельского хозяйства региона в 1990–2000 гг.

Основой для аналитической работы вышеупомянутых исследователей стало построение динамических рядов годовых изменений количественных показателей сельского хозяйства: посевных площадей, поголовья скота, валового производства. Одним из интегральных показателей развития сельского хозяйства является площадь посева. В качестве источника для реконструкции посевных площадей использовались материалы, извлеченные из

¹ *Ильиных Владимир Андреевич*, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения РАН, agro_iwa@mail.ru, Россия, г. Новосибирск.

опубликованных в конце 1990-х – начале 2000-х гг. официальных статистических сборников Госкомстата России / Росстата².

На основании выявленных статических данных был сделан вывод о кризисе в растениеводстве, который «проявился прежде всего в ежегодном сокращении посевных площадей» [2, с. 198]. В 2000 г. пашни в Сибири засеяли на 28,5 % меньше, чем в 1990 г. Наиболее значительно сократились посевы кормовых культур (на 41,8%), что было связано с сокращением поголовья скота в крупхозах. Они интенсивно сбрасывали стадо, и нужда в кормах резко снизилась. С падением поголовья скота на сельхозпредприятиях связано и снижение посевов зерновых культур (на 22,9%). Оно задело в основном зернофуражные культуры. Посевы пшеницы за 10 лет сократились в Сибири лишь на 1%, тогда как площадь, занятая прочими хлебами, – на 47,6 %. Сокращение посадок картофеля и овощей в крупхозах было с лихвой компенсировано приростом в хозяйствах населения. В итоге в 2000 г. посадки картофеля занимали площадь, превышающую показатели 1990 г. на 17,8 %, овощей – на 53,1 % [2, с. 198-201].

Каких-либо сомнений в достоверности данные официальных статических сборников не вызывали. Однако дальнейшая работа показала обратное. В рамках подготовки разделов в обобщающий труд по истории Сибири, автору настоящей статьи было поручено написать очерк об истории сельского хозяйства региона в начале XXI в. При составлении соответствующих динамических погодных рядов площади посева было выявлено, что в вышедших в 2009 г. и позднее статистических сборниках³ данные о посевных площадях в регионе за 2000–2008 гг. отличаются от тех, что содержались в сборниках, изданных в 2008 г. и ранее⁴.

При этом разница показателей по общей площади посева, зерновым и кормовым культурам была минимальной, а по картофелю и овощам – значительной. Так, за 2000 г. более поздние све-

² Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1995; Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1998; Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 2002; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: стат. сб. М., 2001; и др.

³ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. М., 2009; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России: стат. сб. М., 2009; Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России: стат. сб. М., 2011; и др.

⁴ См.: Сельское хозяйство в России. М., 2002; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России: стат. сб. М., 2004; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. М., 2007; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. М., 2008, и др.

дения по Сибири были меньше, чем более ранние по общей площади посева на 0,6 %, по зерновым культурам – на 0,05, по кормовым культурам – на 0,5, по картофелю – на 11, по овощам – на 11,2 %⁵. Дальнейший поиск показал, что более поздние статистические сведения отличались от более ранних с 1996 г. по 2008 г.

Поправки в более поздние статистические сборники были внесены после того, как выявилось несоответствие между итогами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 г. и материалами текущей статистики. Данная коллизия стала следствием несовершенства текущей сельскохозяйственной статистики.

В начале 1990-х гг. продолжала функционировать советская система статистического мониторинга. Посевы крупнозоров определялись в рамках ведомственной статистики. Каждая сельхозорганизация составляла отчеты о своей деятельности и предоставляла их в том числе в статистические органы. Фермерские хозяйства также предоставляли статотчеты, но менее пространные, чем у сельхозпредприятий.

Но кроме колхозов и совхозов продукция растениеводства производилась в личных приусадебных хозяйствах населения, а также на участках, отведенных под коллективные сады и огороды. В целом удельный вес личных посевов в общей площади посевов был невелик (в 1990 г. в Сибири – всего 1,5 %), но в посадках картофеля и овощей он был значительным. В посадках овощей – 41 %, а в производстве картофеля личные хозяйства вообще занимали лидирующие позиции. На их долю в регионе приходилось 71 % посадок картофеля⁶.

Площадь посевов в личных хозяйствах населения в сельской местности определялся по данным похозяйственных книг, ведением которых занимались сельсоветы. О размерах посевов на так называемых коллективных огородах статистическим органам сообщали, как правило, советские органы (горисполкомы и сельские райисполкомы). Они же информировали о числе дачных участков, а площадь посева на них определялась на основе бюджетных обследований, т.е. по выборочному принципу. Данные бюджетных

⁵ Сельское хозяйство в России. М., 2002. (Электронный ресурс). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_38/IssWWW.exe/Stg/d020 (дата обращения: 01.11.2018); Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. М., 2009. (Электронный ресурс). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_38/IssWWW.exe/Stg/d02 (дата обращения: 01.11.2018).

⁶ Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России: стат. сб. М., 2003. С. 64, 70–71, 73–74; Сельское хозяйство России. М., 1998. С. 216, 220.

обследований затем распространялись на всю генеральную совокупность. Кроме того, для уточнения показателей в СССР периодически проводился сплошной учет посевных площадей. Последний провели в 1985 г.

В 1990-е гг. роль личных хозяйств в аграрном производстве существенно выросла. В 1991 г. в Западной Сибири их удельный вес в валовом производстве сельхозпродукции в стоимостном выражении в сопоставимых ценах составлял 29,1 %, в 1995 г. – 43,5, в 1998 г. – 56,4 %⁷.

В значительной степени поэтому прежняя советская схема статистического мониторинга была признана несовершенной и не соответствующей новым социально-экономическим реалиям. Непрепрезентативной также признавалась выборка бюджетных обследований, которая в силу их громоздкости и сложности традиционнo очень мала. Вполне обоснованные претензии возникли и к качеству сельсоветского похозяйственного учета.

В 1996 г. систему статистического мониторинга сельского хозяйства реформировали. По крупхозам его принципы остались неизменными. Они ежегодно составляли статистические отчеты. По фермерским хозяйствам данные более упрощенной, чем у крупхозов, статистической отчетности дополнялись материалами периодически проводимых выборочных обследований.

По личным хозяйствам исходным пунктом годового определения посевных площадей должен был быть их сплошной учет. Естественно, что проводиться он должен был не ежегодно, а периодически. Между сплошными учетами данные по личным приусадебным хозяйствам населения следовало определять по результатам распространения на генеральную совокупность результатов выборочных обследований. При этом их выборка была значительно более представительной, чем у бюджетных обследований.

По коллективным садам и огородам данные в году между сплошными учетами определялись расчетным путем по следующей схеме. По документам землеустроительных органов устанавливалось увеличение или сокращение земель, отведенных под коллективные сады и огороды. Затем на эти данные накладывались сведения сплошного учета о доле пашни и посевов отдельных культур в коллективных садах и огородах. Например, в коллектив-

⁷ Российский статистический ежегодник. М., 2000. С. 367.

ных огородах доля земли, отведенной под посев, достигает 98 %, остальное – межи. А доля картофеля в посевах достигает 95 %. Соответственно, если за год площадь коллективных огородов увеличилась на 100 га, то общая площадь посева в них увеличилась на 98 га, а площадь посадок картофеля – на 93 га. На дачах доля земли, занятой посадками, существенно меньше. А картофель занимает 5 % от общей площади посева.

Но предлагаемая схема отличалась от реальной. Сплошного учета посевных площадей ни во второй половине 1990-х, ни в начале 2000-х гг. проведено не было. В итоге в расчетах посевных площадей «плясали не от печки» в виде сплошного учета, а от результатов определения площади посевов в 1995 г., который был проведен по старой советской, признанной несовершенной схеме. Соответственно доля посевов разных культур в коллективных садах и огородах устанавливалась на основе экспертных оценок и расчетов, а не точных данных.

Возможно, поэтому, а возможно, и по каким-либо иным причинам, например, из-за несовершенства выборки, но принятая в 1996 г. методика мониторинга личных хозяйств населения выдавала неверные результаты. В итоге Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2006 г. показала, что картофеля и овощей в стране в 2006 г было посажено соответственно на 29,3 и 24,1 % меньше, чем установили по действующей в это время методике определения размеров посевов. Причем эти неверные данные были в 2007 и в 2008 гг. опубликованы в официальных сборниках Росстата⁸.

Реальная разница была определена лишь применительно к 2006 г. В связи с этим возникла проблема внесения ретроспективных поправок в данные за предыдущие годы. Устанавливая их величину, специалисты Росстата исходили из того, что погрешность накапливалась постепенно и равномерно с 1996 г. по 2006 г. и лишь в 2007 г. незначительно снизилась. Исходя из этого были рассчитаны поправки в данные о посевных площадях, начиная с 1996 г. и заканчивая 2007 г. В отношении картофеля и овощей по Российской Федерации в целом и Сибирскому федеральному округу они приведены в табл. 1. Величины поправок в регионах зависе-

⁸ Российский статический ежегодник. 2007: стат. сб. М., 2007. С. 457; Российский статический ежегодник. 2008: стат. сб. М., 2008. С. 448; Российский статический ежегодник. 2009: стат. сб. М., 2009. С. 416.

ли от удельного веса личных хозяйств в посадках картофеля и овощей. Там, где он был больше, там больше были и поправки.

Таблица 1
Величины поправок, внесенных в данные о посевных площадях картофеля и овощей в РФ и Сибирском федеральном округе за 1996–2007 гг., %

Культуры	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
<i>Российская Федерация</i>						
Картофель	-2,6	-5,0	-7,7	-10,3	-12,9	-15,5
Овощи	-2	-4,1	-6,4	-8,4	-10,7	-13,4
<i>Сибирский федеральный округ</i>						
Картофель	-2,2	-4,3	-6,5	-8,9	-11,0	-13,4
Овощи	-	-3,9	-6,0	-9,0	-11,4	-14,3
Культуры	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
<i>Российская Федерация</i>						
Картофель	-18,1	-20,8	-23,9	-26	-28,5	-27,8
Овощи	-15,8	-17,8	-20,5	-23,1	-24,9	-24,0
<i>Сибирский федеральный округ</i>						
Картофель	-15,7	-17,5	-20,4	-22,8	-25,0	-24,8
Овощи	-16,7	-19,0	-21,7	-24,5	-26,6	-26,2

Источники: Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 2002. (Эл.ресурс). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_38/IssWWW.exe/Stg/d020 (дата обращения: 01.11.2018); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: стат. сб. М., 2008. (Эл. ресурс). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_14p/IssWWW.exe/Stg/d2 (дата обращения: 01.11.2018).

Исходя из новых значений площади посева, поправки были внесены также в сведения о валовом сборе сельскохозяйственных культур. При этом ранее определенные величины урожайности оставались неизменными. В Сибири за 1996–2000 гг. показатели среднегодового валового сбора картофеля и овощей были уменьшены на 6,5 и 8,8 %, за 2001–2005 гг. – на 16,3 и 23,3 % соответственно⁹. Изменились также данные о доле различных категорий хозяйств (сельхозпредприятий, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения) в общей площади посева, посевных площадях и валовых сборах различных культур, валовом производстве сельхозпродукции в стоимостном выражении. Так, за 2000 г. в Сибирском федеральном округе показатель удельного

⁹ Российский статистический ежегодник. 2008. С. 458, 459; Российский статистический ежегодник. 2009. С. 423, 425.

веса личных хозяйств в посадках картофеля был снижен с 96,1 до 94,8 %, овощей – с 85,5 до 83,1 %¹⁰.

Внесение поправок в данные о посевных площадях поставило вопрос о пересмотре ранее построенных динамических рядов их погодных изменений. Реконструкция динамики посевных площадей в Сибири в 1990–2005 гг., проведенная на основе материалов статистических сборников, опубликованных до 2009 г., представлена в табл. 2 (см. Вариант А). Согласно помещенным в ней данным общая площадь посева в 1991–1995 гг. сократилась на 14,1 п.п., в 1996–2000 гг. – на 14,4, в 2001–2005 гг. – на 5,7 п.п. Наиболее высокими темпами снижались посевы кормовых культур: на 21,8, 19,4 и 15,5 п.п. соответственно. Площадь, занятая зерновыми в 1991–1995 гг., сократилась на 10,9 п.п., в 1996–2000 гг. – на 12 п.п., а в первое пятилетие – 2001–2005 гг. – стабилизировалась. Картофелеводство и овощеводство показывали иную динамику. Посадки картофеля в первые пять лет исследуемого периода увеличились (+22,4 п.п.), а затем начали медленно уменьшаться (–4,6 и –3,2 п.п.). Посадки овощей в 1991–1995 гг. и 1996–2000 гг. увеличились (+34,4 и +18,7), а в 2001–2005 гг. незначительно сократились (–2,2 п.п.).

Динамические ряды погодных изменений посевных площадей, построенные на данных из статистических сборников, изданных в 2009 г. и позднее, отличаются от предшествующих. Для зерновых и кормовых культур отличия минимальны, для пшеницы они отсутствуют. Динамика же развития картофелеводства и овощеводства в 1995–2005 гг. существенно отличается от реконструированной выше. Сокращение посадок картофеля в последнее пятилетие XX в. и в первое пятилетие XXI в. было значительно более существенным (–17,5 и –16,5 п.п.). Площади, занятые овощами, во второй половине 1990-х гг. незначительно увеличились (+1,5 п.п.), а в 2001–2005 гг. – резко снизились (–13,6 п.п.). Согласно данным, представленным в Варианте Б, пашни в 2000 г. в Сибири засеяли на 28,9 % меньше, чем в 1990 г. Посевы кормовых культур за 10 лет снизились на 41,8 %, зерновых – на 22,3, пшеницы – на 1 %,

¹⁰ Сельское хозяйство в России. М., 2002. (Электронный ресурс). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b02_38/IssWWW.exe/Stg/d020 (дата обращения: 01.11.2018); Сельскохозяйственная деятельность хозяйств населения в России: стат. сб. М., 2003. С. 71, 74; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России: стат. сб. М., 2009. (Электронный ресурс). – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_38/IssWWW.exe/Stg/d02 (дата обращения: 01.11.2018).

посадки картофеля увеличились на 4,9 %, овощей – на 35,9 %. За первые пять лет XXI в. посевы кормовых культур, картофеля и овощей снизились на 25,5, 15,7 и 16,4 % соответственно, площади, занятые зерновыми культурами, остались фактически неизменными (прирост составил менее 0,1 %), а пшеницей – увеличились на 4,5 %. Общая площадь посева уменьшилась на 8,8 %.

Таблица 2

Динамика посевных площадей в Сибири в 1990–2005 гг., в % к 1990 г.

Культуры	Вариант А			Вариант Б	
	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.
Зерновые	89,1	77,1	77,3	77,1	77,2
Пшеница	102,2	99,0	103,4	99,0	103,4
Картофель	122,4	117,8	114,4	104,9	88,4
Овощи	134,4	153,1	150,9	135,9	113,6
Кормовые	78,2	58,8	43,3	58,5	43,6
Весь посев	85,9	71,5	65,8	71,1	64,8

Источники: Вариант А: Сельское хозяйство в России: стат. сб. М., 1998. С. 186, 203, 206, 209, 216, 220, 223; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008; Вариант Б: Сельское хозяйство в России. М., 1998. С.186, 203, 206, 209, 216, 220,223; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России: стат. сб. М. 2009. (Эл.ресурс). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_38/IssWWW.exe/Stg/d02 (дата обращения: 01.11.2018).

Таким образом, вывод о кризисе растениеводства в 1990-е гг., сделанный до внесения поправок в сведения о посевных площадях, ревизии не подлежит. Более того, поскольку скорректированные показатели увеличения посадок овощей и картофеля меньше прежних, можно говорить об относительно большей глубине кризиса. В 2001–2005 гг. основной тенденцией развития растениеводства по-прежнему было сокращение посевных площадей. Однако его темпы снизились. В то же время в аграрной экономике наметились точки роста. В Сибири увеличились посевы пшеницы. Продолжилось начатое в предыдущее пятилетие сокращение посадок картофеля, что свидетельствует о положительных изменениях в структуре питания населения.

Возвращаясь к проблеме репрезентативности результатов статистического мониторинга, отметим, что, несмотря на выявленное в ходе обработки материалов Всероссийской переписи 2006 г. несоответствие между ее результатами и данными текущего учета личных хозяйств населения, принципы определения размеров по-

севных площадей остались неизменными. По личным приусадебным хозяйствам они определяются по-прежнему по результатам выборочных обследований, а по коллективным садам и огородам – расчетным путем. Некоторые коррективы были внесены лишь в порядок формирования выборки хозяйств для обследования и в показатели расчетной доли пашни и посадок той или иной культуры в коллективных садах.

В то же время у нас есть ряд сомнений в обоснованности поправок, внесенных Росстатом в данные о посевных площадях. Во-первых, настораживает линейность увеличения погрешности. Погодовой темп ее нарастания с 1996 по 2006 г. фактически равномерный. В связи с этим возникает вопрос, отражает ли эта схема реальный процесс накопления погрешности или это механическая подгонка к результату 2006 г. Во-вторых, мы не уверены в полной достоверности данных о посевных площадях за первую половину 1990-х гг., которые Росстатом изменены не были. Точность скорректированной методики статистического мониторинга могут показать лишь результаты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., окончательные итоги которой пока не опубликованы.

Литература

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / *В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева* [и др.]. Новосибирск, 2008.
2. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / *В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева* [и др.]. Новосибирск, 2012.

Summary

Sverdlov M.B. “Rural Community in Russia in 9th to 12th centuries, its land Property, juridical Rights, State Taxes and Duties”

The article is devoted to analysis of determinants of formation of Russian rural community in 9th to 10th centuries and information about its land property, juridical rights, state taxes and duties.

Keywords: Indo-European period, Common Slavic period, rural community, state taxes and duties.

Stepanova L.G. Information from the early land cadastre and field research about the fertility of the land and the resettlement of the peasants: completeness, representativeness and possibilities of use

In the article, on the basis of field studies of the first Russian soil scientists, the completeness and representativeness of the information of the mid-16th century *piszovye knigi* and Economic Notes to the General Survey of the end of the XVIII century about the quality of soil is analyzed. The evaluations of different centuries in certain settlements are compared and analyzed.

Keywords: Land cadastres; the quality of the land; soil fertility; writing books; General survey; soil studies; Novgorod.

Cherkasova M.S. Rural clergy in northern Russia in the context of agrarian and social history of the XVI–XVIIth centuries

The article discusses the social status of rural clergymen and church ministers, their land possessions and tax obligations, relations with officials from dioceses and peasant communities. Acts and cadasters of the northern *uezds* are analyzed. Some archaic features management and taxation are shown.

Keywords: community, the parish clergy, diocese, land, taxes.

Pshenitsyn D.A. The marriage of the peasantry in the Northern Russia in the first half of the XVIII century.

In the article on the basis of a large complex of sources from 400 books of *venechnye poshliny* (marriage payments) from the Central archive of Veliky Ustug the marriages of peasantry in the first half of the XVIII century are investigated.

Keywords: historical demography; marriage rate; taxes; Veliky Ustug archbishop; state peasants.

Timoshenkova Z.A. The harvesting book of 1720, Starorussky uezd (on the types of land use)

Based on the study of the harvesting book of the Staraya Russa lands of the Iversky Monastery in 1720 and different acts, the study reveals the mechanism of recording the sowings and harvests of the ‘*pyatinnyi khleb*’, as well as the types of documentation accompanying this process. The distribution of crops

does not indicate a rigorous functioning of the three-field, but makes it possible to efficiently, taking into account the demand for winter, spring bread and industrial crops, to use fields, heathlands, and new clearing. A flexible system of benefits, taking into account local natural disasters, crop failure, and the economic weakness of the peasant economy, was used in the patrimony.

Keywords: XVIII century; harvesting books; book form; allotment; privileges.

Komissarenko A.I. Vyatka region during the Peasant war of 1773–1774: the efforts of the administration to prevent the participation of the population in the Pugachev movement.

The article discusses the measures taken by the administration to prevent the participation of Vyatka peasants and townspeople in the Peasant war led by E. I. Pugachev. Among them are attempts to block roads linking the Vyatka province with the territories involved in the rebel movement, sending military teams and military equipment to the places which could be threatened by the rebel groups.

Keywords: Russia, Vyatka province, Pugachev's movement, the concerns of the local administration, the military command.

Artamonova L.M. Completeness and representativeness of oral traditions as sources for the history of the agricultural development of the Samara Volga region in the 18th century

The article shows the value of oral traditions, recorded by ethnographers, folklorists, priests, other local historians and lovers of antiquity in the Samara region, as sources for the history of rural colonization of new lands.

Keywords: Russia in the 18th century; source studies; oral history; colonization; agrarian history.

Bespalov S.V. The problem of efficiency of private farms in Russia at the early twentieth century in the right-liberal social thought

The article analyzes the views of representatives of the liberal-conservative direction of Russian public opinion on the effectiveness of private land ownership and the future of private farms. The article deals with the comparative efficiency of large, medium and small land ownership, the impact of private land ownership on the development of the peasant economy, etc.

Keywords: agrarian policy; social theories; reforms; nobility; peasantry.

Bukalova S.V. Labor assistance for the families of mobilized peasants during the World War I

The article describes the role of the rural community in the organization of labor assistance to the families of mobilized peasants during the World War I. The author examines the practice of mutual support in such community. On the basis of comparison with other types of labor assistance, the conclusion is made about the insufficient level of community solidarity.

Keywords: World War I, rural community (obshchina), mutual labor assistance (toloka), the families of mobilized peasants.

Zhirov N.A. Peasant landownership in Oryol province at the turn of the XIX–XX centuries

The article is devoted to changes in the structure of peasant landownership in the agrarian regions of the Russian Empire by the example of Orel province. Particular attention is paid to the problems that existed in the peasant economy at the turn of the XIX and XX centuries.

Keywords: Oryol province; peasantry; landownership; agrarian policy.

Sviridov I.S. The spread of sectarianism among the peasantry of Chernozem Center of Russia in the second half of the XIX century

The article analyzes the external and internal reasons for the spread of sectarianism in the peasant environment. The main sects of the Chernozem Center of Russia are considered.

Keywords: external side of Orthodoxy; religious preachers; search for justice; the impact of urban crafts; attractiveness of sects.

Sinityn R.V. On one unsuccessful experience in the analysis of harvest statistics in pre-revolutionary Russia

The analysis of the book by D.N. Ivantsov «To the criticism of Russian crop statistics. Experience in analyzing some official and current data» is given. The approaches used by D.N. Ivantsov in the work are considered, conclusions about the limits of scientific evidence of his judgments are made.

Keywords: crop statistics; selective observation; medium hypothesis; correlation analysis.

Tokarev N.V. The provincial government and the Stolypin transformation of Tambov village

The article describes the basic directions of activity of administration of the Tambov province in terms of agrarian policies in 1906–1917. Governors became conductors of Stolypin's course of modernization of the Russian village, coordinated activity of local institutions and officials, selected personnel structure of performers, controlled the course and rates of land management actions, adjusted cooperation with bodies of the Zemstvo self-government on increase of country agriculture. A necessary condition for the reform of Tambov village was the use of administrative repression against opponents of Stolypin reforms.

Keywords: the Governor; land management; peasants; Tambov province.

Kabytov P.S. Rural community and protest movement in 1917

The article defines the stages of studying the course and scale of the mass agrarian movement in the provinces of the Volga region during the Great Russian Revolution. Attention is focused on the need to implement the new approaches to

studying the protest movement and identifying the role of the rural community and mass associations of the peasantry.

Keywords: peasant consistency; mass agrarian movement in 1917; peasant committees; rural community; political parties; protest movement.

Kabytova N.N. Restart of rural self-government in the Russian revolution of 1917

The article discusses the principles of self-organization of the peasant world during the Great Russian Revolution; shows the mechanism of formation and constitution of peasant committees in 1917.

Keywords: the Great Russian Revolution; rural land community; councils; peasant conventions.

Romanchenko V.Ya. Peasant revolution and dual power in the Russian village (spring-autumn 1917)

The paper deals with the processes of formation and development of local governments in the Russian village, created in the period from February to October 1917 by the peasantry and the Provisional government, the relationship between them and the central government.

Keywords: revolution 1917; dual power; Provisional government; peasants; rural land community.

Bezgin V.B. The peasant community in the revolution of 1917 (the materials of the Tambov province)

The article presents the analysis of the peasant movement in Tambov province in 1917. Forms and methods of Tambov peasants' struggle for the land are discussed, as well as the role of the rural community in agrarian unrest.

Keywords: Revolution of 1917; peasants; community; agrarian movement; Tambov province.

Ivanov A.A. Rural society of the 1920s in the materials of the Commissariat of the worker-peasant inspection of the RSFSR

The article discusses the significance of the documentary evidence from the archive of the Commissariat of the worker-peasant inspection of the RSFSR on the relations between the community and the rural Soviets in the 1920s.

Keywords: community; rural Soviets; peasantry; worker-peasant inspection; sources.

Polkh P.P. Materials on the management of agriculture in the post-war period in the materials of the state archive of the Kaliningrad region: the question of representativeness

The article discusses the materials of the state archive of the Kaliningrad region and examines the opportunities they provide for the study of agriculture in the region in the period from 1945 to the end of the 1950s.

Keywords: management of agriculture; collective and state farms; official sources; Kaliningrad region.

Berlov A.V. Private property of the means of production in Soviet Russia rural economy in the works of academic economists of the Russian emigration in 1920–1930s

This article shows the attitude of scholars of Russian emigration to the public policy of the socialization of land funds and agricultural production of Soviet Russia in the 1920–1930s. It is shown that Russian economists considered useful for Russia to rely on peasant households, and to turn them into private farms, using personal equipment and technology.

Keywords: agricultural production; private property; emigrants; the collectivization of agriculture.

Kovalev D.V. The land policy of the Soviet state and homestead-precinct land use in the first post-revolutionary decade (material of the Moscow province)

The article deals with the changes in the backyard-plot land use of suburban peasants due to revolutionary deformations and equalizing land policy of the Soviet state in the first decade of its existence. It is revealed that the latent processes in the village of the post-revolutionary period, expressed in the social mimicry of the owners of the otrub and hutur households, simulated a return to the communal order for political reasons, while maintaining the separate use of land.

Keywords: Soviet state; land policy; peasantry; land use.

Andreenkov S.N. Collective and state farm system of the USSR 1946–1964 in the publications of historians and economists of the Soviet era

The article analyzes the views of Soviet historians and economists on the development and functioning of the collective-state farm system of the USSR in 1946–1964, the role of ideology and political attitudes of the Supreme power in the formation of their opinions and conclusions.

Keywords: collective and state farm system; agricultural system; agriculture; historiography.

Orlov D.S. Agrarian policy and agriculture of Western Siberia in the 1960s – the first half of the 1980s

The article analyzes the evolution of agrarian policy and the development of agriculture in the West Siberian economic region in the mid-1960s - first half of the 1980s. The author concluded that the system of relations between the state and agricultural enterprises evolved from attempts at liberalization to strengthen administration in the following decade.

Keywords: agriculture; agrarian policy; March Plenum of the Central Committee of the CPSU, 1965; collective farms; state farms; Western Siberia.

Serogodsky N.A. Evolution of forms and types of land use in the South of Russia in the 1990s

The article examines the progress of land reform 1990s. in the South of Russia, and shows the process of the transition of state ownership of agricultural lands to collectively-shared and private.

Keywords: agriculture; land reform; privatization; market economy/

Logunova I.V. Transformation of land use structure at the initial stage of agrarian reform of the 1990s (based on the materials of the Central Chernozem region)

The article analyzes the changes in the structure of land use and agricultural producers in the Central Chernozem economic region at the initial stage of agrarian reforms of the 1990s on the basis of statistical reports on the availability and distribution of land.

Keywords: agrarian reform; land use; agricultural producers; Central Chernozem region.

Ilyinykh V.A. The Dynamics of the sown areas in Siberia in the late XX – early XXI century: Sources of Reconstruction

The article identifies reasons for making amendments to the data on the sown areas in the statistical compendiums published after the 2006 All-Russian agricultural census. The author reconstructs the dynamics of the sown area with and without amendments.

Keywords: agriculture; agrarian policy; statistical monitoring; sown areas; Siberia.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Свердлов М.Б.</i> Соседская сельская община на Руси IX–XII вв.: земельная собственность, платежи и повинности	6
<i>Степанова Л.Г.</i> Сведения первых земельных кадастров и полевых исследований о плодородии земли и расселении крестьян: полнота, репрезентативность и возможности использования	16
<i>Черкасова М.С.</i> Сельское духовенство на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVI–XVII вв	25
<i>Пишеницын Д.А.</i> Брачность крестьянства на севере России в первой половине XVIII в.	40
<i>Тимошенкова З.А.</i> Ужинно-умолотная книга 1720 г. Старорусского уезда (к вопросу о характере землепользования)	50
<i>Комиссаренко А.И.</i> Вятский край в условиях Крестьянской войны 1773–1774 гг.: политика администрации по предотвращению участия населения в пугачевском движении	57
<i>Артамонова Л.М.</i> Полнота и репрезентативность устных преданий как источников по истории крестьянских переселений в Самарское Поволжье в XVIII в.	65
<i>Беспалов С.В.</i> Проблема эффективности частновладельческих хозяйств в России начала XX века в праволиберальной общественной мысли	74
<i>Букалова С.В.</i> Сельскохозяйственная помощь семьям мобилизованных в годы Первой мировой войны	87
<i>Жилов Н.А.</i> Крестьянское землевладение в Орловской губернии на рубеже XIX–XX в.	99
<i>Свиридов И.С.</i> О сектантстве среди крестьянства Черноземного Центра России во второй половине XIX века	105
<i>Синицын Р.В.</i> Об одном неудачном опыте анализа урожайной статистики в дореволюционной России	113

<i>Токарев Н.В.</i> Губернская власть и столыпинская трансформация тамбовской деревни	121
<i>Кабытов П.С.</i> Сельская община и протестное движение в 1917 году	130
<i>Кабытова Н.Н.</i> Перезагрузка сельского самоуправления в Российской революции 1917 года	139
<i>Романченко В.Я.</i> Крестьянская революция и двоевластие в российской деревне (весна-осень 1917 г.)	148
<i>Безгин В.Б.</i> Крестьянский «мир» в революции 1917 года (на материалах Тамбовской губернии)	160
<i>Иванов А.А.</i> Сельский социум 1920-х годов в материалах Наркомата рабоче-крестьянской инспекции РСФСР	169
<i>Полх П.П.</i> Материалы по управлению сельским хозяйством послевоенного периода в фондах Государственного архива Калининградской области: к вопросу о репрезентативности	178
<i>Берлов А.В.</i> Частная собственность на средства производства в сельском хозяйстве Советской России в оценках ученых-экономистов русской эмиграции 1920–1930-х гг.	187
<i>Ковалев Д.В.</i> Земельная политика советского государства и подворно-участковое землепользование в первое послевоенное десятилетие (по материалам Московской губернии)	195
<i>Андреенков С.Н.</i> Колхозно-совхозная система СССР 1946–1964 гг. в публикациях историков и экономистов советской эпохи	209
<i>Орлов Д.С.</i> Аграрная политика и сельское хозяйство Западной Сибири в 1960-е – первой половине 1980-х гг.	218
<i>Серогодский Н.А.</i> Эволюция форм и видов землепользования на Юге России в 1990-е гг.	223

Логунова И.В. 237
Трансформация структуры землепользования на начальном этапе аграрной реформы 1990-х гг. (по материалам Центрального Черноземья)

Ильиных В.А. 244
Динамика посевных площадей в Сибири в конце XX – начале XXI в.: источники реконструкции

Summary 253

CONTENTS

Introduction 5

Sverdlov M.B. 6

Rural Community in Russia in 9th to 12th centuries, its land Property, juridical Rights, State Taxes and Duties

Stepanova L.G. 16

Information from the early land cadastre and field research about the fertility of the land and the resettlement of the peasants: completeness, representativeness and possibilities of use

Cherkasova M.S. 25

Rural clergy in northern Russia in the context of agrarian and social history of the XVI–XVIIIth centuries

Pshenitsyn D.A. 40

The marriage of the peasantry in the Northern Russia in the first half of the XVIII century

Timoshenkova Z.A. 50

The harvesting book of 1720, Starorussky uезд (on the types of land use)

Komissarenko A.I. 57

Vyatka region during the Peasant war of 1773–1774: the efforts of the administration to prevent the participation of the population in the Pugachev movement

Artamonova L.M. 65

Completeness and representativeness of oral traditions as sources for the history of the agricultural development of the Samara Volga region in the 18th century

Bespalov S.V. 74

The problem of efficiency of private farms in Russia at the early twentieth century in the right-liberal social thought

Bukalova S.V. 87

Labor assistance for the families of mobilized peasants during the World War I

<i>Zhirov N.A.</i> Peasant landownership in Oryol province at the turn of the XIX–XX centuries	99
<i>Sviridov I.S.</i> The spread of sectarianism among the peasantry of Chernozem Center of Russia in the second half of the XIX century	105
<i>Sinitsyn R.V.</i> On one unsuccessful experience in the analysis of harvest statistics in pre-revolutionary Russia	113
<i>Tokarev N.V.</i> The provincial government and the Stolypin transformation of Tambov village	121
<i>Kabytov P.S.</i> Rural community and protest movement in 1917	130
<i>Kabytova N.N.</i> Restart of rural self-government in the Russian revolution of 1917	139
<i>Romanchenko V.Ya.</i> Peasant revolution and dual power in the Russian village (spring-autumn 1917)	148
<i>Bezgin V.B.</i> The peasant community in the revolution of 1917 (the materials of the Tambov province)	160
<i>Ivanov A.A.</i> Rural society of the 1920s in the materials of the Commissariat of the worker-peasant inspection of the RSFSR	169
<i>Polkh P.P.</i> Materials on the management of agriculture in the post-war period in the materials of the state archive of the Kaliningrad region: the question of representativeness	178
<i>Berlov A.V.</i> Private property of the means of production in Soviet Russia rural economy in the works of academic economists of the Russian emigration in 1920-1930s	187
<i>Kovalev D.V.</i> The land policy of the Soviet state and homestead-precinct land use in the first post-revolutionary decade (material of the Moscow province)	195
<i>Andreenkov S.N.</i> Collective and state farm system of the USSR 1946–1964 in the publications of historians and economists of the Soviet era	209

<i>Orlov D.S.</i>	
Agrarian policy and agriculture of Western Siberia in the 1960s – the first half of the 1980s	218
<i>Serogodsky N.A.</i>	
Evolution of forms and types of land use in the South of Russia in the 1990s	223
<i>Logunova I.V.</i>	
Transformation of land use structure at the initial stage of agrarian reform of the 1990s (based on the materials of the Central Chernozem region)	237
<i>Ilyinykh V.A.</i>	
The Dynamics of the sown areas in Siberia in the late XX – early XXI century: Sources of Reconstruction	244
Summary	253

Научное издание
Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
2017 год

Формы землевладения и системы землепользования, сельское
управление и самоуправление в аграрной истории России X–XXI вв.

Отв.ред.: Елена Николаевна Швейковская

*Компьютерная верстка А.А. Чубур
Корректор Г.Е.Маханова*

ООО «Новый проект»
241050, Брянск, ул.Калинина, 81